

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.Н. КАРАЗИНА

На правах рукописи

УДК 811.112.2'42

СИДОРОВА МАРИЯ ОЛЕГОВНА

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА
ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ИМПЛИКАТУРАМИ В РЕАКТИВНЫХ ХОДАХ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Специальность 10.02.04 – германские языки

Д и с с е р т а ц и я
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
Безуглая Лилия Ростиславовна,
доктор филологических наук, профессор

Харьков – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СИМВОЛОВ И УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ИМПЛИКАТУРАМИ В РЕАКТИВНЫХ ХОДАХ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	15
1.1. Изучение диалога и реактивных высказываний в лингвистике.....	15
1.2. Дискурсивно-прагматический подход к анализу реактивных высказываний.....	21
1.2.1. Понятие диалогического дискурса.....	21
1.2.2. Структура диалогического дискурса.....	27
1.2.3. Понятие импликатуры.....	32
1.2.4. Речеактовые характеристики реактивных высказываний.....	35
Выводы по главе 1.....	43
ГЛАВА 2. ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ИМПЛИКАТУРАМИ В РЕАКТИВНЫХ ХОДАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	45
2.1. Материал исследования.....	45
2.2. Методы и процедура исследования.....	49
Выводы по главе 2.....	57
ГЛАВА 3. ИНДИКАТОРЫ ИМПЛИКАТУР В РЕАКТИВНЫХ ХОДАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	59
3.1. Индикаторы конвенциональных импликатур реактивных высказываний.....	59
3.1.1. Лексико-грамматические индикаторы импликатур.....	60
3.1.1.1. Импликативные, фактивные и пресуппозиционные глаголы.....	60

3.1.1.2. Градуальные частицы.....	67
3.1.1.3. Прилагательные в сравнительной и превосходной степени.....	73
3.1.1.4. Скалярные наречия.....	78
3.1.1.5. Местоимения.....	80
3.1.1.6. Глаголы в сослагательном наклонении	85
3.1.2. Синтаксические индикаторы имплицатур.....	88
3.1.2.1. Риторические вопросы.....	88
3.1.2.2. Риторические утверждения и побуждения.....	93
3.1.2.3. Условные придаточные предложения.....	97
3.1.2.4. Структуры противопоставления.....	103
3.2. Индикаторы конверсационных имплицатур реактивных высказываний.....	107
3.2.1. Языковой контекст как индикатор дедуктивных имплицатур.....	107
3.2.2. Языковой контекст как индикатор индуктивных имплицатур.....	112
3.2.3. Дискурсивный контекст как индикатор абдуктивных имплицатур.....	114
Выводы по главе 3.....	117
ГЛАВА 4. ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ИМПЛИКАТУРАМИ В РЕАКТИВНЫХ ХОДАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	122
4.1. Иллокутивные свойства высказываний с имплицатурами в реактивных ходах.....	122
4.1.1. Реакции на речевой акт квеситив.....	123
4.1.1.1. Непрямые ответы на специальные вопросы.....	126
4.1.1.2. Непрямые ответы на общие вопросы.....	130
4.1.2. Реакции на речевой акт комиссив.....	134
4.1.2.1. Отказ.....	135

4.1.2.2. Согласие.....	137
4.1.3. Реакции на речевой акт директив.....	139
4.1.3.1. Отказ.....	141
4.1.3.2. Согласие.....	146
4.1.4. Реакции на речевой акт ассертив.....	149
4.1.4.1. Возражение.....	150
4.1.4.2. Подтверждение.....	153
4.1.5. Реакции на речевой акт экспрессив.....	155
4.2. Дискурсивно-стратегические свойства высказываний с импликатурами в реактивных ходах.....	162
4.2.1. Стратегия аргументации.....	163
4.2.1.1. Тактика обоснования.....	164
4.2.1.2. Тактика обобщения.....	168
4.2.2. Стратегия вежливости.....	171
4.2.2.1. Тактика ликоповышения адресата.....	172
4.2.2.2. Тактика собственного ликопонижения.....	175
4.2.2.3. Тактика намекания.....	177
4.2.3. Стратегия вуалирования.....	181
4.2.3.1. Тактика собственного ликоповышения.....	182
4.2.3.2. Тактика эвфемизации.....	184
4.2.3.3. Тактика уклонения.....	189
4.2.3.4. Тактика ликопонижения адресата.....	188
4.2.3.5. Тактика ликоповышения / ликопонижения третьего лица.....	191
Выводы по главе 4.....	194
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	198
СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....	203
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ.....	238
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	240
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	246

СПИСОК СИМВОЛОВ И УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

РА	речевой акт
ИХ	инициальный дискурсивный ход
РХ	реактивный дискурсивный ход
К1	коммуникант 1, автор инициального высказывания
К2	коммуникант 2, автор реактивного высказывания
$p, q, r \dots$	пропозиции
p'	модифицированная пропозиция
$A(p)$	ассертив с пропозицией p
$D(p)$	директив с пропозицией p
$E(p)$	экспрессив с пропозицией p
$K(p)$	комиссив с пропозицией p
$Q(p)$	квеситив с пропозицией p
R	отношение; «коррелирует с»
$+>$	«следует конверсационно», «импликатирует»
$>>$	«следует конвенционально»
$+>>$	«следует конвенционально и конверсационно», «импликатирует»
$\sim$	отрицание
$\&$	конъюнкция
$\vee$	дизъюнкция
$\neq$	не тождественно

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентрическая направленность лингвистического поиска на современном этапе обуславливает обращение к проблеме имплицитных смыслов, в частности зависимости их прагма-семантических характеристик от положения высказывания в диалоге. Настоящая диссертация ставит в центр исследовательского интереса высказывания в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса, являющиеся носителями актуализированных имплицитных смыслов – имплицатур.

Анализ диалога восходит к трудам Л.П. Якубинского [241] и М.М. Бахтина [19] и основывается на принципе диалогической природы языка, сформулированном В. фон Гумбольдтом [62]. Исследования в области анализа диалога обосновывают методологическую самостоятельность этой дисциплины [57; 225; 242; 260; 280; 290], акцентируют первичность диалога относительно монолога [345], рассматривают отличие естественного диалога от литературного [252; 253; 262; 267; 276; 289; 327; 343], концентрируются на структуре, прагматических свойствах и стратегических механизмах диалогического взаимодействия [10; 13; 50; 100; 149; 180; 203; 328], касаются межкультурных [162; 212; 223] и исторических аспектов [335] диалога и выходят на понятие диалогического дискурса как совокупности среды, процесса и результата межличностного взаимодействия [24; 53; 64; 160; 205; 229]. Диалогический дискурс предстает как методологический инструмент и репрезентативный материал для исследования многих языковых и речевых явлений [47; 48; 84; 105; 106; 108; 110; 175; 213; 283 и др.].

Исследования диалога и диалогического дискурса чаще всего сосредотачиваются на взаимодействии стимула и реакции в терминах функциональной модели [37; 48; 176], диалогического единства [2; 104; 166; 266], иллокутивного вынуждения или прагматической детерминации [17; 52; 111; 156; 113]. Реактивные диалогические реплики изучаются на предмет их

семантической типологии [49; 74], оппозитивного [11; 33; 96; 129; 168; 221] и аргументативного потенциала [16; 93]. Устанавливается и роль имплицитных смыслов в формировании смысла реактивной реплики [136; 145; 152; 177].

Изучение проблем имплицитности прошло закономерный путь развития от ее системно-структурных аспектов [79; 146; 158; 167; 142; 206; 214; 237] до когнитивно-прагматических и дискурсивных свойств имплицитных смыслов, актуализирующихся в различных типах дискурса – политическом [85; 235], разговорном [8; 22; 25; 35; 36; 66; 240], рекламном [5; 251], художественном [75; 165; 173], а также в аспекте перевода [164]. Исследования имплицитности проводятся на материале русскоязычного [21; 34; 68; 130; 94; 121; 185; 209; 218; 220; 230], англоязычного [8; 14; 41; 43; 76; 90; 107; 170; 207; 240], франкоязычного [31], немецкоязычного [22; 25; 28; 29; 55; 98; 159; 186; 295] и др. дискурсов. Постоянное обращение к проблемам имплицитности обусловлено тем, что «в дискурсе говорится больше, чем реально произносится» [268, с. 43] (здесь и далее – перевод аутентичных цитат наш. М.С.).

В западной прагмалингвистической традиции имплицитные смыслы изучаются с позиций теории имплицатур Г.П. Грайса [275]. Рассматриваются проблемы типологии имплицатур [245; 246; 265; 284; 312; 314; 318], отличие имплицатуры от других видов имплицитной информации [287; 299; 316; 333], когнитивно-семантические механизмы актуализации имплицатуры в дискурсе [248; 273; 292; 285; 309; 318; 329], а также соотношение теории имплицатур с теорией релевантности [257; 334; 331] и теорией оптимальности [256]. Однако нерешенной остается проблема зависимости характера и семантико-прагматических особенностей актуализированных имплицатур от положения высказывания в диалоге. Очевидно, что имплицатуры инициальных высказываний должны отличаться от имплицатур реактивных высказываний иллокутивными и дискурсивно-стратегическими свойствами.

Наше исследование имплицатур высказываний в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса осуществлено в рамках

дискурсивной лингвопрагматики [42; 26, с. 17; 258], иначе называемой неокартезианской [298], интерперсональной [244; 324], макро- [264], мета- [288] или социопрагматикой [306]. Дискурсивная прагматика изучает не импликатуры «вырванных» из дискурса высказываний, как это было на начальном этапе развития прагматического подхода, а реальный дискурс, зафиксированный текстом, речевое взаимодействие коммуникантов с учетом многогранного дискурсивного контекста.

Актуальность работы определяется дискурсивно-прагматической направленностью исследования, соответствующей антропоцентрической парадигме лингвистики, а также распространенностью имплицитных смыслов в диалогической речи на немецком языке и необходимостью изучения взаимосвязи импликатуры и места высказывания в структуре диалога с позиций дискурсивного подхода. Избранное направление исследования вносит вклад в решение **научной проблемы** актуализации имплицитных смыслов в дискурсе.

Связь работы с научными планами. Тема диссертации соответствует профилю научных исследований, которые проводятся на факультете иностранной филологии Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды и кафедре немецкой филологии в рамках темы «Мови світу: типологічна лінгвістика», номер государственной регистрации 0111U008878.

Объектом исследования являются высказывания в реактивных ходах современного немецкоязычного диалогического дискурса, являющиеся носителями актуализированных импликатур.

Предметом исследования являются структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики высказываний с импликатурами в реактивных ходах современного немецкоязычного диалогического дискурса.

Цель исследования – определение структурно-семантических и дискурсивно-прагматических свойств высказываний с импликатурами в реактивных ходах современного немецкоязычного диалогического дискурса.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

- очертить теоретико-методологические основы изучения высказываний с импликатурами в реактивных ходах диалогического дискурса;
- разработать дискурсивно-прагматическую методику анализа высказываний с импликатурами в реактивных ходах диалогического дискурса;
- установить структурно-семантическую специфику индикаторов импликатур в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса;
- выявить закономерности актуализации конвенциональных и конверсационных импликатур в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса;
- выяснить речеактовые свойства высказываний с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса;
- охарактеризовать дискурсивно-стратегический потенциал высказываний с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса.

Материал исследования составил массив данных из 3264-х дискурсивных фрагментов, отобранных методом сплошной выборки из произведений современной художественной литературы Германии, Австрии и Швейцарии общим объемом около 19070 страниц, а также из 9-ти современных немецкоязычных художественных фильмов общей длительностью 78 часов звучания.

Методологической базой работы служат принципы дискурсивной прагмалингвистики, которая характеризуется антропоцентрическим подходом к анализу имплицитных смыслов с учетом всего комплекса аспектов их актуализации в дискурсе – структурно-семантического, когнитивного, психологического, социального, культурного [26, с. 17; 125; 208; 234; 258; 298]. В теоретических основаниях исследования интегрированы теории диалога, дискурса, речевых актов, импликатур, вежливости и аргументации.

В работе используется комплекс исследовательских **методов**, среди которых основными являются:

- общенаучные (наблюдение, описание, индукция, дедукция, интроспекция) – для отбора и анализа языкового материала и изложения положений диссертации;
- лексико-синтаксический анализ, включая методику структурно-семантического моделирования, – для установления структурно-семантических свойств высказываний с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса;
- анализ импликатур и их экспликация для установления особенностей их актуализации в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса;
- контекстуальный и интенциональный анализ для выявления коммуникативной интенции говорящего;
- акторечевой анализ для определения иллокутивных типов исследуемых высказываний;
- анализ дискурсивных стратегий и тактик для установления стратегического потенциала высказываний с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса;
- элементы метода количественной обработки данных для установления частотности исследуемых явлений.

В работе верифицирована **исследовательская гипотеза**: Высказывания в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса могут реализовывать имплицитные речевые акты, являясь носителями импликатур, актуализирующихся на основе вербальных и невербальных индикаторов, и демонстрируя определенный иллокутивный и стратегический потенциал.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в рамках дискурсивной прагмалингвистики установлены структурно-семантические, лингвопрагматические и дискурсивно-стратегические особенности высказываний с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса, в частности, впервые:

- разработана методика дискурсивно-прагматического анализа высказываний с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса;
- очерчены закономерности актуализации импликатур в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса;
- систематизированы индикаторы импликатур в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса;
- выявлен иллокутивный и дискурсивно-стратегический потенциал высказываний с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса.

Научная новизна работы может быть обобщена в следующих **положениях**, выносимых на защиту:

1. Конвенциональные и конверсационные импликатуры, актуализирующиеся в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса, проявляют пропозициональную и иллокутивную зависимость от инициального высказывания.

2. Индикаторами конвенциональных импликатур выступают лексико-грамматические и синтаксические средства немецкого языка.

2.1. Лексико-грамматические индикаторы импликатур включают имплицитивные, фактивные и пресуппозиционные глаголы, градуальные частицы, прилагательные в сравнительной и превосходной степени, скалярные наречия, местоимения, глаголы в сослагательном наклонении.

2.2. Синтаксические индикаторы импликатур включают риторические вопросы, побуждения и утверждения, условные предложения и противопоставительные структуры специфических моделей.

3. Конверсационные импликатуры в реактивных ходах демонстрируют три типа: дедуктивные, индуктивные и абдуктивные. Дедуктивные импликатуры выводятся на основе посылок силлогизма, содержащихся в инициальном и реактивном высказываниях, а также в пресуппозиционном фонде коммуникантов; индуктивные – на основе эксплицируемого следствия или

причины имплицитно предсказуемого действия; абдуктивные – на основе гипотезы в рамках дискурсивного контекста.

4. Высказывания с импликатурами, являясь поддерживающими, неподдерживающими и отсроченными реакциями на речевые акты ассертивы, квеситивы, директивы, комиссивы и экспрессивы, реализуют имплицитные речевые акты ассертивного, комиссивного, директивного и экспрессивного типов, а именно подтверждение, возражение, ответ, согласие, отказ, утешение, оправдание, ответное обвинение, опровержение, ответный эмотив. Реактивных имплицитных квеситивов не зафиксировано.

5. Реализация имплицитных реактивных речевых актов обусловлена дискурсивными стратегиями аргументации (тактики обоснования и обобщения), вежливости (тактики ликоповышения адресата, собственного ликопонижения и намекания) и вуалирования (тактики собственного ликоповышения, эвфемизации, уклонения, ликопонижения адресата и ликоповышения / ликопонижения третьего лица). Для реализации тактик намекания и эвфемизации характерны конверсационные импликатуры, для реализации остальных тактик – как конверсационные, так и конвенциональные.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом, который оно вносит в развитие дискурсивно-прагматического направления в лингвистике. Полученные результаты способствуют дальнейшему углублению теорий импликатур (определение закономерностей актуализации импликатур в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса), речевых актов (установление иллокутивного потенциала высказываний с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса), вежливости (выделение тактик вежливости и вуалирования, характерных для актуализации импликатур в реактивных ходах) и аргументации (установление аргументативных тактик, характерных для актуализации импликатур в реактивных ходах).

Практическая ценность работы обусловлена возможностью применения ее положений и выводов в лекционных курсах по теоретической грамматике

немецкого языка (раздел «Прагматика предложения»), общему языкознанию (раздел «Язык и мышление»), теории коммуникации (раздел «Фактор адресата»), спецкурсов по дискурсивной лингвистике, актуальным проблемам лингвистики, а также в научных исследованиях студентов и аспирантов.

Апробация результатов исследования осуществлена на десяти научных конференциях:

- семи международных (IX Міжнародна наукова конференція «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація» (Харьков, 2010); X Міжнародна наукова конференція «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація» (Харьков, 2011); Украинско-немецкая научная конференция «Semantik und Pragmatik im Spannungsumfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik» (Донецк, 2012); XII Міжнародна наукова конференція «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація» (Харьков, 2013); XIII Міжнародна наукова конференція «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація» (Харьков, 2014); Міжнародна науково-практична конференція «Філологічні науки в умовах сучасних трансформаційних процесів» (Львов, 2014); XIV Міжнародна наукова конференція «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація» (Харьков, 2015));

- двух республиканских (II Всеукраїнська наукова конференція германістів «Германістика у XXI столітті: когнітивна, соціо- та прагмалінгвістика» (Харьков, 2012); III Всеукраїнська наукова конференція германістів «Германістика у XXI столітті: когнітивна, соціо- та прагмалінгвістика» (Харьков, 2014));

- одной межвузовской (Наукова конференція германістів «Германістика у XXI столітті: когнітивна, соціо- та прагмалінгвістика» (Харьков, 2010)).

Результаты исследования обсуждены на заседаниях кафедры немецкой филологии ХНПУ им. Г.С. Сковороды, кафедры немецкой филологии и перевода и лингвистических семинарах факультета иностранных языков ХНУ имени В.Н. Каразина, а также на научном семинаре в университете имени Фридриха Александра Эрланген-Нюрнберг (ФРГ, декабрь 2010).

Публикации. Основные положения диссертации освещены в 16-ти публикациях автора, среди которых – четыре статьи, опубликованные в специализированных изданиях ГАК Украины, одна зарубежная статья и тезисы десяти докладов на конференциях.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав с выводами по каждой из них, заключения, приложения (15 таблиц), списков научной литературы (359 позиций), списка источников иллюстративного материала (77 позиций). Общий объем диссертации – 259 страниц, объем основного текста – 197 страниц. Для иллюстрации положений в тексте работы приведены 194 дискурсивных фрагмента из массива эмпирического материала.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ИМПЛИКАТУРАМИ В РЕАКТИВНЫХ ХОДАХ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Анализ импликатур в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса осуществляется в нашей работе с позиций дискурсивной лингвопрагматики. Лингвопрагматика в широком смысле этого понятия обращается к процессу речевого общения и направлена на изучение потребностей, целей, мотивов, намерений и речевых действий коммуникантов. Современная лингвопрагматика предполагает исследование явных и скрытых целей высказываний говорящего, речевых стратегий и тактик, а также способов речевого воздействия адресанта на адресата, в том числе в зависимости от положения высказывания в дискурсе и его дискурсивного окружения.

Прежде чем очертить теоретико-методологическую базу нашего исследования, необходимо рассмотреть особенности и результаты изучения диалога и диалогических реакций в лингвистике.

1.1. Изучение диалога и реактивных высказываний в лингвистике

Диалог является объектом изучения различных наук (психологии, социологии, антропологии и др.), среди которых лингвистика занимает одну из ведущих позиций. Изучение диалога как лингвистического явления в общем и реактивных высказываний в составе диалога в частности является на данном этапе развития лингвистической науки одной из основных проблем, находящихся под пристальным вниманием исследователей.

Диалогическая речь – разговор, при котором происходит непосредственный обмен информацией, мыслительным содержанием. Диалог представляет собой наиболее яркий и естественный случай коммуникации, т.к.

подлинное свое существование язык обнаруживает лишь в диалоге [19; 241]. По мнению М.М. Бахтина, «жизнь по природе своей диалогична. Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т.п.» [20, с. 318].

Как писал Л.П. Якубинский, для диалога характерно реплицирование либо в порядке смены (один закончил, другой начал), либо в порядке прерывания, которое определяет весь процесс говорения: «Диалогическое общение подразумевает высказывание «сразу» и даже «лишь бы», «как попало», только в некоторых случаях, которые осознаются говорящими как особые, мы констатируем при диалоге обдумывание, выбор и т.д.» [241].

Анализ диалога и диалогического взаимодействия основывается на принципе диалогической природы языка, сформулированном В. фон Гумбольдтом: «Язык, как он есть в действительности, представляется непрерывно текущим и преходящим с каждой минутой <...>, существо языка состоит в самом акте его воспроизведения. Живая речь есть первое истинное состояние языка» [62, с. 150].

Слово «диалог» происходит от греческого *dialogos* и состоит из двух частей: приставки *dia* ‘сквозь, через’ (а не «два», как принято считать) и корня *logos* ‘слово, значение, речь’. Первую часть термина можно интерпретировать как «сквозное движение, проникновение, размежевание, разделение, взаимность» и, следовательно, «диалог – разделенное слово, взаимная речь», т.е. разговор, который ведут несколько человек. Термин «диалог» не предполагает ограничения количества участников общения до двух [215, с. 218] (также [19, с. 322; 81, с. 33; 101]). Поэтому диалог как родовое понятие включает в себя диадду (общение между двумя коммуникантами) и полилог (общение между несколькими коммуникантами) [125, с. 146; 215, с. 219].

Исторически диалог как форма общения людей появился раньше монолога, что социально обусловлено. Человек изначально, в силу своей природы, не может не общаться с другим человеком, с природой, Богом, реальным или виртуальным миром, самим собой. Даже пространственный монолог, казалось бы, не

связанный непосредственно с ситуацией общения, всегда кому-то адресован, с одной стороны, и с другой – является реакцией, репликой на предшествующий контекст, конфликт, ситуацию. Поэтому монолог называют иногда остановленным диалогом, т.е. высказыванием, как бы извлеченным из диалога [59, с. 11-12].

Существует несколько трактовок диалога. С.И. Ожегов в «Словаре русского языка» дает следующее определение: «диалог» (греч. *dialogos* – первоначальное значение – ‘разговор между двумя лицами’) необходимо понимать, как словесный обмен между двумя, тремя и большим количеством собеседников [353].

О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» дает определение диалога как языковой формы общения в более узком смысле: «одна из форм речи, при которой каждое высказывание прямо адресуется собеседнику и оказывается ограниченным непосредственной тематикой разговора» [350]. В данном определении главный акцент сделан на организации диалога как формы речи: наличие адресата, общая тематика и устный характер высказываний.

Начиная с 90-х годов XX века распространено более широкое определение диалога с учетом диалогической теории М. Бахтина. «Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может. Как ни различны высказывания по своему объему, по своему содержанию, по своему композиционному строению, они обладают как единицы речевого общения общими структурными особенностями, и прежде всего совершенно четкими границами <...> Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определяются сменой речевых субъектов, т.е. сменой говорящих. Всякое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата – имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала – высказывания других, после их окончания – ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое активно

ответное понимание другого, или, наконец, ответное действие, основанное на таком понимании)» [19].

Лингвистический энциклопедический словарь определяет диалог, или диалогическую речь, как «форму (тип) речи, состоящую в обмене высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта. Для диалогической речи типична содержательная (вопрос – ответ, согласие – возражение) и конструктивная связь реплик» [352]. Данное определение включает не только наличие адресата и адресанта, формальное и содержательное единство реплик, но и конститутивный момент – формирование языкового состава высказывания адресанта под влиянием адресата [352].

Приблизительно в этом же духе диалог понимается и Е.В. Падучевой, которая рассматривает его как естественное языковое явление, где каждое высказывание имеет автора (говорящего), который обращается к кому-либо (слушающему), а предложение в диалоге непосредственно входит в речевой акт, фиксирующий место, время, участников диалога, контекст, т.е. все, что необходимо для понимания предложения [157, с. 305]. Это определение диалога наиболее соответствует характеру данного исследования и принимается как основополагающее для его дальнейших положений.

Минимальной единицей диалога считается обмен репликами, состоящий из реплики-стимула и реплики-реакции – «сочетание реплик, которые связаны друг с другом по определенным правилам синтаксической зависимости» [232, с. 280-281], называемый также диалогическим единством (термин Н.Ю. Шведовой), а также [2; 104; 166; 266], функциональной моделью [37; 48; 176], диалогическим минимумом [46], речевым обменом [9, с. 165-166; 51, с. 219]. Под репликой понимается особый тип высказывания, который вызван либо пропозициональным, либо интерактивным (иллокутивным, аргументативным, интерперсональным, метадискурсивным) планом инициального высказывания собеседника [9, с. 168].

Под высказыванием понимают «отрезок речи, имеющий коммуникативную направленность, смысловую целостность, являющуюся реализацией языковой системы, отвечающей языковой норме» [211, с. 15]. Т.е. высказывание представляет собой языковое выражение речевого акта, его границы определяются границами РА, который имеет определенную иллокуцию. Высказывание может состоять из одного или нескольких предложений, но при этом оно должно иметь одну иллокуцию – вопрос, просьбу, совет, сообщение и т.п.

Исследователи [11; 13; 78] настаивают на том, что реактивные высказывания необходимо рассматривать без отрыва от того инициального хода, к которому они привязаны, и, следовательно, изучать всю совокупность связей, возникающих между инициальным и реактивным высказыванием в определенном фрагменте диалога.

Инициальное и реактивное высказывания всегда связаны между собой определенными семантическими отношениями. Прежде всего, они имеют общие референты, поскольку оба коммуниканта высказываются относительно одного и того же объекта или явления действительности. <...> При выражении любого суждения его пропозиция наделяется либо истинностными, либо аксиологическими свойствами, в зависимости от того, является ли данное суждение выражением знания или оценки [113, с. 92]. Под пропозицией (пропозициональным содержанием) понимается общее значение высказывания, передаваемое семантикой входящих в него языковых элементов [157, с. 42].

Кроме пропозициональных связей, инициальное и реактивное высказывание обладают иллокутивными связями, которые рассматриваются в терминах иллокутивного вынуждения или прагматической детерминации [17; 52; 111; 156].

При изучении реактивных высказываний в диалоге и диалога в целом учитывается также тот факт, что каждое высказывание в диалоге связано с определенным фондом языковых и неязыковых знаний, обеспечивающих его адекватное понимание. Большая часть этих знаний объединяется в коды и

субкоды, такие как знание лексики, грамматики, а также вежливость, уважение к собеседнику, определенная форма выражения (риторика), жесты, мимика и т.д., что связано с реализацией коммуникантами определенных стратегий [10, с. 8].

Таким образом, *реактивное высказывание* представляет собой такой тип высказывания, который характеризуется пропозициональной, иллокутивной и стратегической связью с предыдущим высказыванием собеседника в диалогическом дискурсе.

Исследователи подчеркивают, что диалогическая речь в большей степени, чем какая-либо другая форма речи, имплицитна, эллиптична, зависит от ситуации высказывания, богата междометиями, модусными наречиями, частицами, глаголами формулирования и т.д. [3]. Ж.Р. Арустамян отмечает большие возможности имплицитного выражения пропозиции и иллокуции в диалоге (например, намек, инсинуация и т.п.) [10, с. 14].

Наличие в диалогическом дискурсе большого количества и разнообразия типов имплицитных смыслов обусловлено спецификой диалогической речи: в диалоге отражается и ситуация общения, и характер взаимоотношения партнеров, что позволяет единицам языка в полном объеме проявить свой потенциал, выступая одновременно и отражением мысли партнеров по коммуникации, и признаком их психических переживаний. Продуктом общения является не просто информация, а её интерпретация, поскольку диалогическая речь, как никакая иная форма вербальной коммуникации, склонна к вариативности: «Адресат имеет свободу выбора прореагировать на намерение говорящего, как он его понимает, игнорируя неподходящие для него презумпции, или же «прицепиться» к нему» [156, с. 305].

Устанавливается роль имплицитных смыслов в формировании содержательной стороны диалога. К примеру, Л.В. Матевосян рассматривает влияние имплицитных смыслов на содержание высказываний в диалоге в целом и в рамках конкретных сфер и ситуаций общения, в то время как И.Л. Муханов основное внимание уделяет текстообразующей функции имплицитных смыслов

в диалогической речи [136; 145]. И.М. Осовская, опираясь на прагмалингвистические свойства высказываний, исследует вариативность имплицитного отказа в диалоге [152]. Е.Э. Разлогова исследует не прямые ответы на вопрос в сопоставлении их с прямыми, анализируя их с точки зрения когнитивных установок коммуникантов в ситуации общения [177].

В.М. Глушак определяет основные параметры диалога как речевого поведения коммуникантов: «Речевое поведение представляет собой коммуникативно-дискурсивный феномен, обнаруживающий связь между процессами вербального взаимодействия коммуникантов и дискурсивными категориями» [54, с. 3]. При этом под речевым поведением понимается «вербальная форма взаимодействия людей с целью не только передать информацию одним участником коммуникации другому, но и оказать воздействие на его мнения, воззрения, убеждения, оценки и отношение к собеседнику» [54, с. 14]. Исследователь делает вывод о том, что со сменой научной парадигмы в конце XX века возникла необходимость в исследовании речевого поведения с позиций комплексного дискурсивно-коммуникативного подхода с учетом смежных с лингвистикой наук [54, с. 11].

Таким образом, изучение реактивных высказываний в диалоге неизбежно влечет за собой рассмотрение имплицитных связей между реактивными и инициальными высказываниями, которые целесообразно рассматривать с позиций дискурсивной прагмалингвистики.

1.2. Дискурсивно-прагматический подход к анализу реактивных высказываний

1.2.1. Понятие диалогического дискурса. Изучение дискурса является неотъемлемой частью современных прагмалингвистических исследований. В литературе наблюдается большое количество трактовок дискурса. Как и любое широко употребляемое понятие, дискурс допускает множество научных интерпретаций.

Актуальными сегодня являются следующие основные трактовки дискурса:

- 1) текстовая (дискурс как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, как текст, погруженный в ситуацию реального общения) [70; 114; 356, с. 87; 182; 228]; 2) социально-институциональная (дискурс как образец речевого поведения в социальной институциональной сфере) [67; 336]; 3) конверсационная (дискурс как устная речь) [263; 151]; 4) культурно-семиотическая (дискурс как «язык в языке», представленный в виде особенного социально-культурного явления) [124, с. 44]; 5) когнитивная [131, с. 11]; 6) когнитивно-коммуникативная [26, с. 25; 109; 234, с. 28].

Мы присоединяемся к трактовке *дискурса* как мыслекоммуникативной деятельности коммуникантов в широком (ситуативно-коммуникативном, социокультурном, когнитивно-психологическом) контексте, которая зафиксирована текстом и характеризуется континуальностью и диалогичностью [234, с. 28].

Исследователи подчеркивают ситуативную обусловленность дискурса [131, с. 11], его связь с понятиями «ситуация» и «контекст» и разграничение контекста в широком и узком смысле [143]. Под *дискурсивным контекстом* (контекстом в широком смысле) мы понимаем ментальную модель, которая отражает знания коммуникантов об актуальной ситуации и включает онтологический, коммуникативный, социальный, культурный, психофизиологический, когнитивный и психолингвистический компоненты [22, с. 72-73].

Помимо различных трактовок понятия дискурса, на данном этапе развития лингвопрагматики существует проблема типологии дискурсов и систематизация критериев отделения одного типа дискурса от другого. Огромное количество разнообразных типов дискурса Е.И. Шейгал характеризует следующим образом: «язык как абстрактная знаковая система существует в виде дискурса, точнее – дискурсов. Не бывает абстрактного

общения. Общение всегда происходит в конкретной сфере человеческой деятельности, в конкретном социальном пространстве» [236, с. 25].

Чаще всего дискурс определяют по трем параметрам: дискурс существует в триединстве среды, режима (модуса) и стиля общения, которые «реализуются, соединяясь, взаимодействуя и растворяясь друг в друге» и задают и обуславливают типы и подтипы дискурса [171, с. 21]. Среда дискурса принадлежит к аспекту языкового употребления и означает выделение типов дискурса по принадлежности к той или иной языковой общности (немецко-, англоязычный дискурс и т.д.). В среду общения входит не только топос (место общения), но и хронос (период, время, хронологический этап общения). Стил дискурса принадлежит к социально-прагматическому аспекту и отвечает жанрово-стилистическим разновидностям употребления языка (разговорный, художественный, научный дискурс и т.д.). Модус дискурса принадлежит к когнитивно-прагматическому аспекту и подразумевает «дифференциацию дискурсов по степени искренности, вежливости, официальности, эмоциональности, тактичности, категоричности, предубеждения, непринужденности и других параметров общения» [171, с. 23].

В.М. Глушак, рассматривая лингвопрагматические аспекты речевого поведения, выделяет два вида дискурса – «разреженный» и «уплотненный». Под разреженным дискурсом понимается такая коммуникативная среда, которая характеризуется слабовыраженным участием экстралингвистических факторов, благодаря чему речевое поведение коммуникантов совершается без жестких ограничений. В данном случае интерактанты ведут беседу без существенных конвенциональных ограничений и оформляют свое речевое поведение преимущественно эксплицитно, ясно и информативно. Уплотненный дискурс, напротив, характеризуется более высокой конвенциональностью и требует от коммуникантов учета различных экстралингвистических факторов, что заставляет их выбирать определенные стратегии оформления и, соответственно, ограничения своего речевого поведения. Уплотненный дискурс характеризуется имплицитными, поддающимися разным трактовкам

языковыми средствами и высказываниями, при этом релевантная для коммуникации информация должна реконструироваться из контекста [54, с. 19]. Для нашего исследования релевантным является уплотненный дискурс, поскольку именно в данном виде дискурса коммуниканты наиболее частотно прибегают к имплицитным смыслам.

И.С. Шевченко [234, с. 234] классифицирует дискурс по следующим критериям:

- по критерию формы – устный и письменный дискурс;
- по типу речи – монологический и диалогический дискурс;
- по критерию адресата – институциональный и персональный дискурс;
- по критерию коммуникативных принципов – аргументативный, конфликтный и гармоничный дискурс;
- по социально-ситуативному критерию – политический, юридический, религиозный, рекламный, научный, дискурс СМИ и др. (все они являются подтипами институционального дискурса);
- по социально-демографическому – детский, подростковый и т.д.;
- по социально-профессиональному – дискурс врачей, учителей и т.д.;
- по социально-политическому критерию – дискурс политических партий.

Главными из данных критериев для характеристики диалогического дискурса, который по своей стилистике близок к разговорному дискурсу, можно назвать критерии формы.

Т.Н. Колокольцева понимает под диалогическим дискурсом материальный результат активного коммуникативного диалогического взаимодействия двух или более субъектов. При этом один из субъектов может носить интегрированный характер, т.е. быть представленным группой лиц. Диалог противопоставляется другим формам речевого взаимодействия как форма наиболее конструктивная и максимально гибкая [100, с. 1].

Т.Н. Колокольцева вводит понятие гармоничного диалога и утверждает, что гармоничный диалог и успешная коммуникация в общем предполагают:

- 1) согласованность стратегий и тактик собеседников;
- 2) взаимоприемлемую для

коммуникантов тональность общения; 3) искреннюю (а не показную) заинтересованность в предмете обсуждения, а также в содержании сказанного собеседником; 4) адекватное вербальное и невербальное воплощение коммуникативных установок участников диалога; 5) достижение в процессе речевого акта хотя бы частичного взаимопонимания и согласия сторон [100, с. 2]. При этом очень многое зависит от адресанта реактивного хода, который фактически является главным исполнителем правил, присущих гармоничному диалогу.

Дискурсивный контекст диалогического дискурса характеризуется акцентированием семантических и прагматических связей между реактивным и инициальным высказываниями. Важнейшей его составляющей является коммуникативная ситуация, которая имеет три компонента: 1) деятельностьная ситуация (интеракция), заключающаяся во взаимном воздействии собеседников друг на друга посредством речи (интерперсональный аспект); 2) речевая (дискурсивная) ситуация, включающая коммуникативную компетенцию говорящих, а также все, что связано с построением дискурса, со стратегией и тактикой ведения разговора для достижения определенного перлокутивного эффекта (воздействие на собеседника); 3) референтная (предметная) ситуация, отражаемая пропозициями высказываний коммуникантов (обмен по поводу референта)» [4, с. 285].

В качестве основных характеристик диалогического дискурса мы, вслед за В.И. Лагутиным [117, с. 8] и Л.М. Михайловым [139, с. 5], рассматриваем такие признаки, как: 1) наличие не менее 2-х собеседников; 2) обязательная смена говорящих; 3) устная форма производства речи; 4) спонтанность; 5) четко выраженные коммуникативные интенции коммуникантов, которые предполагают управление коммуникативным процессом – говорящий на основе своей интенции задает программу, решаемую всеми собеседниками.

Под *интенцией* понимаем интенциональное состояние психики субъекта, направленность его сознания на объекты и состояния вещей внешнего мира [26, с. 29; 188, с. 96; 259]. При этом интенциональные состояния являются

инструментом соотношения субъекта с внешним миром и составляют фундаментальную и целостную особенность сознания, которую нельзя разложить на более простые элементы [188, с. 123]. Это интенция первого порядка – репрезентационная (иначе – пропозициональная установка).

Для реализации РА в диалогическом дискурсе определяющей является коммуникативная интенция, которая состоит в намерении говорящего донести до адресата свою репрезентационную интенцию, т.е. совершить иллокутивный и перлокутивный акты [26, с. 29; 188].

Спецификация коммуниканта – его принадлежность к определенной общественной группе, образование, возраст, темперамент и т.д., о которой пишет Л.М. Михайлов [139, с. 5], не является релевантной для темы нашего исследования, поскольку мы не ставим целью рассмотреть зависимость характеристик имплицитных смыслов от био-социальных и психологических особенностей коммуникантов.

В языковом плане диалогическому дискурсу свойственна быстрая смена ходов собеседников, краткость, синтаксически зависимый характер и своеобразный состав предложений, часто встречаются вопросительные, ответные, побудительные предложения, а также присоединительные конструкции, переспросы, уточняющие вопросы, всевозможные реагирующие предложения, которые могут быть как «интеллектуальной» реакцией (лексически и грамматически оформленной), так и чисто эмоциональной (повторение с соответствующей интонацией) [122, с. 2].

Таким образом, *диалогический дискурс* можно трактовать как мыслекоммуникативную речевую деятельность коммуникантов в широком (ситуативно-коммуникативном, социокультурном, когнитивно-психологическом) контексте, который зафиксирован диалогическим текстом, т.е. теми высказываниями, которыми обмениваются коммуниканты в процессе поддержания разговора.

1.2.2. Структура диалогического дискурса. Вопрос о структуре диалога по-разному решается в анализе диалога [15; 46; 86; 184; 225; 260; 280; 283], конверсационном анализе [272; 322; 332; 337] и дискурсологии [10; 54; 106; 161; 219; 233; 341].

С позиций анализа диалога считается, что минимально диалог может состоять из двух реплик (стимул – реакция), а максимальная граница его объема практически может остаться открытой [15, 184], поэтому единицей диалога (диалогической речи) считается сочетание высказываний, состоящее из одной инициальной реплики (стимул) и одной реактивной (реакция). За основную единицу структуры диалога принимается речевое действие – «высказывание, имеющее единую цель, оформленное как предложение или сочетание логически связанных предложений (не превышающее по форме и содержанию размера умозаключения), обращенное к собеседнику и вызывающее у него ответную реакцию» [86, с. 17].

Характеризуя состав диалогического единства, исследователи прибегают к различным терминам. Реплику, открывающую диалогическое единство, называют инициативной [46], «относительно самостоятельной репликой» [184], «обращением» [115], «стимулом» [51]. Ответная реплика, обусловленная инициативной, называется «репликой-реакцией» [51], «реактивной репликой» [46]. Наиболее употребительными являются краткие наименования реплик – «стимул» и «реакция» [120].

Существует несколько трактовок того, что представляет собой реакция. К примеру, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегов дает такое определение понятия «реагировать»: «отзываться каким-нибудь образом на раздражение, воздействие извне; проявлять свое отношение к чему-нибудь» [353].

Согласно «Толковому словарю русского языка», под понятием «реагировать» следует понимать: «1) Отзываться каким-нибудь образом на раздражение, воздействие извне. 2) Проявлять своё отношение к чему-нибудь» [355].

Т.Ф. Ефремова в «Новом словаре русского языка» определяет понятие «реакция» как «действие, поступок, возникающие в ответ на то или иное воздействие» [351].

В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило диалогическая реакция понимается как «вторая реплика диалогического единства, соотносящаяся с репликой-стимулом. В ней проявляется активность позиции собеседника. Реплика-реакция содержит ответ на вопрос, переспрос, выражает семантику согласия / несогласия, возражения, допущения, опровержения, отказа» [354].

Таким образом, под диалогической реакцией понимается вербальный и / или невербальный отзыв на словесное воздействие извне, проявление какого-либо (негативного или позитивного) отношения к этому воздействию. При этом этот вербальный отзыв строится по определенным правилам, известным обоим участникам коммуникации. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «адресат волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, пойти на уступку или перейти в наступление, выполнить просьбу или отказаться. Эти и другие типы высказываний соответствуют вторым репликам диалога» [12, с. 661].

При анализе диалога учитывается тот факт, что любая диалогическая реакция является частью речевого поведения каждого из участников диалога в частности и диалогического дискурса в целом. Как отмечает В.М. Глушак, «воздействие одного участника коммуникации на другого мотивируется неязыковыми факторами и преследует цель либо изменить, либо сохранить характер существующих межличностных отношений» [54, с. 8]. Типы речевого поведения базируются на одном из комплексов интенций адресанта, направленных на: поддержание имеющегося характера отношений с адресатом, дистанцирование от адресата, усиление дистанцирования от адресата, обусловленное ходом протекания коммуникации, сближение с адресатом, усиление сближения с адресатом, обусловленное ходом протекания коммуникации [54, с. 9]. Их рассмотрение применительно к диалогической

реакции связано с тем, что тип реакции зависит от типа речевого поведения адресанта инициальной реплики.

В этнометодологическом конверсационном анализе различают такие структурные единицы диалога, как шаг, пара, секвенция. Под шагом, репликовым шагом или репликой (*turn*) понимается фрагмент диалога, в котором говорящим является один участник общения, поэтому граница шага определяется сменой роли говорящего [280; 310, с. 15; 322; 341, с. 7]. Шаг включает то, что говорит один собеседник до того, как другой собеседник начинает говорить [322, с. 701]. Вторая реплика в в англоязычной литературе называется «респонсивной» [332, с. 23], в немецкоязычной литературе – «реактивной» [280, с. 253; 317, с. 211]. При этом признается относительная свобода второй реплики [38; 50; 179; 263; 269].

Пара или смежная пара (*adjacency pair*) определяется как единство двух шагов разных говорящих [326, с. 21], например, «вопрос – ответ», «предложение – согласие» и т.п. [341, с. 7].

Секвенция / последовательность (*sequence*) может совпадать или не совпадать с парой. Встроенные секвенции образуют, например, первая и четвертая реплика, вторая и третья [325, с. 107].

С позиций дискурсологии, по мнению И.С. Шевченко, такие единицы диалога, как текст, макродиалог, микродиалог, диалогическое единство, реплика и высказывание с точки зрения их дискурсивной роли соответствуют таким дискурсивным единицам, как, соответственно, дискурс в целом, речевое событие, транзакция, шаг, ход и речевой акт [233, с. 112]. Терминам «макродиалог», «микродиалог», «диалогическое единство» и «реплика» соответствуют такие англоязычные термины, как *conversation, topic (sequence), adjacency pair, turn* [322], терминам «речевое событие», «транзакция», «шаг», «ход» и «речевой акт» – *interaction, transaction (sequence), exchange, move* и *act* [332] и *encounter, phase, exchange, move* и *interactional act* [272].

Под **дискурсивным ходом** (*move*) понимаем последовательность РА, которая и определяется границами говорения одного коммуниканта [28, с. 13;

Шевченко 2005, с. 113]. Это минимальная свободная единица диалогического дискурса, которая соответствует понятию реплики в диалоге и является инициальной (*initiating move*) или респонсивной (*responding move*) [332, с. 23], в других терминах – инициальной и реактивной [46; 66, с. 27; 280, с. 253; 317, с. 211].

В инициальном ходе первый коммуникант представляет интересы своего речевого действия, свою коммуникативную цель, которая реализуется в инициальном РА, а выбор формы для реакции обусловлен текущим набором интересов другого коммуниканта и реализуется в реактивном ходе, в реактивном РА [225, с. 41].

Дискурс может разворачиваться таким образом, что реактивный РА и является непосредственным продолжением предшествующего РА и инициирует последующий РА. Тогда трудно провести четкую грань между инициальными и реактивными РА. Одним из критериев может служить наличие имплицитного смысла в реактивном РА, т.е. реактивный РА с имплицитным смыслом значим в составе диалогического дискурса и в прагма-семантическом, и в структурном отношениях. Поэтому выделяется также подхватывающий ход – *follow-up move* [337; 341, с. 13] или ре-инициальный [260, с. 73; 317, с. 211].

Ж.Р. Арустамян считает реактивный ход главным средством реализации имплицитности в диалогическом дискурсе [10, с. 5], поскольку инициальный и реактивный ходы как особые типы высказываний, обладающие совокупностью пропозициональных, иллокутивных, аргументативных, интерперсональных и дискурсивных свойств, обладают связностью, в том числе и имплицитной. Под имплицитной связностью принято понимать такой тип связности, который не получает выражения посредством отдельных языковых средств, а воплощается в сужениях или расширениях значения слова, развитии образа, идеи, мысли на основе семантических переносов [21].

Как отмечает Т.П. Пенина, реактивная реплика, являющаяся носителем имплицитной информации, выполняет определенные функции на структурном и семантическом уровнях: открывает новую тему в развитии диалога, выделяет

микротему, подтему (функции изменения, выделения, продолжения и др.) [161, с. 4]. Таким образом, имплицитные реактивные РА содержанием, с одной стороны, определяют границу дискурсивного шага (соответствующего диалогическому единству), с другой – являются средством тематического развития дискурса.

Дискурсивный ход связывается также с понятием дискурсивной стратегии и тактики – в ходе / шаге разворачивается тактирование коммуникантов с целью реализации выбранной ими стратегии речевого поведения [54, с. 28-29]. Понятие стратегии, заимствованное прагматикой из военного искусства [137, с. 82], рассматривается под углом дискурсивного подхода. Под дискурсивной *стратегией* понимается ситуационно обусловленная система поэтапных действий коммуниканта, имеющих определенную цель, намерения в отношении своего партнера по коммуникации, которые реализуются посредством определенной тактики или набора тактик [54, с. 28-29], «когнитивный план общения, при помощи которого контролируется оптимальное решение коммуникативных заданий говорящего в условиях нехватки информации о действиях партнера» [89, с. 100]. При этом реализуемая стратегия зависит не только от коммуникативных целей и заданий коммуниканта, но и «от его эмоционального и психологического настроения на коммуникацию» [77, с. 59].

Исследование стратегий дискурса выходит на интерперсональный аспект речевого взаимодействия [219, с. 11]. Стратегия признается инструментом реализации коммуникативной функции языка, связанной с функцией регуляции межличностных отношений, что отражает ее интерактивную природу [219, с. 12-14].

Тактика трактуется как речевой поступок, эксплицируемый посредством коммуникативного хода / шага (или последовательности коммуникативных ходов / шагов) [54, с. 29]. О.С. Иссерс подразумевает под тактикой «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [89, с. 110]. В том же русле дает свое определение тактики И.Н. Борисова, которая определяет ее как динамическое использование коммуникантами речевых

умений для построения диалога в рамках той или иной стратегии [35]. При этом «спецификой речевых стратегий вообще и речевых тактик в частности является комплексность использования языковых средств для достижения коммуникативной цели» [89, с. 114]. Поэтому дискурсивно-стратегический подход является одним из ведущих в современных исследованиях диалогического дискурса [13; 28; 35; 56; 60; 61; 89; 83; 116; 127; 105; 108; 219; 222 и др.].

Таким образом, в нашем исследовании, рассматривая диалогический дискурс, мы оперируем понятием дискурсивного хода, состоящего из одного или нескольких РА. В центре нашего внимания – реактивный ход коммуниканта, один или несколько РА которого содержат актуализированную импликацию.

1.2.3. Понятие импликации. Впервые понятие импликации вводит в своих трудах Г.П. Грайс, разработавший **Принцип Кооперации**, который призван регулировать вербальную коммуникацию и который является своего рода договором, известным всем участникам коммуникации и соблюдаемым ими по умолчанию.

Согласно Г.П. Грайсу [275], коммуниканты руководствуются следующими **Максимами**, подчиненными Принципу Кооперации:

1. Максимумы Количества:

а) сделай свое сообщение настолько информативным, насколько это необходимо;

б) не делай свое сообщение более информативным, чем это необходимо;

2. Максимумы Качества (постарайся сделать свое сообщение таковым, чтобы оно было правдиво):

а) Не говори ничего, что ты считаешь неправильным;

б) Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований;

3. Максимумы Отношения: будь релевантным.

4. Максимумы Способа (высказывайся ясно):

- а) избегай неясности в выражениях;
- б) избегай многозначности;
- в) будь краток (избегай ненужной многословности);
- г) излагай информацию по порядку.

Сам Г.П. Грайс называет свои максимы конверсационными максимами и при отграничении их от других максим (эстетической, социальной или моральной природы), подчеркивает, что они и связанные с ними импликатуры находятся в особой связи с главной причиной разговора, обеспечивая максимально эффективный обмен информацией.

Имплицитный смысл возникает тогда, когда адресант сознательно нарушает какую-либо из четырех максим кооперации и вкладывает в свое сообщение большее значение, чем то значение, которое имеют лексические единицы [275]. Высказывание содержит импликатуру, если в процессе речи говорящий дает возможность адресату сделать вывод об определенном положении вещей, хоть и не говорит прямо, что данное положение вещей имеет место [275, с. 30]. «При выводе определенной импликатуры слушающий опирается на следующую информацию: 1) конвенциональное значение использованных слов и знание всех их референтов; 2) Принцип Кооперации и максимы; 3) контекст высказывания – как лингвистический, так и любой другой; 4) прочие фоновые знания; 5) тот факт (или допущение), что вся указанная выше релевантная информация доступна для обоих участников коммуникации и что они оба знают или предполагают, что это так» [275, с. 31].

Главной особенностью конверсационных импликатур считается их интендируемость – намеренная передача: говоря p , говорящий дает возможность слушающему сделать вывод, что q , хотя и не говорит об этом прямо [318]. Процесс интендирования основан на коммуникативной интенции адресанта. Таким образом, под импликатурой понимаем имплицитный смысл высказывания, который интендируется адресантом и выводится адресатом в дискурсе.

Имплицитный смысл – это всякий смысл, вербально не отраженный в тексте сообщения, но воспринимаемый адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании его языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте языковых показателей [6, с. 88; 134].

Все импликатуры Г.П. Грайс подразделяет на конвенциональные и конверсационные. **Конвенциональные импликатуры** «привязаны» к конвенциональному значению языковых единиц, они выводятся собеседниками из высказываний и вне дискурсивного контекста и воспринимаются в дискурсе как обычный смысл, который вытекает из общепринятого значения слов и грамматических конструкций [275, с. 31]. Выводя **конверсационные импликатуры**, адресат, напротив, опирается не только на конвенциональное значение слов, но и, в первую очередь, на максимы и Принцип кооперации, дискурсивный контекст, фоновые знания и тот факт, что вся эта информация является доступной для собеседников [275, с. 31]. Другими словами – если импликацию можно вывести вне контекста, она является конвенциональной, если нет – конверсационной.

От импликатуры следует отличать такие понятия, как импликация, имплицитура, имплицитность, инференция.

Инференция – когнитивная операция вывода информации, в результате которой интерпретатор выходит за рамки буквального значения лексических единиц для выведения из их формы более глубокого содержания, чем содержание отдельных составляющих [109, с. 211].

Импликацией называют логическую операцию, которая связывает два высказывания союзом «если...то», т.е. реализацию в предложении условных суждений. Связка в высказывании при этом выражена полностью: элемент А – условным предложением, элемент Б – главным [226]. М.В. Никитин трактует импликацию как аналог связей реального мира, отраженный в мышлении, и, следовательно, как способ организации сознания [146].

И.В. Арнольд [6, с. 83-84] устанавливает следующие признаки, по которым импликацию можно отличить от других языковых явлений:

«1) выраженными могут быть или оба компонента связки или только антецедент;

2) импликация может передавать предметно-логическую информацию или сообщать помимо нее эмоциональную, оценочную, функционально-стилистическую, экспрессивную информацию;

3) импликация может быть основана на парадигматических или синтагматических связях слова».

Под *имплицитностью* понимаем свойство высказываний, содержащих имплицитно выраженные смыслы [22, с. 11], «особенность текста содержать опосредованно реализованную информацию, которая синтезирует все проявления непрямо реализованного содержания и смысла, к которым принадлежит подтекст, имплицитный смысл, импликатура» [75, с. 5].

Под *имплицитурой* понимается такой имплицитный элемент неполной пропозиции, который конструируется коммуникантами на основе языкового и дискурсивного контекста [22, с. 328].

Таким образом, имплицитные смыслы являются неотъемлемой частью диалога и речевой деятельности, их основной характеристикой в немецкоязычном диалогическом дискурсе является интендируемость — намеренное введение говорящим имплицитного смысла в высказывание.

1.2.4. Речеактовые характеристики реактивных высказываний. Основой для реализации имплицитных смыслов является интенциональное, сознательное и целенаправленное речевое действие, которое, как и любое другое действие, обладает рядом правил и характеристик.

Речевой акт в понимании классиков теории РА представляет собой целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Основными чертами речевого акта являются: намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность

[153; 330]. РА всегда соотносены с лицом говорящего. Последовательность РА создает дискурс [352, с. 412].

В РА участвуют говорящий и адресат, выступающие как носители определенных, согласованных между собой социальных ролей или функций. Они обладают фондом общих речевых навыков, знаний и представлений о мире. В состав самого РА входит обстановка речи и тот фрагмент действительности, которого касается его содержание.

Как отмечает А.Ю. Маслова, «для исследователя процесса коммуникации важно изучение не столько речи как линейного процесса, сколько объемного коммуникативного взаимодействия (интеракции) по крайней мере двух коммуникантов» [135, с. 36]. Поэтому в исследовании реактивных ходов диалогического дискурса особая роль отводится адресату. Эта коммуникативная роль имеет свою специфику в зависимости от особенностей общения – непосредственное / опосредованное, официальное / неофициальное и т.п. [45, с. 83; 92]. *Адресат* – лицо или группа лиц, для которого предназначается РА говорящего. Г.Г. Почепцов выделяет следующие разновидности адресата: квази-адресат – покойник, потусторонняя сила; адресат-ретранслятор – получатель высказывания, которое в своей коммуникативно-существенной части предназначено не ему; косвенный адресат – слушающий, которому в действительности предназначается высказывание [169, с. 217].

Как отмечают И.Б. Морозова и И.Ф. Чайковская, «двухсторонняя направленность диалога характеризуется тем, что каждый из участников речевой ситуации сначала повышает, а потом понижает свой коммуникативный статус, поскольку является адресантом и адресатом высказывания поочередно» [144, с. 178]. Принимая во внимание тот факт, что при обмене речевыми актами происходит мена коммуникативных ролей, следует учитывать, что коммуниканты по очереди становятся адресатами. Анализируя инициальный РА, мы наблюдаем случай, когда автор является адресантом, а тот участник коммуникации, на которого направлена его коммуникативная интенция, – его

адресатом. Однако, анализируя реактивный РА, мы сталкиваемся со случаем, когда один и тот же участник коммуникации является и адресатом инициального РА, и адресантом, обращающимся к другому адресату. Поэтому с учетом специфики нашего объекта – реактивного высказывания, мы называем автора инициального РА – коммуникантом 1 (К1), а автора реактивного РА – коммуникантом 2 (К2).

РА представлен на трех уровнях: локутивном, иллокутивном и перлокутивном [330]. *Локуция (локутивный акт)* представляет собой средство передачи внекоммуникативного содержания и означения темы речевого акта, т. е. оформленное соответствующими языковыми средствами пропозициональное содержание. Иными словами, локуция является операцией формирования и оформления пропозиционального содержания речевого акта. Выполнить локутивный акт значит: произнести членораздельные звуки, принадлежащие общепонятному языковому коду; построить высказывание из слов данного языка по правилам его грамматики, снабдить высказывание смыслом и референцией, т.е. соотнести с действительностью, осуществив речение.

Иллокуция (иллокутивный акт) представляет собой способ и средство представления локуции в речи при определенных условиях для достижения конкретной перлокутивной цели. Другими словами, иллокуция – это операция представления локуции в речи, формирования всего информационного содержания (коммуникативно-целевой и предметно-содержательной информации) речевого акта как единого целого, обусловленная определённой перлокутивной целью.

Дж.Л. Остин объясняет термин «иллокутивный» как выражение коммуникативной цели в ходе произнесения некоторого высказывания» [153, с. 18]. Целеустремленность придает речевым актам особую «действенную» интонацию. Функции речевых актов Дж.Л. Остин назвал иллокутивными силами, а соответствующие глаголы – иллокутивными («спрашивать», «просить», «запрещать», «обещать» и т.д.) [352, с. 413].

Под *перлокуцией (перлокутивной целью)* понимается осознанный образ характера непосредственного воздействия определённой сочленённой локуции и иллокуции (иллокутивной силы) на коммуниканта [153, с. 15].

Если дискурсивный ход имеет несколько РА, то различаются главный РА (*head-act*) – обязательный РА, который является носителем функции всего хода, пред-главный (*pre-head act*) и пост-главный (*post-head act*) РА – второстепенные, вспомогательные РА, которые являются факультативными [332, с. 36]. Тем не менее, для нашего исследования релевантны не данные разновидности РА внутри дискурсивного хода, а те РА, которые являются носителями имплицатур, т.е. имплицитные.

Под *имплицитным РА* понимаем речевое взаимодействие коммуникантов в дискурсе, в процессе которого ими конструируются имплицитные смыслы [22, с. 328]. Среди имплицитных РА предметом нашего интереса являются имплицативные РА, т.е. такие, для выведения которых обязательно необходим дискурсивный контекст. Адресат на основании дискурсивного контекста и сказанного говорящим производит ряд умозаключений, которые позволяют ему вывести имплицитный смысл высказывания – имплицатуру. По К. Циммерманну и П. Мюллеру, имплицативный РА определяется так называемым «и-тестом»: «Невыраженная, интендируемая часть имплицитного РА, в отличие от непрямого, может быть соединена с выраженным при помощи союза *и / und*» [349, с. 245], иначе говоря, в случае имплицитного РА одновременно активируется эксплицитный и имплицитный смысл.

Что касается иллокутивных **классификаций РА**, то в настоящее время их число велико. На современном этапе развития прагмалингвистики существует две основные группы классификаций – классификации с небольшим числом крупных классов РА и такие, в которых ученые выделяют большое количество мелких классов. Наибольшее распространение в лингвистической прагматике получили классификации первой группы, имеющие не более десяти классов РА [30, с. 145].

Первая классификация РА принадлежит Дж.Л. Остину, который выделил пять классов РА (вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бегахбитивы и экспозитивы) в соответствии с иллокутивной силой входящих в них высказываний [153, с. 35]. Согласно своей иллокутивной функции, вердиктивы «выделяются по признаку вынесения приговора присяжными, арбитром или рефери», экзерситивы «являются осуществлением власти, прав или влияния», комиссивам соответствуют «обещания или другие обязательства», бегахбитивы связаны «с общественным поведением и взаимоотношениями людей», экспозитивы «плохо поддаются определению» и «показывают, какое место занимает наше высказывание в ходе спора или беседы, как мы используем слова» [153, с. 27].

Недостатки классификации Дж.Л. Остина в наиболее систематизированном виде были изложены Дж. Серлем, причем главным из них он считает отсутствие единого основания классификации, поэтому в качестве основания для классификации он предлагает избрать иллокутивную цель и вытекающие из нее понятия: направление приспособления и выражаемые условия искренности [187, с. 165]. Эта классификация включает в себя следующие классы: 1) ассертивы (ранее – репрезентативы), 2) директивы, 3) комиссивы, 4) декларативы (ранее – декларации) и 5) экспрессивы.

Близка к рассмотренной классификация Дж. Лича, построенная по тому же основанию, т.е. на основании иллокутивной цели высказывания, направления приспособления и условий искренности. Классификация РА Дж. Лича состоит из пяти классов: 1) ассертив, 2) директив, 3) комиссив, 4) экспрессив и 5) рогатив. Первые четыре класса по существу и названию аналогичны РА, предложенным Дж.Р. Серлем. Рогатив выделяется из директива и соответствует вопросительным РА. Декларативы из классификации исключаются на том основании, что они не имеют иллокутивной силы, а «получают свою силу из той роли, которую они играют в ритуале», поскольку они описывают не речевые, а социальные акты [302].

Г.Г. Почепцов называет РА прагматическими типами предложений и выделяет пять классов – констатив, промисив и менасив, перформатив, директив и квеситив [169]. Некоторые из этих классов совпадают с классами таксономии Дж.Р. Серля. Например, констатив соответствует ассертиву, промисив и менасив – комиссиву, директив – классу с тем же названием. Квеситив совпадает с рогативом Дж. Лича. В рамках директивов выделяются подклассы инъюнктивов (приказов) и реквестивов (просьб).

В.В. Богданов считает, что выделение перформативов в особый прагматический класс представляется неоправданным, т.к. перформатив – не класс, а функция, присущая иллокутивным глаголам и, следовательно, содержащим эти глаголы высказываниям в определенных условиях. Это значит, что эксплицитно-перформативным способом может быть выражен любой из выделенных автором классов, кроме менасива, хотя не каждый иллокутивный глагол из этих классов годится для указанной цели. С другой стороны, и высказывание-менасив (угроза) может быть перформативным по своей функции, хотя это перформативность не может быть выражена глаголом «угрожать» [30, с. 147].

К. Бах и Р. Харниш выделяют шесть классов иллокутивных актов, причем два из них, а именно эффеक्टивы и вердиктивы, квалифицируются как конвенциональные и институциональные акты, получающие свою иллокутивную силу из ритуальных установлений [247]. На этом основании они исключаются из общей схемы и рассматриваются отдельно. В результате остаются четыре коммуникативно релевантных класса иллокутивных актов: 1) констативы, 2) директивы, 3) комиссивы и 4) признание. По словам авторов, эти классы точно соответствуют серлевским ассертивам, директивам, комиссивам и экспрессивам.

В таксономии Д. Вундерлиха выделяются: 1) репрезентатив, 2) директив, 3) комиссив, 4) декларация, 5) эротетив, 6) сатисфактив, 7) ретрактив и 8) вокатив [347]. Д. Вундерлих выделяет вокатив, куда входят призывы и

обращения, и ретрактив, который обозначает РА типа взятия назад обещания, отказа от утверждения, разрешения и так далее, т.е. реактивные РА.

Мы полагаем, что выделение реактивных РА в отдельный иллокутивный тип не является целесообразным, т.к. критерий положения РА в диалоге (инициальное или реактивное) не существенен для иллокутивной силы высказывания. Например, разрешение представляет собой директивный РА, подтверждение – ассертивный и т.п. В нашем исследовании мы опираемся на классификацию иллокутивных актов Дж.Р. Серля [187] в модификации тех авторов, которые выделяют квеситив в отдельный иллокутивный тип [22, с. 165].

Анализируемый материал демонстрирует ограниченность реактивных РА такими имплицитными иллокуциями, как ассертив, директив, комиссив и экспрессив. Высказываний с импликатурами, реализующими РА квеситивного, декларативного и фатического типов, в нашем корпусе не зафиксировано. Отсутствие имплицитных реактивных квеситивов можно объяснить иницирующим характером вопросительного РА, отсутствие декларативов и фатических РА – клишированностью их формы, которая исключает возможность передачи импликатуры.

Современная теория РА интегрирована в дискурсивно ориентированную, интерперсональную прагмалингвистику, которая изучает РА не как оторванные от реального общения высказывания, а как коммуникативный процесс, берущий начало в ментальной сфере адресанта [26, с. 20]. Когнитивный аспект дискурсивного анализа на современном этапе воплощает антропоцентризм в узком значении, поскольку изучение когнитивных состояний, процессов и операций касается каждого отдельного участника коммуникации, в ментальной сфере которого имеют место процессы концептуализации, категоризации, создания интенций, реализации дискурсивных стратегий и тактик [26, с. 22].

В дискурсивной прагмалингвистике РА изучается как неотъемлемая составляющая дискурса, его минимальная единица. И.С. Шевченко понимает

под речевым актом «речевое взаимодействие говорящего и слушающего для достижения определенных перлокутивных целей говорящего путем конструирования ими дискурсивного значения в ходе общения» [233, с. 116]. Е.В. Жданова относит изучение адресованности, «отношения говорящего к реакции партнеров» к приоритетным задачам современной теории РА [77, с. 23].

В этой связи особое значение приобретает изучение речеактового взаимодействия инициальных и реактивных ходов диалогического дискурса в рамках концепции иллокутивного вынуждения А.Н. Баранова и Г.Е. Крейдлина [17]. Иллокутивное вынуждение связывает РА в диалогическом дискурсе, и последние в силу этого получают новые содержательные характеристики, отражающие их функционирование в естественно-языковой коммуникации [17, с. 85].

Если рассматривать диалог как систему взаимных обязательств и их выполнение [19; 241], то необходимо различать иллокутивно независимый РА (в данном дискурсивном фрагменте / отрезке диалога) – РА, иллокутивное назначение которого на данном шаге определяется исключительно интенциями самого говорящего, и иллокутивно зависимый РА (в данном дискурсивном фрагменте / отрезке диалога) – РА, иллокутивное назначение которого всецело определяется иллокутивным назначением какой-либо предшествующей реплики (из данного речевого отрезка) [17, с. 87].

Условия успешности независимых РА контекстно свободны и определяются самим актом, т. е. их источник – исключительно его семантика и прагматика. В то же время условия успешности зависимого РА формируются не только на основе его семантики и прагматики, но и испытывают существенное влияние иллокуции «вынуждающего речевого акта». Иными словами, зависимый РА – это речевой акт, в предварительные условия которого входит осуществление некоторого независимого речевого акта [17, с. 91]. Большая часть известных РА относится к таким, которые могут быть как зависимыми, так и независимыми, как абсолютно зависимыми, так и абсолютно

независимыми. Таковы, например, вопрос, совет, обещание, ответ и многие другие [17, с. 93-94].

Для нашего исследования релевантными являются иллокутивно зависимые РА, поскольку иллокутивная зависимость создается имплицитными смысловыми связями между шагами диалога.

Выводы по главе 1

1. В исследованиях, производящимся с позиций теории имплицатур, основное внимание уделяется инициальным ходам диалогического дискурса, реактивный ход остается малоизученным. Этим обосновывается выбор объекта нашего исследования – высказываний с имплицатурами в реактивных ходах диалогического дискурса.

2. Под высказыванием понимаем языковое выражение РА, которое определяет его границы. Оно может состоять из одного или нескольких предложений, но при этом должно иметь одну иллокуцию. Реактивное высказывание представляет собой такой тип высказывания, который характеризуется пропозициональной, иллокутивной и стратегической связью с предыдущим высказыванием собеседника в диалогическом дискурсе.

3. Реактивное высказывание принадлежит реактивному дискурсивному ходу. Дискурсивный ход представляет собой последовательность РА, которая определяется границами говорения одного коммуниканта. Это минимальная свободная единица диалогического дискурса, которая соответствует понятию реплики в диалоге и является инициальной, ре-инициальной или реактивной.

4. Диалогический дискурс представляет собой мыслекоммуникативную речевую деятельность в широком контексте, которая зафиксирована диалогическим текстом, т.е. теми высказываниями, которыми обмениваются коммуниканты в ходе коммуникации. Среди основных характеристик диалогического дискурса выделяются: наличие не менее двух собеседников; обязательная смена адресантов; понимание участниками коммуникации языка,

на котором ведется диалог; факт, что участники диалога видят и / или слышат друг друга.

5. Диалог понимается как естественное языковое явление, где каждое высказывание имеет автора (адресанта), который обращается к кому-либо (адресату), а все высказывания связаны друг с другом по принципу стимула и реакции (инициального и реактивного ходов).

6. Неотъемлемой частью диалога и речеактовой деятельности, которая всегда является интенциональной, сознательной и целенаправленной, являются имплицитные смыслы. Имплицитный смысл – это всякий смысл, вербально не отраженный в тексте сообщения, но воспринимаемый адресатом как подразумеваемый и интерпретируемый им на основании его языковой компетенции, знаний о мире и имеющихся в тексте языковых показателей.

7. Импликатура представляет собой имплицитный смысл высказывания, который интендируется адресантом и выводится адресатом в дискурсе. Процесс интендирования основан на коммуникативной интенции адресанта – намерении донести до адресата свою репрезентационную интенцию (пропозициональную установку) путем осуществления иллокутивного и перлокутивного актов.

8. Высказывания с импликатурами в реактивных ходах диалогического дискурса являются продуктом реализации имплицитных речевых актов различных иллокутивных типов, а также дискурсивных стратегий и тактик.

9. Речеактовое взаимодействие инициальных и реактивных ходов диалогического дискурса рассматривается в рамках концепции иллокутивного вынуждения. Для нашего исследования релевантными являются иллокутивно зависимые РА – такие, иллокуции которых определяется иллокуцией РА предшествующего хода.

Основные положения данной главы освещены в публикациях автора [194; 189].

Глава 2

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ИМПЛИКАТУРАМИ В РЕАКТИВНЫХ ХОДАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

2.1. Материал исследования

Выбор литературных диалогов и скриптов кинофильмов в качестве материала исследования обусловлен возможностью и необходимостью привлечения литературных диалогов к прагмалингвистическому анализу, которая обоснована в работах Л.Р. Безуглой [22], А. Беттен [252], С. Билут-Хомплевич [253], В.И. Лагутина [117], Ф. Хундснуршера [225] и др.

Основным критерием отбора художественных произведений и фильмов для составления эмпирического корпуса служили близость речи персонажей к разговорной и обилие диалогов в произведении. Среди ведущих характеристик диалогической формы представления содержания литературного произведения выделяются следующие:

1. Наличие мены дискурсивных ходов, что дает основание квалифицировать литературное повествование как диалог. По мнению В.И. Лагутина, «для диалогической речи особенно характерна обусловленность высказываний непосредственной ситуацией, широким контекстом, которые служат часто диагностирующим средством для правильного понимания типа РА» [117, с. 52], что является наиболее релевантным для данного исследования.

2. Близость речи персонажей к реальной разговорной речи на немецком языке, в том числе и в различных его региональных и диалектных формах. В.И. Лагутин утверждает, что «тесная взаимосвязь чередующихся реплик дает возможность видеть в художественном диалоге коллективное речеобразование, совместный текст, которому свойственны признаки любого текста, но который

обладает и рядом специфических экстра- и интралингвистических особенностей» [117, с. 90].

3. Общечеловеческая тематика произведений, обуславливающая высокую частотность имплицитных смыслов в речи персонажей.

В.И. Лагутин указывает на то, что диалог в художественном произведении рассматривается как особого рода текст и анализируется с точки зрения совмещения в нем одновременно признаков реальной разговорной речи и художественного произведения [117, с. 6]. При этом существует два подхода к анализу художественного диалога: 1) художественный диалог является субституцией реального естественного диалога, в которую входит опыт автора естественных диалогов, базисные правила интеракции в обоих видах диалога одинаковы, канон правил коммуникативного поведения человека один и тот же; 2) особые базисные правила в художественном диалоге, разные конституирующие принципы реального и фактивного диалогов [117, с. 14].

В связи с этими принципами в прагмалингвистике принято различать два аспекта анализа художественного диалога: анализ диалогического разговорного дискурса и интерпретацию текста художественного произведения. Первый аспект соответствует внутренней, горизонтальной коммуникации – коммуникации персонажей друг с другом, второй – внешней коммуникации – коммуникации автора произведения с читателем / зрителем [22, с. 68; 117, с. 23; 138; 150; 252, с. 8; 276; 340, с. 194].

Вслед за Л.Р. Безуглой, мы применяем методику абстрагирования от внешней коммуникации: исследователь может не принимать внешнюю коммуникацию во внимание и «сосредоточиться на анализе коммуникации внутренней. Такое абстрагирование позволяет ему забыть о том, что он имеет дело с литературным произведением: в отличие от литературоведа, прагмалингвист подходит к драматургическому диалогу как к образцу разговорной речи» [22, с. 68].

Наиболее адекватным отражением диалогического дискурса является **драматургический текст**, в виду четкой структурированности диалогических

ходов и эксплицитной мены коммуникативных ролей. Драматургические произведения составляют 36% нашего массива данных.

А.М. Эрлихман указывает на такие особенности драматургического текста, «которые влияют на функционирование имплицитности. Гетерогенность драмы как художественного текста находит отображение в выборе языкового материала, который *apriori* содержит имплицитность». Основным признаком драматургического текста считаем двухуровневую коммуникацию, которая предполагает, что имплицитный смысл имеет разное информационное наполнение во внутренней и внешней коммуникациях (см. таблицу А Приложения).

Сценичность определяет структуру драматургического текста, поскольку строение драмы «тут и сейчас» делает читателя ее текста соучастником действия, который из языкового материала должен воссоздать причинно-следственное течение событий. Диалогическая структура драматургического текста создает его темпоритм, который усиливается отсутствием прямого «посредника» (автора), чье намерение всегда выражено только имплицитно» [75, с. 5]. По утверждению А.М. Эрлихман, «реализация имплицитности во внешней коммуникации драматургического текста происходит благодаря определенным лингвальным и внелингвальным факторам, выделение которых происходит с учетом языковых особенностей драматургического текста и его композиции. Конструктивным в этом процессе оказывается применение структурно-системного подхода, который сделал возможным выделение лексико-семантических, синтаксических, текстовых и внетекстовых средств» [75, с. 6].

Прозаические произведения, в частности романы, составляют 54,7% нашего массива данных. В.И. Лагутин отмечает, что своеобразие диалога в романах, в отличие от диалога в жизни, все еще почти совсем не исследовано. При этом он отмечает некоторые особенности диалога в романе: 1) отсутствие реагирующей реплики, заменяемой авторскими высказываниями; 2) непредставленность ярко выраженных речевых характеристик персонажей,

т.е. преобладание описания над диалогами [117, с. 24]. Для нас очень важным представляется мысль исследователя о том, что авторский ввод (от нескольких слов до страницы и более) «создает конситуацию с передачей мимики и жеста, благодаря чему речь героев повествовательных произведений оказывается ближе к естественной разговорной речи, чем речь драматических произведений» [117, с. 14].

Руководствуясь выше изложенными соображениями, исследователи в последнее время активно привлекают художественные диалоги в качестве материала к анализу разговорного диалогического дискурса [8; 13; 22; 29; 41; 47; 54; 55; 58; 83; 84; 99; 105; 108; 159; 219].

Часть нашего корпуса (9,3%) составляют дискурсивные фрагменты из **скриптов кинофильмов**. Давая определение кинодискурса, мы принимаем точку зрения А.Н. Зарецкой и понимаем под ним связный текст, который является вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, такими как целостность, связность, информативность, коммуникативно-прагматическая направленность, медийность и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем) [80, с. 8]. Понятие «кинотекст» впервые было введено в семиотике и трактуется Г.Г. Слышкиным и М.А. Ефремовой как постановочный кинофильм, состоящий из образов, движущихся и статических, речи, устной и письменной, шумов и музыки, особым образом организованных и находящихся в неразрывном единстве [204, с. 22].

Анализируя взаимосвязь кинодискурса и кинотекста, М.А. Самкова утверждает, что в качестве составляющих кинотекста могут быть включены только узкие экстралингвистические факторы (факторы коммуникативной ситуации), тогда как в структуру кинодискурса включаются и широкие экстралингвистические факторы (факторы культурно-идеологической среды, в которой протекает коммуникация) [181, с. 137].

В современных исследованиях разговорного дискурса кинотексты привлекаются в качестве материала [8; 60; 61; 71; 83; 99; 105; 116; 150; 175; 178; 240 и др.].

В нашем исследовании кинодискурс выступает не в качестве объекта, а в качестве материала, поэтому мы анализируем скрипты художественных кинофильмов, абстрагируясь от их эстетических аспектов и коммуникации «автор-зритель». При этом для анализа коммуникации между персонажами мы привлекаем широкий дискурсивный контекст, который представлен в кинотексте.

Таким образом, сосредоточение на горизонтальной коммуникации художественного и кинодискурса дает возможность анализировать разговорный диалогический дискурс, в частности высказывания с импликатурами в его реактивных ходах.

2.2. Методы и процедура исследования

В научных исследованиях различают понятия «методика», «методология» и «метод». Согласно И.В. Арнольд, методика – это способ нахождения нового материала, т.е. совокупность приемов наблюдения, эксперимента и описания [7, с. 15]. Методология – это применение к процессу познания принципов мировосприятия, т.е. соотношение полученных данных с другими фундаментальными науками и, в первую очередь, с философией [7, с. 38]. Метод в понимании И.В. Арнольд представляет собой подход к изучаемому материалу, его систематизация и теоретическое осмысление [7, с. 9].

Основным методом, используемым в нашем исследовании, является гипотетико-дедуктивный метод [7, с. 34], который основывается на формулировании исследовательской гипотезы в процессе сбора эмпирического материала и дальнейшей ее верификации в ходе дедуктивного анализа данного материала. Его применение отобразилось в следующих **этапах исследования**:

1. Установление критериев выборки, сбор эмпирического материала.

Выборку составили дискурсивные фрагменты, представляющие собой смежные пары (минимальные диалоги) или секвенции диалогического дискурса. Основной принцип выборки – наличие в одном из реактивных высказываний коммуниканта импликатуры. Импликатура эксплицируется после реактивного высказывания на немецком языке и обозначается знаком +> («вытекает конверсационно, имплицатирует») или +>> («следует конвенционально и конверсационно, имплицатирует»). Реактивные высказывания с импликатурами подчеркиваются сплошной линией, инициальные – прерывистой, например:

(1) [Роберт разговаривает с врачом клиники, в которой находится Пат]

„Kommt sie durch?“ *fragte ich.*

Er betrachtete mich aufmerksam. Ich blickte zur Seite. „Glauben Sie, dass ich solange hier bei Ihnen stünde, wenn sie nicht durchkäme?“ sagte er. (+>> Ich stünde hier nicht, wenn sie nicht durchkäme +>> Sie kommt durch) (Remarque „Drei Kameraden“, S. 169)

ИХ: $Q(p)$

РХ: $Q(q) +>> A(\sim q) +>> A(p)$

Характерными для смежной пары (минимального диалога), т.е. последовательности реплик двух коммуникантов, является то, что:

- 1) все реплики в нем связаны единой темой;
- 2) она начинается с абсолютно независимого и кончается абсолютно зависимым РА;
- 3) в пределах этой последовательности все отношения иллокутивного вынуждения выполнены;
- 4) внутри данной последовательности не существует отличной от нее подпоследовательности, которая удовлетворяла бы условиям 1-3 [17, с. 94].

Минимальный диалог обычно состоит из двух реплик. Следует также учитывать, что инициальный и реактивный ходы минимального диалога тесно связаны друг с другом на лексическом и семантическом уровне, поэтому для нахождения нужного релевантного диалогического фрагмента в реальном

тексте необходим катализ – восстановление всех членов отношений иллокутивного вынуждения и самовынуждения [17, с. 96-99].

Под иллокутивным вынуждением понимается, что «одна реплика (или соответствующий ей речевой акт) иллокутивно вынуждает другую (или другой речевой акт)» [17, с. 86].

При этом отношения иллокутивного самовынуждения не входят в наши интересы, поскольку под ними понимаются «две реплики данного речевого отрезка диалога, принадлежащие одному и тому же участнику, и такие, что вторая вынуждается первой» [17, с. 89].

В дискурсивные фрагменты, отобранные для анализа, входят:

- инициальный дискурсивный ход;
- реактивный дискурсивный ход;
- при необходимости другие элементы ретро- и проспективного языкового контекста.

Для адекватной интерпретации дискурсивного фрагмента и вывода импликатуры реактивного высказывания необходимо привлекать широкий дискурсивный контекст. В квадратных скобках перед дискурсивным фрагментом дается описание данного контекста в том случае, если он необходим для вывода импликатуры. Широкий дискурсивный контекст дает исследователю сведения, которые могут иметь решающее значение при определении пропозициональных и иллокутивных свойств импликатуры: социальный статус, пол, возраст адресата и адресанта, слушающего и третьих лиц, вовлеченных в ситуацию общения.

2. Индуктивное обобщение языкового материала, формулирование гипотезы исследования: реактивные высказывания немецкоязычного диалогического дискурса могут содержать имплицитные смыслы (импликатуры) конвенционального и дискурсивного типов, которые характеризуются различными иллокуциями и служат для выражения различных стратегий.

Обобщение и анализ отобранного языкового материала производился по двум направлениям: наличие в реактивном ходе минимального диалога языковых средств – индикаторов имплицитного смысла, и определение иллокутивной силы реактивного высказывания.

3. Верификация гипотезы и систематизация полученных данных.

На основе изучения теоретической литературы результаты нашего исследования соотносились с результатами других известных исследований в рамках методологических концепций современной дискурсивной лингвопрагматики.

В соответствии со сформулированной гипотезой были составлены **паспортные данные** каждого примера употребления высказывания с имплицатурой, которые отражают его лингвопрагматические особенности, а именно:

- характеристика адресанта и адресата реактивного высказывания,
- описание ситуации,
- языковые свойства реактивного высказывания с имплицатурой (лексико-грамматические и синтаксические),
- эксплицированная имплицатура и ее тип (конвенциональная или конверсационная),
- иллокутивные характеристики реактивного и инициального высказывания,
- тип реакции (поддерживающая, неподдерживающая, отсроченная),
- реализуемая стратегия и тактика.

Путем дедуктивного анализа индикаторов имплицитного смысла в диалогических реакциях устанавливались лингвопрагматические характеристики анализируемых высказываний, их иллокутивные свойства, языковые индикаторы имплицитного смысла, пропозициональные и речеактовые особенности имплицатур, стратегические характеристики их актуализации, что отражается в последовательности изложения положений эмпирических глав диссертации. Так, приведенный дискурсивный фрагмент (1)

является минимальным диалогом между врачом и другом его пациентки Пат, Робертом. Роберт интересуется, выздоравливает ли Пат.

Реактивный ход в данном фрагменте содержит высказывание с имплицатурой: *Glauben Sie, dass ich solange hier bei Ihnen stünde, wenn sie nicht durchkäme?*, которое представляет собой риторический вопрос, имеющий структуру условного предложения. Союз условного предложения *wenn*, парентезный оборот *Glauben Sie* и вопросительный знак риторического вопроса как индикаторы имплицатур подчеркнуты двойной линией. Отличительной особенностью риторического вопроса является переосмысление заложенного в нем пропозиционального содержания на противоположное, на этом основывается первая имплицатура: $+>> Ich stünde hier nicht, wenn sie nicht durchkäme$. Вторая имплицатура в цепочке основывается на семантике ирреального условного предложения: $+>> Sie kommt durch$.

Поскольку данные имплицатуры имеют два синтаксических индикатора, они относятся к конвенциональному типу. Структура риторического вопроса и придаточное условия являются синтаксическими индикаторами имплицатур, для характеристики которых мы применяем методику структурно-семантического моделирования: *Glauben Sie, dass ... ?, Wenn ~p, dann q +>> p*. Вслед за В.В. Козловским, мы рассматриваем синтаксическую модель «как целое, состоящее из постоянных элементов – грамматических, лексических, контекстуальных, которые самостоятельно или во взаимосвязи выражают свойственное только данному структурному типу предложения модальное содержание. Модель включает только существенные формальные единицы языка. В целом процесс моделирования стремится к такому описанию объекта, которое правильно объясняет его формальное построение и семантику» [97, с 84].

Имплицатуры данного высказывания выведены на основании его языковой формы и дискурсивного контекста и эксплицированы на немецком языке с использованием лексики, коррелирующей с лексическим наполнением минимального диалога. Методика экспликации имплицатур зарекомендовала

себя как существенно необходимая в дискурсивно-прагматическом анализе, поскольку позволяет четко обозначить смысловые границы эксплицитного и имплицитного содержания высказывания. При этом мы применяем и метод формализации – иллюстрации прагмасемантических особенностей диалогических реакций с импликатурами, на том основании, что исследуется естественный язык, а «первым шагом в формализации является исключение естественного языка» [210, с. 254].

После каждого дискурсивного фрагмента, приводимого в качестве иллюстративного материала, мы даем формальное представление речеактового наполнения инициального и реактивного ходов, используя символы, принятые в логической семантике. Например, формальное представление смежной пары приведенного дискурсивного фрагмента (1) расшифровывается следующим образом: «В инициальном ходе реализуется РА квестив с пропозицией p (вопрос), в реактивном ходе на основе эксплицитного квестива с пропозицией q (риторического вопроса) реализуется имплицитный ассертив, отрицающий эту пропозицию – $\sim q$, из чего следует еще одна импликатура, подтверждающая исходную пропозицию инициального РА – p , т.е. имплицитный ответ».

Для установления целей, намерений, иллокуций и особенностей речевого взаимодействия интерактантов в соответствующих коммуникативных ситуациях использовались методы акторечевого, интенционального и контекстуального анализа. Минимальный диалог (1) представляет собой смежную пару «вопрос – ответ / квестив – ассертив», при этом ответ является непрямым, поскольку содержит импликатуру, поэтому расцениваем такую реакцию как отсроченную.

Отвечая на вопрос собеседника непрямо, в импликатуре, К2 реализует тактику уклонения в рамках стратегии вуалирования, заключающуюся в том, что К2 имеет перлокутивную цель при помощи уклонения от прямого ответа сохранить свое лицо, и тактику обоснования в рамках стратегии аргументации. Тактико-стратегический анализ основывается в нашей работе на положениях дискурс-анализа, которые предполагают установление стратегического

потенциала высказывания в связи с его формой, функцией, ситуативной и социально-культурной обусловленностью.

Проиллюстрируем паспортные данные высказывания с имплицатурой еще на одном примере:

(2) [Сыщик и его помощник ищут главную свидетельницу убийства у нее дома, предполагая, что с ней могло что-то случиться, поскольку она не явилась на допрос в полицию и несколько дней не выходила на работу]

– *In der Wohnung ist es mindestens seit drei Tagen keiner mehr gewesen.*

– *Sie sind im Urlaub.*

– *Lassen Sie die Fenster auf, wenn Sie in Urlaub fahren?* (+> *Sie lassen die Fenster nicht auf, wenn Sie in Urlaub fahren & Die Fenster sind auf* +> *Die Bewohnerin ist nicht im Urlaub*) („Sherlock“)

ИХ: **A(p)**

PX: **Q(q) +>> A(~q) & A(r) +> A(~p)**

Помощник сыщика делает предположение, что, поскольку в квартире нет знаков недавнего присутствия жильцов, они могут быть в отпуске. Реактивный ход в данном фрагменте представляет собой риторический вопрос *Lassen Sie die Fenster auf, wenn Sie in Urlaub fahren?*, при помощи которого K2 апеллирует к пропозициональному знанию K1, что позволяет ему вывести цепочку импликатур: +> *Sie lassen die Fenster nicht auf, wenn Sie in Urlaub fahren & Die Fenster sind auf* +> *Die Bewohnerin ist nicht im Urlaub*.

Инициальный ход данного дискурсивного фрагмента представлен РА ассертивом (предположение о причине отсутствия хозяйки квартиры дома в течение нескольких дней), а реактивный ход – имплицитным опровержением данного предположения – РА возражения. K2 пытается имплицитно указать K1 на то, что его предположение не соответствует принятым поведенческим нормам, так что формальное представление смежной пары приведенного дискурсивного фрагмента (2) расшифровывается следующим образом: «В инициальном ходе реализуется РА ассертив с пропозицией **p** (предположение), а реактивном – на основе эксплицитного квеситива с пропозицией **q**

(риторического вопроса) реализуется имплицитный ассертив, отрицающий эту пропозицию – $\sim q$, ассертив с пропозицией r и ассертив, отрицающий пропозицию инициального РА – $\sim p$, т.е. имплицитное возражение».

Поскольку РА возражения является нежелаемой и неожиданной реакцией К2 на инициальное высказывание К1, квалифицируем эту реакцию как неподдерживающую.

Приведенное высказывание с имплицатурой демонстрирует дедуктивный тип конверсационной имплицатуры, который основывается на логических связях смыслов высказываний инициального и реактивного ходов. В данном случае мы используем метод построения простых категорических силлогизмов (анализ имплицатур с применением принципов классической логики):

1. *Wenn man in Urlaub fährt, schließt man die Fenster.*
2. *Die Fenster sind auf.*

---

3. *Die Bewohner sind nicht im Urlaub.*

Первая посылка данного силлогизма реконструируется из общего пресуппозиционного фонда коммуникантов, содержащегося в дискурсивном контексте: это знание о нормах поведения жителей современного европейского города. Метод пресуппозиционного анализа необходим нам для реконструкции пресуппозиций, выступающих посылками энтимемы – сокращенного силлогизма, одна или обе посылки которого выражены имплицитно. Вторая посылка данного силлогизма выведена нами в результате контекстуального анализа. Таким образом, вывод делается на основании: а) того факта, что перед отъездом куда-либо человек обычно проверяет, закрыл ли он окна, б) никто не оставит открытыми окна, если уезжает надолго из дома, при этом, однако, окна в помещении открыты, соответственно, хозяева никуда не уезжали.

Анализируемое высказывание употребляется К2 для реализации тактики обоснования в рамках стратегии аргументации.

В заключении с привлечением элементов количественной обработки данных (анализ процентного соотношения) устанавливаются показатели частотности исследуемых явлений в массиве данных.

Таким образом, поэтапная дискурсивно-прагматическая методика позволяет установить структурно-семантические и дискурсивно-прагматические свойства высказываний с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса.

Выводы по главе 2

1. При анализе дискурсивных диалогических фрагментов в качестве эмпирического материала используются драматические и прозаические художественные произведения, а также сценарии художественных фильмов, диалоги которых принято считать аналогами диалогов из повседневной жизни.

2. Различают два уровня коммуникации в художественном произведении – внутреннюю, горизонтальную коммуникацию – коммуникацию персонажей друг с другом, и внешнюю коммуникацию – коммуникацию автора произведения с читателем / зрителем. Двухуровневая коммуникация предполагает, что имплицитный смысл имеет разное информационное наполнение на внутреннем и внешнем уровнях. Методика абстрагирования от внешней коммуникации позволяет не принимать во внимание внешнюю коммуникацию и сосредоточиться на анализе коммуникации внутренней. При этом для анализа дискурсивных фрагментов из художественных произведений и фильмов привлекается анализ широкого дискурсивного контекста.

3. Методика исследования базируется на прагматическо-дискурсивной методологии и предполагает применение общенаучных методов (наблюдение, описание, гипотетико-дедуктивный метод, анализ, синтез, интроспекция), методов структурной лингвистики (семантический и синтаксический анализ) и дискурсивно-прагмалингвистических методов (пресуппозиционный, интенциональный, контекстуальный, пропозициональный, речеактивный,

дискурсивно-стратегический методы и методика экспликации имплицатур), а также элементы количественного анализа.

4. В дискурсивные фрагменты, отобранные для анализа, входят: инициальный дискурсивный ход (подчеркивается пунктирной линией); реактивный дискурсивный ход (высказывание с имплицатурой подчеркивается сплошной линией); при необходимости другие средства ретро- и проспективного языкового контекста.

5. Процедура исследования охватывает следующие этапы: 1) установление критериев выборки, сбор эмпирического материала; 2) индуктивное обобщение языкового материала, формулирование гипотезы исследования; 3) верификация гипотезы и систематизация полученных данных.

6. Эмпирический анализ делается на основе паспортных данных каждого дискурсивного фрагмента корпуса, которые отражают последовательность изложения положений эмпирических глав диссертации и включают в себя: характеристику адресанта и адресата реактивного высказывания, описание ситуации, языковые свойства реактивного высказывания с имплицатурой, эксплицированную имплицатуру и ее тип, иллокутивные характеристики реактивного и инициального высказывания, тип реакции и реализуемые стратегию и тактику.

Положения данной главы нашли отражение в публикациях автора [192; 194].

ГЛАВА 3

ИНДИКАТОРЫ ИМПЛИКАТУР РЕАКТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В соответствии с критерием конвенциональности, импликатуры подразделяются на две группы – конвенциональные и конверсационные [131, с. 25; 137, с. 74; 245; 246; 275; 285; 314]. Реактивные высказывания с конвенциональными импликатурами имеют в качестве индикаторов различные языковые средства (слова, морфологические категории, синтаксические конструкции). Реактивные высказывания с конверсационными импликатурами языковых индикаторов не имеют, основным индикатором импликатур в таких высказываниях является дискурсивный контекст. *Индикаторы имплицитного смысла* – это языковые средства, которые указывают на наличие в высказывании импликатуры, передающейся говорящим намеренно [24], иначе их называют триггерами (*triggers*) [261, с. 211].

В дискурсе оба типа импликатур являются интендируемыми, но конвенциональные импликатуры, в отличие от конверсационных, выводятся из значений слов и предложений вне дискурсивного контекста, они обнаруживаются на основе языковых норм и предполагают характеристику языковых средств их выражения.

Частотность высказываний с конвенциональными и конверсационными импликатурами представлена в таблице Б Приложения.

3.1. Индикаторы конвенциональных импликатур реактивных высказываний

Конвенциональные импликатуры включают в себя лексико-грамматические и синтаксические. В лексико-грамматических импликатурах

импликативность достигается использованием всей совокупности семантико-стилистических признаков лексической единицы, поэтому часто реактивные высказывания с лексической импликатурой не связаны семантически на поверхностном уровне с инициальным ходом.

В синтаксических импликатурах импликативность достигается использованием синтаксических конструкций, которые, относительно независимо от лексического наполнения, предполагают вывод имплицитного смысла.

Охарактеризуем лексико-грамматические и синтаксические индикаторы конвенциональных импликатур, частотность которых в массиве наших данных представлена в Таблицах В и Г Приложения.

3.1.1. Индикаторы лексико-грамматических импликатур. Лексико-грамматические импликатуры демонстрируют в качестве индикаторов такие языковые средства, которые относятся к лексическим и морфологическим средствам немецкого языка. Лексические индикаторы являются носителями и индикаторами импликатур только на основании своего словарного значения. Морфологические категории (время, наклонение глагола, степени сравнения прилагательных, категории служебных слов) актуализируют импликатуру в комплексе с лексическим значением той или иной части речи.

Среди данных индикаторов выделяем импликативные глаголы, градуальные частицы, прилагательные в сравнительной и превосходной степени, скалярные наречия, местоимения и глаголы в сослагательном наклонении. Частотность лексико-грамматических индикаторов импликатур реактивных высказываний в немецкоязычном диалогическом дискурсе представлена в таблице В Приложения.

3.1.1.1. Импликативные, фактивные и пресуппозиционные глаголы. Глаголы, выступающие в немецкоязычном дискурсе в качестве индикаторов импликатур, можно

разделить на три семантические группы – имплицативные (18,1% от количества высказываний с глаголами-индикаторами имплицатур), фактивные (27,3%) и пресуппозиционные (54,6%).

Под **имплицативными глаголами** в прагмалингвистике понимаются такие глаголы, которые могут рассматриваться как представляющие необходимое и достаточное условие осуществления события, описываемого подчиненной, имплицативной предикацией, которая именуется комплиментом: *versuchen, sich beschäftigen, beginnen, fortsetzen, aufhören, scheitern, gelingen, misslingen* и т.п. [8; 206, с. 84; 245, с. 333; 292; 304]. В качестве иллюстрации Л. Карттунен приводит такие пары предложений:

John managed to solve the problem. >> John solved the problem.

John remembered to lock his door. >> John locked his door [292, с. 341].

В следующем дискурсивном фрагменте основным индикатором имплицатуры является имплицативный глагол *versuchen*, при помощи которого К2 наиболее полно может передать информацию об истинном положении дел:

(3) [Мама интересуется у сына об успехах в школе]

– *Bist du ein Bester?*

– *Ich will es versuchen, Mutter.* (+>> *Ich bin kein Bester*) (*Strittmatter, „Tinko“, S. 313*)

ИХ: **Q(p)**

РХ: **A(q) +>> A(~p)**

В следующем дискурсивном фрагменте К2, эксплуатируя значение глагола *versuchen*, имплицитно сообщает К1 о том, что ему не удалось совершить то действие, которое от него ожидалось, при этом, однако, он приложил к выполнению этого действия определенные усилия:

(4) [После трагедии в семье]

– *Hast du wenigstens deine Mutter beruhigt?*

– *Ich hab's versucht. Das Schlimmste muss sie abhalten, wenn wir alle von dannen sind.* (+>> *Ich habe die Mutter nicht beruhigt*) (*Strittmatter, „Tinko“, S. 330*)

ИХ: **Q(p)**

PX: $A(q) \rightarrow \rightarrow A(\sim p)$

Высказывания с импликатурой, индикаторами которой является импликативный глагол, являются ответами на вопрос собеседника. Это касается также высказываний с фактивными глаголами.

Группу **фактивных глаголов** типа *know / wissen, realize / begreifen, regret / bedauern* и т.п. выделили Пол и Керол Кипарски [294]. Данные глаголы пресуппонируют истинность объектной пропозиции, т.е. вызывают фактивную пресуппозицию, относящуюся к ситуациям, в которых говорящий рассматривает определенное суждение как истинное, отражающее реальность. К фактивным относятся глаголы *admit / akzeptieren, amuse / amüsieren, bother / ärgern, confess / gestehen, discover / entdecken, ignore / ignorieren, realize / begreifen, regret / bedauern* и т.п., глагольные сочетания с прилагательными *glad / froh, exciting / aufregend, important / wichtig, lucky / glücklich, proud / stolz, regrettable / bedauerlich, remarkable / bemerkenswert* и т.п. [8; 216; 240, с. 9].

Отличить импликативный предикат от фактивного помогает тест на отрицание. Характерным признаком фактивных глаголов является то, что отрицание в главном предложении не влияет на пресуппозицию, выраженную в комменте, например:

John was glad to see his parents. → John wasn't glad to see his parents >> John saw his Parents [292, с. 340].

John war froh, seine Eltern zu sehen → John war nicht froh, seine Eltern zu sehen >> John sah seine Eltern

Радовался ли Джон тому, что увидит своих родителей, или нет – пресуппозиция останется одной и той же и истинной: *Джон видел своих родителей*. С импликативными глаголами все происходит наоборот: из отрицания импликативного предиката вытекает, что пропозиция, которая за ним следует, является ложной, например:

John managed to solve the problem. >> John solved the problem.

John didn't manage to solve the problem. >> John didn't solve the problem [292, с. 343].

John gelang es, das Problem zu lösen. >> John hat das Problem gelöst.

John gelang es nicht, das Problem zu lösen. >> John hat das Problem nicht gelöst.

В дискурсивных фрагментах (5) и (6) коммуниканты употребляют фактивные глаголы *nachsehen* и *verraten*:

(5) [После школы Франк интересуется у отца, какой длины река Нил]

„Da hab ich ja nicht mehr hingehört, aber wenn es wichtig ist, merk ich es mir. Wie lang ist er denn?“

„Da muss ich erst nachsehen,“ sagte mein Vater verlegen. (+>> Ich weiß nicht, wie lang der Nil ist) (Weber, „Bin ich Moses?“, S. 14)

ИХ: **Q(p)**

PX: **A(q) +>> A(p)**

(6) [Главный подозреваемый по делу выдает своих подельников]

– *Und Monika wusste es?*

– *Sie war ein echter Kumpel, sie hat nichts verraten.* (+>> Monika wusste es)
(„Kommissar Rex“)

ИХ: **Q(p)**

PX: **A(q) & A(r) +>> A(p)**

В приведенном дискурсивном фрагменте K2 при помощи глагола *verraten* не только подтверждает информацию, запрошенную в инициальном ходе диалога, но и дает положительную оценку действиям другого субъекта, повышая тем самым его лицо в понимании П. Браун и С. Левинсона [261].

Особую группу глаголов, способных выступать индикаторами имплицатур в дискурсе, представляют глаголы, которые мы называем **пресуппозиционными**. Дж. Лакофф рассматривает глагол такого типа *to open / öffnen*, в значение которого входит пресуппозиция «объект действия является закрытым» [301]. В семантику таких глаголов входит обязательная пресуппозиционная сема, отсутствие которой нивелирует значение глагола, например:

suchen >> nicht haben,

vorgestellt werden >> kennen,
verlobt sein >> einen Verlobten haben,
sich anziehen >> nicht angezogen sein,
fragen >> nicht wissen и т.п.

Актуализация имплицатур, имеющих отношение к пресуппозициям данных глаголов, имеет место в двух случаях: 1) ответ на вопрос об истинности пресуппозиционной семы, 2) возражение как реакция на просьбу или вопрос.

В первом случае в инициальном ходе содержится вопрос, на который говорящий отвечает имплицитно, эксплуатируя пресуппозиционную сему, например:

(7) [На великосветском приеме в королевском дворце]

– Kennen Sie diese Frau?

– Ich hatte die Ehre, Ihrer Majestät vorgestellt zu werden. (+>> *Ich kenne diese Frau*) (Feuchtwanger, „Die Witwe Capet“, S.76)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(p)

В данном дискурсивном фрагменте K2, основываясь на семантике инфинитивного оборота *vorgestellt werden*, подтверждает запрошенную у него информацию о знакомстве с третьим лицом.

В следующем дискурсивном фрагменте K2 при помощи пресуппозиционного смысла значения глагола *suchen* (искать можно то, чего у человека еще нет вообще или он это потерял) имплицитно дает понять младшему брату, что у него еще нет девушки, не желая при этом потерять свое лицо:

(8) [Йост расспрашивает младшего брата о его делах после долгой поездки]

„Na, was ist mit den Mädchen?“ *fragte er.* „Machen sie dir zu schaffen?“

Obwohl ich eine gewisse Geringschätzung spürte, freute ich mich doch, mit meinem Bruder über eine so komplizierte Sache – wie es die Frauen sind – zu sprechen.

„Ich suche noch“, *sagte ich.* (+>> *Ich habe kein Mädchen*) (Weber, „Bin ich Moses?“, S. 35-36)

ИХ: Q(p)

PX: $A(q) \rightarrow \rightarrow A(\sim p)$

Ответ на вопрос может не вытекать непосредственно из семантики используемого глагола, а находиться в цепочке импликатур, например:

(9) [Хольт пытается познакомиться поближе со своей сиделкой Марией]

Er fror wieder, zog sich das Deckbett bis zum Kinn, fragte weiter: „Und jetzt sind Sie ganz allein?“

Es dauerte lange, bis sie antwortete: „Ich bin verlobt. Ich warte noch. Er war zuletzt in Russland“. ($\rightarrow \rightarrow$ Ich habe einen Verlobten $\rightarrow$ Ich bin nicht allein $\rightarrow$ Sie haben keine Chancen) (Noll, „Die Abenteuer des Werner Holt“ T. 2, S.119)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) \rightarrow \rightarrow A(\sim p)$

В данном дискурсивном фрагменте К2 эксплуатирует значение глагольного словосочетания *verlobt sein* (наличие у человека жениха подразумевает присутствие в жизни близкого человека), давая понять К1, что его попытки познакомиться с девушкой поближе не имеют шансов, не желая при этом обидеть К1.

Второй случай предполагает возражение К2 собеседнику, он употребляет глагол, пресуппозиционная сема которого находится в противоречии с пропозицией инициального РА, например:

(10) [Арно пригласил свою секретаршу Янне к себе на дачу, желая ее соблазнить. Поначалу ему это удастся, но затем они ссорятся]

Janne: *Darf ich jetzt gehen?*

Arno: *Sie sind wirklich noch ein kleines Mädchen.*

Janne: *Um so besser.*

Arno: *Wollen Sie sich nicht wenigstens erst mal anziehen?* ($\rightarrow \rightarrow$ Sie sind nicht angezogen $\rightarrow$ Ziehen Sie sich erst an und dann gehen Sie)

Janne: *Drehn Sie sich um. (Bieler, „Drei Rosen aus Papier“, S. 22)*

ИХ: $D(p)$

PX: $Q(q) \rightarrow \rightarrow A(\sim r) \& D(s)$

Индикатором имплицитного смысла служит пресуппозиционный глагол *sich anziehen*, имеющий в семантике пресуппозиционное знание об отсутствии одежды (чтобы одеться, необходимо быть одетым), что использует («эксплуатирует») говорящий. Инициальное высказывание представляет собой косвенный директив с пропозицией p , выраженный вопросительным предложением: $D(p)$. Реактивное высказывание реализует два имплицитных смысла – ассертив-напоминание о том, что адресат не одет: $A(\sim r)$, и директив – побуждение одеться: $D(s)$.

В следующем дискурсивном фрагменте K2 эксплуатирует пресуппозицию глагола *fragen*, имплицитно давая понять K1, что не может предоставить ему запрашиваемую информацию – пресуппозицией действия вопроса является когнитивный дефицит K2 – незнание им элементов пропозиции или факта ее истинности [154]:

(11) [Михаэль разыскивает свою жену Ангелу у тещи]

„Hallo, Helga, ich bin 's. Wollte nur fragen, wo Angela steckt“.

„Das wollte ich DICH gerade fragen“. (+>> *Ich weiß auch nicht, wo Angela steckt*).
Sie klang aufgeregt. „Ich habe eure Kinder wirklich gern um mich, aber dass ihr mich solange braucht, hätten wir vorher absprechen müssen. Die Kinder halten mich voll auf Trab... nicht, Denise! Lass das stehen! Das geht kaputt...“ (Lind, „Der Mann, der wirklich liebte“, S. 9-10)

ИХ: $Q(p)$

РХ: $A(q) +>> A(p') \& E(p)$

При этом K2 на имплицитном уровне также упрекает K1 в незнании той информации, которая запрашивается.

Таким образом, общим свойством имплицитных, фактивных и пресуппозиционных глаголов является наличие в их семантической структуре пресуппозиции, которая способна в диалогическом дискурсе выступать в виде имплицатуры. Различие их состоит в том, что фактивные и пресуппозиционные глаголы выдерживают тест на отрицание, имплицитные – нет. С другой стороны, имплицитные и фактивные глаголы предполагают наличие комплимента,

выраженного, соответственно, инфинитивным оборотом и придаточным дополнительным предложением, а пресуппозиционные глаголы такого комплимента не предполагают (см. таблицу Д Приложения).

3.1.1.2. Градуальные частицы. На современном этапе развития лингвистической науки различают частицы в широком и в узком смысле. Частица в широком смысле определяется как «сборное обозначение для неизменных слов и частей речи с весьма различным употреблением» [357, с 561]. В узком смысле частица понимается такой частью речи, которая наряду с другими частями речи (наречием, союзом, предлогом, междометием, модальным словом и другими «проблемными» и «беспроблемными» частями речи) занимает равноправное место в классификациях частей речи. При этом под частицами понимают:

- такие морфологически неизменные слова, которые не имеют синтаксических функций других неизменных слов, не имеют статуса предложения (в отличие от междометий и модальных слов), статуса членов предложения (в отличие от наречий) статуса соединительных слов (в отличие от союзов и предлогов) [278, с. 97];
- неизменные, без статуса членов предложения классы слов, которые не имеют (а если и имеют, то незначительное) самостоятельное лексическое значение, но модифицируют значение других членов предложения, с которыми соединяются. Они, как правило, не могут самостоятельно (без слова, к которому относятся) перемещаться в предложении [277, с. 96];
- неизменные и безударные слова, которые: семантически – обозначают отношение говорящего к сказанному или не имеют собственного значения; синтаксически – не занимают первого места в предложении и не могут служить самостоятельным ответом на вопрос; функционально – относятся к целому предложению; прагматически – допускают элиминацию, не нарушая при этом понимания предложения [320, с. 74].

Задачам нашего диссертационного исследования соответствует третье определение частицы как части речи.

Наиболее общим является разделение частиц на логические и модальные (иначе – семантические и коммуникативные [300; 277, с. 479]). Противопоставляя логические и модальные частицы, ученые применяют различные критерии. Одни авторы опираются на критерий синтаксической зависимости: модальные частицы относятся к сказуемому или предложению в целом, логические частицы – только к определенному члену предложения [172, с. 8]. Другие авторы используют функциональный критерий: у логических частиц доминирует семантическая функция, у модальных – коммуникативная [279, с. 17]. Существует также разделение по объективным (логические частицы) и субъективным (модальные частицы) признакам [300; 277, с. 189].

Мы придерживаемся классификации Г. Хельбига, которая базируется на способности частиц по-разному модифицировать высказывание: модальные, градуальные, усиливающие частицы, частицы-ответы, частицы-отрицания и инфинитивные частицы [277, с. 29]. Индикаторами имплицатур могут выступать градуальные частицы.

Под **градуальными частицами** мы понимаем такие частицы, которые по своему лексическому значению и скалярной интерпретации принадлежат к языковым средствам реализации семантической категории градуирования, функционируют как эксплицитные / имплицитные градуаторы при относительном и абсолютном градуировании [82, с. 10]. Особенность этих частиц состоит в том, что их употребление активизирует фоновые знания коммуникантов, заставляет их выводить имплицитную информацию как семантического, так и прагматического характера, от чего зависит успех коммуникации.

Наш материал демонстрирует частотность употребления в качестве индикаторов имплицатур в реактивных высказываниях частиц *nur* (33,3% от количества высказываний с частицами), *auch* (50%) и *sogar* (16,7%). Для анализа градуальных частиц в лингвистике используется понятие сферы действия (*scope, range*), которое пришло из логики: «о сфере действия некоторой лексической единицы говорят тогда, когда для семантической

интерпретации предложений, содержащих эту единицу, недостаточно рассматривать ее связи с отдельными словами, а необходимо учитывать либо единицы меньше, чем слово – какой-либо компонент его значения, либо большие, чем слово – целые словосочетания» [32, с. 6].

В связи с этим используется понятие «фокус частицы», подразумевая под ним выражение адресантом своего отношения к состоянию дел, соотношение этого состояния дел с другими или с нормой [82, с. 28], в более широком смысле фокус трактуется как часть предложения, которая содержит нестандартный акцент выделения и используется для сопоставления определенного объекта с множеством альтернатив [82, с. 58]. Иными словами, **сфера действия** частицы представляет собой множество возможных элементов, с которыми семантически соотносится частица в конкретном случае употребления, а **фокус** – тот элемент множества, который выделяется частицей из данного множества альтернатив.

Значение градуальной частицы **nur** – выделение из ряда предметов, лиц, явлений [32, с. 86; 316]. Импликатура основывается на таком свойстве этой частицы, которое состоит в том, что ее фокус исключается из сферы действия. Проиллюстрировать употребление градуальной частицы *nur* для передачи импликатуры в реактивном высказывании можно на примере следующего дискурсивного фрагмента, в котором K2 дает понять K1, что третье лицо, о котором они говорят, не имеет с ним родственных связей:

(12) [Бабушка сама воспитывает внучку]

„Ist meine Mutter dein Kind gewesen?“

„Ich hab' nur ein Kind, das bist du“ (+>> *Deine Mutter war nicht mein Kind*)

(Grasmeyer, „Der unerwünschte Dritte“, S. 19)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(~p)

сфера действия частицы: die Mutter des K1,

фокус частицы: ein einziges Kind des K2, dieses Kind ist der K1,

импликатура: Die Mutter des K1 ≠ ein Kind des K2 +> Die

Mutter des K1 war kein Kind des K2.

(13) [Молодые люди вызывают интерес жителей города, в который переехали]

– Die Eltern sind verstorben?

– Es gibt jetzt nur uns beiden. (+>> Die Eltern sind gestorben) („The Vampire Diaries“)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(p)

сфера действия частицы: die Eltern des K2,

фокус частицы: die jetzt lebenden K2 und sein Bruder,

импликатура: Die Eltern des K2 ~R mit den lebenden K2 und seinem Bruder

+> Die Eltern sind gestorben.

(14) [Герда и Людвиг отправляются обедать]

Gerda lächelt. „Sie sind Billionär? Wie interessant!“

Eduard seufzt. „Nur ein Geschäftsmann mit allen Sorgen eines Geschäftsmannes. Hören Sie nicht auf diesen leichtfertigen Schwätzer da! Und Sie? Ein schönes, strahlendes Ebenbild Gottes, sorgenlos wie eine Libelle über den dunklen Teichen der Schwermut schwebend., (+>> Ich bin nicht Billionär) (Remarque, „Der schwarze Obelisk“, S. 92)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(~p)

сфера действия частицы: ein Billionär,

фокус частицы: ein Geschäftsmann = K2,

импликатура: ein Geschäftsmann (=K2) ≠ ein Billionär +> Der K2 ist kein Billionär.

Градуальная частица **auch** имеет значение вовлечения K2 в коммуникативную ситуацию на равных правах с K1 и / или третьими лицами [82, с. 85]. Особенностью этой частицы служит то, что ее фокус не исключается из сферы действия, а, наоборот, входит в нее. Примером употребления частицы **auch** как индикатора импликатуры может служить следующий дискурсивный фрагмент, в котором K2 при помощи эллиптической конструкции подтверждает

запрашиваемую у него информацию, имплицитно уточняя при этом весь спектр выполняемых им действий:

(15) [На следующий день после знакомства доктор Штаэль приходит к Соне на сеанс массажа]

„Shiatsu?“ *fragte Dr. Stahel durch die runde Öffnung im Massagebett.*

„Auch“. (+>> *Ich mache Shiatsu +> Außer Shiatsu mache ich andere Massagearten*) (Suter, „Der Teufel von Mailand“, S. 110)

ИХ: A(p)

PX: A(p¹) +>> A(q)

сфера действия частицы: Massagearten,

фокус частицы: Shiatsu,

импликатура: Shiatsu R (korreliert) mit anderen Massagearten +> Der K2 macht außer Shiatsu andere Massagearten.

В следующем дискурсивном фрагменте K2 при помощи частицы *auch* пытается аннулировать все упреки в свой адрес, имплицитно указывая на то, что K1 мог бы последовать ее примеру:

(16) [Ева дополнительно занимается дома и быстро сбрасывает вес]

„Du, dicke Eva? Bist du etwa ein Kameradenschwein und turnst heimlich zu Hause?“ *fragte Cordula eines Tages, als sie zusammen in der Umkleide standen.*

„*Du nimmst hier echt am meisten ab. Das geht doch nicht mit rechten Dingen zu!*“

Eva wurde rot. Sie freute sich wahnsinnig, dass ihre Fortschritte nun auch von den anderen bemerkt wurden.

„Niemand hindert dich, das auch zu tun“, sagte sie [Eva] lächelnd. (+>> *Ich turne zusätzlich zu Hause*) „Ich leihe dir gern meine abgenudelte Hörkassette mit der Rückbildungsgymnastik, oder bestell dir doch auch Cindy im Internet! Das wirkt Wunder und macht auch noch Spaß!“ (Lind, „Die Champagner-Diät“, S. 122)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(p)

сфера действия частицы: zusätzliches Turnen des K1 zu Hause,

фокус частицы: K2,

импликатура: K2 R mit zusätzlichem Turnen des K1 zu Hause

+> Der K2 turnt zusätzlich zu Hause.

(17) [После вечеринки]

Mattias: *Dann hauen wir ab.*

Maja: Was? Ihr auch? (>> Jemand noch haut ab)

Mattias: Wieso auch? (+>> Haut noch jemand ab? & Ich weiß nicht, dass jemand abhaut)

Felix: *Weil Corinna schon weg ist. (Schertenleib, „Radio Kaschmir“, S. 356)*

ИХ: Q(p)

PX: Q(q) +>> E(p, q)

сфера действия частицы: Abhauen von Mattias und seiner Freundin,

фокус частицы: andere Gäste,

импликатура: Abhauen von Mattias und seiner Freundin R mit anderen Gästen +> Andere Gäste hauen ab.

Градуальная частица **sogar** служит для того, чтобы привлечь внимание K1 к какой-то определенной части высказывания. Она способствует тому, что часть предложения становится центром высказывания [358, с. 371]. Семантика этой частицы «состоит в маркировке противоречия между ожидаемым положением вещей и действительным» [32, с. 121]. Особенностью ее служит то, что ее сфера действия вытекает из ее фокуса. Примером употребления данной градуальной частицы может служить следующий дискурсивный фрагмент, в котором K2 указывает на то, что существует еще какое-то положение дел, противоречащее общему впечатлению о семье Рихтер, в частности, что у них в семье все не так идеально, как кажется, и оба коммуниканта об этом знают:

(18) [Подруги обсуждают проблемы в отношениях с мужем одной из них и семью общих знакомых]

„<...> Wir haben ihnen nichts mehr zu bieten. Von unseren schrillen Dissonanzen schmerzen ihm die Ohren. Was er braucht, ist Harmonie“.

„Und wo, meinst du, wär die zu finden? Sogar bei Richters darfst du nicht an der schönen Fassade horchen. Du würdest dich wundern, was du da zu hören kriegst“.

(+>> *Harmonie kann man in keiner Familie finden* +> *Bei Richters ist Harmonie scheinbar*) (Grasmeyer, „*Der unerwünschte Dritte*“, S. 212)

ИХ: $A(p)$

PX: $Q(q) \& A(r) +>> A(\sim q) \& A(\sim r)$

сфера действия частицы: *alle Familien*,

фокус частицы: *keine Harmonie in der Familie Richter*,

импликатура: *keine Harmonie in der Familie Richter R mit allen Familien*,

+> *Harmonie kann man in keiner Familie finden*.

Таким образом, особенностью градуальных частиц как индикаторов импликатур в реактивных ходах диалогического дискурса являются семантические отношения их фокуса и сферы действия при конструировании этих импликатур: фокус частицы *auch* входит в ее сферу действия, фокус частицы *nur* исключается из ее сферы действия, сфера действия частицы *sogar* вытекает из ее фокуса.

3.1.1.3. Прилагательные в сравнительной и превосходной степени. В системе частей речи немецкого языка прилагательное, после глаголов и существительных, является самым обширным классом. Прилагательное является такой частью речи, элементы которой служат для определения разнообразных свойств материальных или ментальных предметов [1, с. 89]. Помимо этого при помощи прилагательных обозначаются свойства и отличительные признаки предметов; говорящий сообщает при помощи них, какими свойствами обладает кто-то или что-то, каким образом происходит то или иное действие [359].

Существует множество классификаций прилагательных по их семантическим или синтаксическим характеристикам. С точки зрения их синтаксических характеристик прилагательные могут употребляться в качестве атрибута при существительном, атрибута при прилагательном или наречии, самостоятельного члена предложения (прилагательное с предикативной или адвербиальной функцией) [358, с. 253].

При этом следует учитывать еще и тот факт, что качественные наречия и качественные прилагательные совпадают по форме.

Качественные прилагательные могут активизировать импликацию в реактивных ходах диалогического дискурса, употребляясь в формах сравнительной (90,5% от количества высказываний с прилагательными) и превосходной степени (9,5%).

Наиболее частотным прилагательным, выступающим как индикатор импликации, в нашем корпусе является прилагательное **gut** (23,8%):

(19) [Из-за странных происшествий в отеле весь персонал плохо спит]

„*So schlecht schläfst du?*“

„*Letzte Nacht schon. Und du?*“

Sonia lächelte. „Ich habe auch schon besser geschlafen“. (+>> Ich schlafe auch schlecht) (Suter, „Der Teufel von Mailand“, S. 163)

ИХ: **Q(p)**

PX: **A(q) +>> A(p)**

В данном дискурсивном фрагменте K2 при помощи прилагательного в сравнительной степени *besser* сравнивает одно состояние дел с другим и дает одновременно характеристику своему нынешнему общему состоянию.

В следующем дискурсивном фрагменте основным носителем информации является прилагательное *gut*, в частности его сравнительная степень сравнения *besser*. Основной смысл сводится к тому, что самочувствие человека чаще всего отражается на его внешнем виде и что, если человек обычно выглядит лучше, чем сейчас, то с ним что-то не так.

(20) [Врач (Лотар) намекает другу на то, что тот переутомлен]

Moritz: *Was gibt's? Stimmt etwas nicht mit mir?* <...>

Lothar: *Gott, ich wollte nur sagen, was jeder sagt: du hast schon mal besser ausgesehen, alter Freund...* (+>> *Du siehst schlecht aus*)

Moritz: *Hm...* <...>

Lothar: *Übermüdung, Erschöpfung. (Strauß, „Trilogie des Wiedersehens“, S. 111)*

ИХ: **Q(p)**

PX: $A(q) +>> A(r)$

Индикатором импликатуры выступают и сложные прилагательные в сравнительной степени, первым элементом которых является порядковое числительное. Такие прилагательные указывают на какое-либо определенное место в числовом ряду, состоящем из порядковых числительных. С их помощью указывается порядковое место, к которому принадлежит определенное количество чего-либо [358, с. 271], например:

(21) [Бьёрн завтракает с супружеской парой Адрианом и Евой в коммунальной квартире]

Bjorn: *Bitte, Schokokroissants!*

Eva: *Oh Bjorn, du bist immer der beste.*

Adrian: *Eh, und wie steht's mit mir?*

Eva an Bjorn: *M-m-m – der zweitbeste!* (+>> *Bjorn ist der zweitbeste* +> *Adrian ist der erstbeste*) („Unter uns“, 28.04.05, Folge 2569)

IX: $Q(p)$

PX: $A(q) +>> A(r)$

В данном дискурсивном фрагменте K2 при помощи прилагательного в превосходной степени *zweitbeste* старается дать характеристику двум другим участникам данного диалога, не давая при этом поводов для обид никому из участников диалога. Дополнительным индикатором импликатуры является также настоящее время глагола *sein* с учетом того факта, что реактивное высказывание является неполным.

Высокую частотность демонстрирует также форма сравнительной степени прилагательного *gern* – ***lieber*** (19%). Она употребляется в случае, если в инициальном ходе употребляется высказывание общевпросительной структуры. Вопрос касается предикации – говорящий верифицирует истинность высказываемой пропозиции, реализуя РА комиссив – предложение услуги:

(22) [Хозяйка дома принимает гостя]

„*Trinken Sie einen Milchkaffee mit?*“ (+> *Ich mache Ihnen Milchkaffee*)

„Nichts lieber als das!“ (+>> *Ich trinke einen Milchkaffee mit* +> *Machen Sie mir Milchkaffee*) (Ecker, „Madonna“, S. 277)

ИХ: **K(p)**

PX: **A(q) +>> D(p)**

В следующем дискурсивном фрагменте K2, не желая обидеть K1 прямым отказом от его предложения эксплуатирует значение прилагательного в сравнительной степени *lieber*. При этом дополнительным индикатором имплицатуры в реактивном высказывании данного диалога является глагол в сослагательном наклонении *möchte*:

(23) Martin: Kommen Sie nicht mit uns, Susanne?

Susanne: Ich möchte lieber nach Hause fahren.(+>> *Ich komme nicht mit*) (Strauß, „Trilogie des Wiedersehens“, S. 95)

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +>> K(~p)**

При анализе прилагательных в сравнительной и превосходной степенях сравнения большое значение имеет временная форма глагола. Если глагол употребляется в форме прошедшего времени *Perfekt*, при анализе можно наблюдать ситуацию, примером которой является приведенный ниже дискурсивный фрагмент, когда K2 при помощи прилагательного в сравнительной степени *näher* не только дает характеристику определенного состоявшегося факта и степени своего участия в сложившейся ситуации, но и пытается смягчить передаваемую новость и дать K1 возможность сохранить его лицо:

(24) [Муж Евы после работы приходит домой, и по его выражению лица она понимает, что с ним что-то не так]

„Leo, wenn du Sorgen hast, dann reden wir darüber.“ (+> *Welche Sorgen hast du?*)
Mit plötzlicher Entschlossenheit drehte Leo sich weg und sagte, zur Fensterfront gewandt:

„Ich habe eine andere Frau ... kennen gelernt. Um es genau zu sagen: näher kennen gelernt“. (+>> *Ich habe mit einer anderen Frau geschlafen*) (Lind, „Die Champagner-Diät“, S. 7)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(r)

Прилагательное в сравнительной степени, употребляемые в реактивных высказываниях, может выступать в синтаксической роли предикатива, характеризуя субъект, сравниваемый с субъектом инициального высказывания. Например, субъект «*Der Nebel*» сравнивается с субъектом «*Die Krähe*»:

(25) [Братья обсуждают картину]

– *Die Krähe ist übertrieben, findest du nicht?*

– *Der Nebel ist viel eindrucksvoller.* (+>> *Der Nebel ist viel übertriebener* +> *Ich finde nicht, dass die Krähe übertrieben ist*) („*The Vampire Diaries*“)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(p)

Прилагательные в форме превосходной степени акцентируют наибольшее наличие признака у предмета, лица или явления, о котором идет речь в инициальном дискурсивном ходе. В следующем дискурсивном фрагменте K2, чтобы усилить свое воздействие на K1, дважды употребляет прилагательное *klein* в превосходной степени, обосновывая этим, что существуют более глобальные проблемы, чем та, о которой идет речь:

(26) [Ангелу парализует, ее забирают в больницу в тяжелом состоянии]

Ein ungläubiges Stöhnen war die Antwort. Der Chefarzt drehte sich um und strich sich fahrig über die grauen Haare.

„*Heißt das, sie könnte das Baby... verlieren?*“

Der Chefarzt trat auf Röhrdanz zu und legte ihm die Hand auf die Schulter: „Das wird unsere kleinste Sorge sein, Herr Röhrdanz. So grausam das auch für Sie klingen mag: unsere allerkleinste“. (+>> *Sie kann das Baby verlieren, aber sie kann auch selbst sterben*) (Lind, „Der Mann, der wirklich liebte“, S. 34)

ИХ: Q(p)

PX: $A(q) + >> A(p,r)$

Таким образом, прилагательные в сравнительной и превосходной степени выступают в качестве индикаторов имплицатур в реактивных высказываниях немецкоязычного диалогического дискурса совместно с временными формами глаголов.

3.1.1.4. Скалярные наречия. Под грамматическим понятием «наречие» в широком смысле принято понимать «служебное слово» или «эпитет» (от лат. *adverbiuni*). В узком смысле «наречие» трактуется как «эпитет глагола». Определения «эпитет» или «служебное слово» определяют исключительно синтаксическое назначение наречия, в то время как термин «наречие» дает смысловую характеристику данной категории [358, с. 355].

Наречия употребляются главным образом как (необходимое) дополнение, (необязательная) характеристика, категория состояния или атрибут. В широком смысле при помощи наречий обычно обозначают какие-либо конкретные обстоятельства [358, с. 87].

Наречия, выступающие в роли индикаторов имплицатуры в реактивных высказываниях диалогического дискурса, имеют скалярную семантику, т.е. представляют собой такую характеристику действия, которая размещается на определенной семантической шкале. Поэтому в дискурсе такие наречия могут использоваться адресантом для передачи скалярной имплицатуры (от *scale* – ‘шкала’) – такой имплицатуры, которая имеет отношение к линейному множеству языковых единиц, упорядоченных по степени информативности [265; 284; 312; 303, с. 145].

В качестве индикаторов имплицатуры нами зафиксированы наречия *zuerst* (40% от количества высказываний с наречиями), *immer* (20%), *überall* (20%) и *nie* (20%).

Самым частотным индикатором имплицатур является наречие *zuerst*, располагающееся на шкале временной последовательности действий: *zuerst* – *dann* – *nachher* – *schließlich* – *anschließend* – *endlich*. К2 в этом случае соглашается выполнить просьбу собеседника: сообщая при помощи наречия

zuerst о прерогативе другого действия, он дает понять K1, что его просьбу он выполнит после того, как будет выполнено данное действие (им, адресатом или третьим лицом). Согласие выполнить просьбу передается своего рода «по умолчанию». В следующем дискурсивном фрагменте K2, эксплуатируя семантику наречия времени *zuerst*, соглашается с просьбой K1, прибегает, однако, к отсрочке выполнения своего обещания:

(27) [Друзья за завтраком]

Fary: Kannst du mi bis übermorgen a Geld leihn?

Reicher: *Wie viel?*

Fery: *Naja, an Hunderter.*

Reicher mit bewusster Miene: Aber zuerst eß i die Eierspeis fertig.(+>> *Danach werde ich dir das Geld leihen*) (Bauer, „Change“, S. 14)

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +>> K(p)**

Семантическую шкалу образуют также наречия времени *nie* – *fast nie* – *ab und zu* – *manchmal* – *selten* – *irgendwann* – *jetzt* – *oft* – *fast immer* – *immer*. Так, в следующем дискурсивном фрагменте адресант, опытный следователь, опираясь на индикатор скалярной имплицатуры *immer*, намеревается поддержать мнение и действия своего молодого помощника, подтверждая его предположение:

(28) [Опытный следователь и его помощник во время сильного дождя едут расследовать преступление]

Auch das noch, denkt Baltrock, und er sagt: „Hoffentlich sind nicht alle Spuren zertrampelt.“

*„Spuren“, erwidert Zeitfuchs verbissen, „die finden sich immer“ (+>> *Wir werden irgendwelche Spuren bestimmt finden +> Nicht alle Spuren sind zertrampelt*) (Steinberg, „Ein Mann namens Nottrod“, S. 16)*

ИХ: **A(~p)**

PX: **A(q) +>> K(q) & A(~p)**

Употребление наречия *nie* иллюстрирует следующий дискурсивный фрагмент, где K2 отрицает запрошенную K1 информацию:

(29) [Детектив опрашивает главного свидетеля]

„Ja, fragen Sie ruhig“.

„Gibt es eine Frau in Ihrem Leben?“

„Ich habe mir nie viel aus Frauen gemacht“. (+>> *Deshalb gibt es keine Frau in meinem Leben*) (Evertier, „Man stirbt nicht ungefragt“, S. 50)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) +>> A(\sim p)$

В ответах на вопрос передаются импликатуры, основанные на скалярном значении наречий места: *nirgends* – *irgendwo* – *dort* – *hier* – *da* – *überall*. Так, индикатором импликатуры может выступать наречие места *überall* – «езде» имеет гиперонимическое отношение к любому месту, входящему в дискурсивный контекст, например:

(30) [Военные ожидают поезд, чтобы ехать на фронт]

„Aber ein Bordell gibt es wenigstens?“ *Der Junge stellte die Frage zum drittenmal. Seine Augen waren gerötet, er hatte Mühe, sie offen zu halten. Der Soldat antwortete gelangweilt:*

„Sorg dich nicht. Wer Geld hat, findet überall ein Bordell. Werden dir die Eltern Geld schicken?“ (+>> *Es gibt dort ein Bordell*) (Sperber, „Wie eine Träne im Ozean“, S. 643)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) +>> A(p)$

Таким образом, наречия, выступающие индикаторами импликатур в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса, называем скалярными, поскольку они демонстрируют скалярную семантику – такую характеристику действия, которую можно расположить на соответствующей семантической шкале.

3.1.1.5. Местоимения. Местоимения выступают в качестве индикаторов импликатуры в реактивных высказываниях немецкоязычного дискурса на основании своей заместительной природы и ограничиваются неопределенно-личными (35% от количества высказываний с местоимениями),

притяжательными (25%), указательными (25%), отрицательными (10%) и личными (5%).

Неопределенно-личные, указательные и отрицательные местоимения, являясь носителями импликатур, чаще всего выполняют анафорическую функцию – указывают на предшествующий текст, а именно на ту часть пропозиции вопросительного высказывания, которая неизвестна собеседнику и которую он верифицирует в свое вопросе. Данные местоимения представляют собой семантически упорядоченное линейное множество *niemand – keiner – einer – irgendjemand – jemand – ein paar – ein wenig – ein bisschen – manche – mehrere – sämtliche – einige – etliche – man – etwas – einer – jeglicher – jeder – jedermann – alle*, поэтому индицируют скалярную импликацию. Если местоимение занимает позицию справа на семантической шкале, то оно указывает на большее количество объектов, демонстрируя таким образом семантику включения. Например, K2, вкладывая в высказывание скалярную импликацию, индикатором которой является указательное местоимение *alles*, предоставляет K1 обоснование для каких-либо выводов и определенного положения дел:

(31) [Штеттен, учитель главного героя, пытается вызволить своего ученика, Дойно, из концлагеря]

„Billigt die Kirche auch die Misshandlungen eines schwerverwundeten Gefangenen?“

„Sie billigt alles, was geeignet ist, die geheiligten Grundlagen des einzigen deutschen katholischen Staates wiederherzustellen und gegen jeden Angriff zu sichern“. (+>> Sie billigt das) (Sperber, „Wie eine Träne im Ozean“, S. 234)

IX: **Q(p)**

PX: **A(q) +>> A(p)**

В следующем дискурсивном фрагменте K2, эксплуатируя значение указательного местоимения *jedes*, дает понять K1, что в состоянии выполнить не только то, что от него требуется, но и любое другое подобное действие. Значение реактивного выражения „über jedes Wasser“ включает в себя значение

инициального выражения „über den Bach“, таким образом выводится утвердительный ответ на вопрос:

(32) [В индейское селение приходит неизвестный человек и вызывает сына вождя на дуэль – ему нужно переплыть через горную реку]

Malonco wandte sich dem Narbengesichtigen zu.

„Glaubst du immer noch, du kämst auch jetzt über den Bach?“

Das Rauschen des hoch gehenden Wassers war die ganze Zeit, während sie hier saßen, immer mehr angeschwollen, und sie übertönte jetzt beinahe den Regen.

*„Ich komme über jedes Wasser, über das du kommst“, entgegnete der Narbengesichtige gleichgültig. (+>> *Ich komme auch jetzt über diesen Bach*) (Klein, „Heimkehr des Indios“, S. 22)*

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(p)

Носителями импликатур могут быть и местоимения в катафорической функции, указывая на последующий текст. В этом случае индикатором импликатуры местоимение выступает вместе с той частью высказывания, которому оно предшествует. Такие местоимения имеют обобщающий характер, т.к. находятся на одном из концов шкалы соответствующих языковых элементов, включая в себя все предыдущие элементы, в том числе и тот, который входит в пропозицию инициального высказывания: *nichts, keine Misshandlungen, einige Misshandlungen, viele Misshandlungen* <...> *alles; kein Mann, irgendein Mann, ein Mann* <...> *jeder*. Так, K2, эксплуатируя значение указательного местоимения *jeder*, дает понять K1, что обсуждаемая партнерами по коммуникации собака обладает необходимыми для охраны дома качествами и помешает любому злоумышленнику проникнуть в дом:

(33) [Следователь допрашивает соседа убитого Ноттрода, который нашел тело]

*„Würden Sie sagen, dass er einen Fremden angehen oder wenigstens verbellen würde?“ fragt Baltrock weiter und tritt nun doch in eine der Lachen. „Falls also jemand hier eingedrungen wäre, müsste das einer sein, den der Hund kennt – oder nicht?“ (+> *Hat der Hund den Verbrecher gekannt?*)*

„Wenn er im Zwinger ist, kläfft er jeden an, der aufs Grundstück kommt, da zerreißt er sich beinahe“. Mehr äußert Pilarzyk dazu nicht. (+>> Der Hund hat den Verbrecher nicht gekannt) (Steinberg, „Ein Mann namens Nottrod“, S.34)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(~p)

В следующем диалоге К2 при помощи отрицательного местоимения *nichts* в совокупности с двумя причастиями обосновывает пропозицию инициального хода диалога:

(34) [Эрих после столкновений в центре города с трудом попадает домой]

„Radtke! Hören Sie doch, Radtke! Es ist doch heute alles still geblieben hier draußen?“

„Nichts gesehen und gehört, Herr Leutnant!“ (+>> Alles war still geblieben) (Fallada, „Der eiserne Gustav“, S. 317)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(p)

Под **притяжательными местоимениями** понимаются такие местоимения, при помощи которых выражается отношение собственности или, в более широком смысле, принадлежность, корреляция, связь или единство чего бы то ни было [358, с. 330]. В следующем дискурсивном фрагменте К2, используя заложенную в словосочетании „*mein Zug*“ грамматическую функцию притяжательного местоимения, подтверждает ту информацию, которую от него хочет получить К1, и дает причинно-следственное обоснование своего ответа:

(35) [Главная героиня не может принять приглашение в гости]

– Wollen Sie auch weg?

– In einer Stunde geht mein Zug. Zehn Uhr achtundfünfzig nach Prag. (+>> Ich will auch weg) (Liebmann, „Sie müssen jetzt gehen, Frau Mühsam“)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(p)

Притяжательное местоимение *mein* в следующем дискурсивном фрагменте благодаря своей семантике помогает прийти к выводу о том, что если у

человека есть комната, то, соответственно, у него есть жилье. Таким образом, К2 при помощи притяжательного местоимения подтверждает запрошенную К1 информацию:

(36) [Людвиг разговаривает с гробовщиком Вилке, пока ждет Герду]

„Wohin denn?“ Wilke stochert nach Gräten in seinen Zähnen. „Da liegt ja der Haken! In ein Hotel? Zu teuer. Dazu die Angst vor Polizei-Razzien. In die städtischen Anlagen? Wieder die Polizei! Hier in den Hof? Da ist meine Werkstatt doch noch besser.“

„Haben Sie keine Wohnung?“

„Mein Zimmer ist nicht sturmfrei. Meine Vermieterin ist ein Drache. Vor Jahren habe ich mal was mit ihr gehabt. In äußerster Not, verstehen Sie? Nur kurz — aber der Satan ist heute, zehn Jahre später, noch eifersüchtig. Mir bleibt nur die Werkstatt. Also, wie ist es mit einem Freundschaftsdienst? Stellen Sie mich der Dame im Sweater vor!“ (+>> Ich habe ein Zimmer) (Remarque, „Der schwarze Obelisk“, S. 90)

ИХ: $Q(\sim p)$

РХ: $A(q) +>> A(r)$

Выбор притяжательного местоимения зависит от существительного, к которому оно относится. С грамматической точки зрения определяющими при выборе притяжательного местоимения являются категории рода, числа и падежа существительного, с которым соотносится притяжательное местоимение [358, с. 331]. Поэтому притяжательное местоимение выступает индикатором вместе с существительным, семантика которого коррелирует с семантикой соответствующей лексической единицы в инициальном высказывании: *weg – mein Zug; Wohnung – Zimmer*.

Реже всего (5%) индикаторами имплицатур могут выступать **личные местоимения**. Личные местоимения выступают индикаторами имплицатур в случае противопоставления значения местоимения запрашиваемой информации:

(37) [Одиссей раскрывает свою тайну отцу, Лаерту]

ODYSSEUS *Du fürchtest also den Fluch nicht?*

LAERTES *Ich fürchte dich.* (+>> *Ich fürchte den Fluch nicht*) (Jarzyna, "Areteia", S. 29)

ИХ: $Q(\sim p)$

PX: $A(q) +>> A(\sim p)$

В данном дискурсивном фрагменте K2, эксплуатируя значение личного местоимения *dich*, дает понять K1, что боится не возможных последствий своих действий, а того, как с ним поступит K1.

Таким образом, особенность вывода импликатуры на основе индикатора-местоимения зависит от вида этого местоимения: неопределенно-личные, отрицательные и указательные местоимения индицируют скалярную импликатуру, притяжательные местоимения коррелируют с семантикой соответствующей лексемы в инициальном высказывании, личные местоимения демонстрируют семантику противопоставления.

3.1.1.6. Глаголы в сослагательном наклонении. В немецком языке сослагательное наклонение глагола имеет отношение к ирреальности действия, которая «как значение объективной модальности отражает отношение содержания предложения к объективной действительности и свидетельствует, что выражаемое в предложении действие с точки зрения говорящего в обозначенный отрезок времени не осуществилось или не осуществимо» [97, с. 84]. Поэтому глагол в сослагательном наклонении может употребляться в качестве вежливой просьбы в форме вопроса, как осторожное деликатно-ненавязчивое утверждение, при констатации какого-либо результата, в вопросах с окраской сомнения или размышления, при сомнениях в достоверности какого-либо высказывания, при предположении или гипотезе [358, с. 158].

В реактивных дискурсивных ходах глаголы в сослагательном наклонении позволяют адресанту деликатно и ненавязчиво ответить на вопрос собеседника. В ответе употребляется тот же самый глагол, что и в вопросе, но в сослагательном наклонении, которое имплицитно отрицает запрашиваемой

информации. Глагол в сослагательном наклонении используется говорящим для передачи импликатуры в простых свободно оформленных и клишированных предложениях. В простых предложениях употребляются формы *Konditionalis I* (38) или *Präteritum Konjunktiv* (39). В следующем дискурсивном фрагменте К2 прибегает к сослагательному наклонению глагола, чтобы соблюсти необходимые правила вежливости и не обвинять в чем-либо субъекта, о котором идет речь, напрямую, выразив при этом свое к нему отношение (истинное отношение адресанта выражено имплицитно):

(38) [Разговор о муже Уты]

Rebecca: Vertraust du ihm denn nicht?

Ute: Das würde ich ja gern. (+>> *Ich vertraue ihm nicht*)

Rebecca: *Aber?* (GZSZ, Folge 3477, Mai 2006)

ИХ: **Q(~p)**

РХ: **A(q) +>> A(~p)**

В следующем дискурсивном фрагменте К2 при помощи глагола в сослагательном наклонении пытается избежать прямого ответа на вопрос, желая подать себя К1, который является человеком верующим, в более выгодном свете:

(39) [На работе Сони происходят мистические вещи. Они – главная тема всех разговоров]

„Bist du religiös?“

Sonia überlegte. „Ich wäre es gerne“. (+>> *Ich bin nicht religiös*) (Suter, „Der Teufel von Mailand“, S. 270)

ИХ: **Q(p)**

РХ: **A(q) +>> A(~p)**

Значение нереальности запрашиваемого действия, выражаемое глаголом в сослагательном наклонении, позволяет К1 вывести импликатуру, являющуюся отрицательным ответом на поставленный вопрос. Часто К2, вкладывая в импликатуру отрицательный ответ на вопрос, прибегает к дальнейшему

указанию причины такого ответа, вводя ее при помощи союзов *sonst* или *aber*, например:

(40) [Тетя предлагает Тинко съездить в гости в Польшу]

– Freust du dich nicht?

– Ich würd' mich feste freuen, Tante, aber ich kann sicher nicht nach Polen. (+>> *Ich freue mich nicht*) (Strittmatter, „Tinko“, S.336)

ИХ: Q(~p)

PX: A(q) +>> A(~p)

В данном дискурсивном фрагменте глагол в сослагательном наклонении *würde* указывает на нежелание K2 обидеть близкого человека, а также, благодаря своей семантике, на то, что у K2 есть еще какие-то дела, из-за которых он не может уехать.

В следующем дискурсивном фрагменте K1 старается максимально уменьшить как общение с K2 вообще, так и обсуждение с ним своих проблем и своей жизни, поскольку сам K2 и его поведение являются неприятными для K1. Поэтому K2, стараясь сэкономить языковые средства, использует клишированную конструкцию с глаголом в сослагательном наклонении:

(41) [Лео приезжает к Еве, чтобы забрать документы и уговорить ее на развод]

„Hallo, Eva. Du siehst ... verändert aus. Neue Frisur?“

Eva fuhr sich mit den Fingern durch die Haare. „Nicht dass ich wüsste...“ (+>> *Es ist keine neue Frisur*) (Lind, „Die Champagner-Diät“, S. 163)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +>> A(~p)

В разговорной речи используется также форма *Präteritum Konjunktiv* глагола *tun*, например:

(42) [Хайнц уговаривает жену Анни прервать беременность]

Anni: Ein echter Doktor?

Heinz: *Ein echter. Mit einer Praxis, hundertprozentig. Glaubst, da tät ich nicht aufpassen, daß das fachmännisch gemacht wird?* (+>> *Ich passe auf, dass das fachmännisch gemacht wird* +> *Das ist ein echter Doktor*) *Da paß ich schon auf, das*

glaubst. Große Pause. Brauchst es bloß zulassen und es passiert. (Kroetz, „Oberösterreich“, S. 294)

ИХ: $Q(p)$

РХ: $Q(\sim q) + >> A(q) \& A(p)$

Таким образом, глаголы в формах сослагательного наклонения *Konditionalis I* (42,9% от количества высказываний с глаголами в сослагательном наклонении) и *Präteritum Konjunktiv* (57,1%) используются автором реактивного высказывания для передачи импликатуры в ответах на вопросы в простых свободно оформленных и клишированных предложениях.

3.1.2. Индикаторы синтаксических импликатур. В прагмалингвистике синтаксические структуры считаются носителями имплицитного смысла [130], т.е. индикаторами импликатур. По данным нашего корпуса, основными индикаторами синтаксических импликатур являются риторические вопросы, риторические утверждения и побуждения, условные придаточные предложения и структуры противопоставления. Частотность синтаксических индикаторов импликатур реактивных высказываний в немецкоязычном диалогическом дискурсе представлена в таблице Г Приложения.

3.1.2.1. Риторические вопросы. Риторические вопросы представляют собой вопросительные по форме предложения, выражающие невопросительный смысл – вопросы, ответ на которые не требуется или не ожидается в силу его крайней очевидности. Такие вопросы чрезвычайно продуктивны в разговорной речи [231, с. 19].

Диалогический характер риторических вопросов заложен в их семантике: они «являются реакцией на предшествующие звенья дискурсивной цепочки, с одной стороны, и, с другой стороны, как любые вопросы, они предполагают продолжение этой цепочки – ответ на вопрос. Поэтому они немыслимы вне дискурса, а если его в материальном виде нет, они «возбуждают», имплицитуют представление о таком дискурсе» [231, с. 20]. Отсюда – интерес к

прагматическим характеристикам риторических вопросов именно в реактивных дискурсивных ходах.

Толкование риторического вопроса как вопроса, не требующего ответа, не является его определением и не объясняет, чем по существу является риторический вопрос, а только описывает то, что отличает его от других вопросов [249, с. 11]. Определить и объяснить функционирование риторических вопросов в дискурсе позволяет деятельностный, речеактовый подход, согласно которому они рассматриваются как языковая форма, которая используется коммуникантами в ходе реализации дискурса для выражения различных иллокутивных смыслов [24; 133; 249; 270; 281; 297; 307].

Чаще всего иллокутивным смыслом, выражающимся при помощи риторического вопроса, считается асертив – не прямое утверждение. Й. Мейбауер обосновывает это тем фактом, что риторическим вопросам, как и утверждениям, свойственны так называемые значения истинности, которые посредством изменения полярности имплицируют соответствующий ответ: «В риторических вопросах <...> спрашивающий ожидает определенный ответ, для отвечающего главное – не дать правдивый по своим меркам ответ, а дать ожидаемый спрашивающим ответ» [307, с. 90]. С. Бехманн уточняет, что значение истинности, которое приписывается ответам на вопрос, в случае риторических вопросов содержится в самих вопросах, таким образом, их пропозициональное содержание оказывается скрытым утверждением, которое может нести в себе как положительную, так и отрицательную окраску [249, с. 32].

Как показывает анализ эмпирического материала, риторические вопросы в ответных ходах диалогического дискурса реализуют РА не только асертивного, но также экспрессивного, комиссивного и директивного иллокутивного типов.

В асертивных РА происходит переосмысление как пропозиции (с отрицательной на положительную (43) или наоборот (44)), так и иллокуции (с вопросительной на асертивную):

(43) [Роберт разговаривает с лечащим врачом клиники, в которой находится Пат]

„Kommt sie durch?“ *fragte ich.*

Er betrachtete mich aufmerksam. Ich blickte zur Seite. „Glauben Sie, dass ich so lange hier bei Ihnen stünde, wenn sie nicht durchkäme?“ sagte er. (+>> Ich stünde hier nicht, wenn sie nicht durchkäme +> Sie kommt durch) (Remarque, „Drei Kameraden“, S. 169)

ИХ: **Q(p)**

PX: **Q(q) +>> A(p)**

(44) [Лотар выясняет у бывшей жены, что их сын – в детском лагере]

Lothar: *Und wie geht es ihm?*

Ruth: *Ich weiß nicht.*

Lothar: *Wieso? Hast du ihn nicht angerufen?*

Ruth: *Kann man ihn denn dort anrufen? (+>> Man kann ihn dort nicht anrufen +> Ich habe ihn nicht angerufen)*

Lothar: *Oh nein!... (Strauß, „Trilogie des Wiedersehens“, S. 71)*

ИХ: **Q(~p)**

PX: **Q(q) +>> A(~p)**

РА, реализующийся при помощи риторического вопроса, квалифицируется как экспрессивный, если помимо переосмысления пропозиции имеет место выражение К2 эмоций (45) или обвинение, упрек К1 (46):

(45) [Гавличек предлагает Константину перейти границу и объяснить пограничной службе его ситуацию]

Konstantin: *Ich hinüber? In Uniform? <..> Ausgeschlossen! Ich darf ja nicht mal auf die Brücke und derweit ist die doch nur neutral! Jetzt erst noch auf das andere Ufer – das ist grotesk!*

Havlicek: *Und ich bin vielleicht nicht grotesk? (+>> Ich bin grotesk) Großer Gott, wie kompliziert! (Horváth, „Hin und her“, S. 224)*

ИХ: **E(p)**

PX: **Q(~q) +>> E(q)**

Если при этом объектным аргументом пропозиции выступает K1, то реализуется РА упрёка:

(46) [Спор в шайке преступников]

Albert: *Gut. jetzt wette ich! Hundert gegen eins!*

Silberling: *Abgemacht! Auch hundert gegen zwei!*

Nicolo: *Zu gewagt!*

Albert braust auf: *Was versteht ihr denn schon davon?* (+>> *Ihr versteht nichts davon*) (Horváth, „Die Bekannte aus der Seine“, S. 142)

ИХ: **E(p)**

PX: **Q(q) +>> E(q)**

РА комиссивного типа, реализованные риторическим вопросом, представляют собой согласие или отказ на инициальный директив – категорический (47) или некатегорический (48):

(47) [Похитители требуют от заложника выйти из машины]

– *Aussteigen!*

– *Wieso sollte ich Ihnen einen Gefallen tun?* (+>> *Ich sollte Ihnen keinen Gefallen tun* +> *Deshalb werde ich nicht aussteigen*) („Whitchblade“)

ИХ: **D(p)**

PX: **Q(q) +>> K(~p)**

(48) [Жена сообщает мужу, что у них будет ребенок]

Anni: *So was passiert nicht alle Tage, drum muß man es feiern.* (+> *Feiern wir!*)

Heinz: *Warum denn nicht?* (+>> *Wir werden feiern*) (Kroetz, „Oberösterreich“, S. 393)

ИХ: **D(p)**

PX: **Q(~q) +>> K(p)**

Риторический вопрос реализует директивный РА, например, в реакциях на просьбу. Так, отказ может быть облачен в форму риторического вопроса с несколькими импликатурами:

(49) [Жамек отказывает дочери Еве в кофе, т.к. не хочет, чтобы она ночью встречалась с Константином]

Szamek: *Bring noch ein Gefäß, vielleicht trinkt auch der Mrschitzka –*

Eva: *Und ich? (+> Darf ich auch Kaffee trinken?)*

Szamek: *Wer hat hier Nachtdienst? Du oder ich? (+>> Ich habe Nachtdienst & Du hast keine Nachtdienst +> Du darfst keinen Kaffee trinken) Apropos Nachtdienst... (Horváth, „Hin und her“, S. 215)*

I: D(p)

R: Q(q) +>> A(r) & D(~p)

Импликатуры, которые актуализуются при реализации РА, выраженных риторическими вопросами, являются конвенциональными, поскольку конструкция риторического вопроса представляет собой фразеошаблон, согласно которому строится вербальная оболочка речевого акта. На фразеологизованность, конвенционализированность таких вопросов именно как риторических указывает И.Б. Шатуновский [231, с. 22, 27]. Под **фразеошаблоном** понимаются «синтакко-семантические структуры, значение которых маркировано независимо от лексического наполнения» [311, с. 68].

При этом индикаторами выступают и другие лексико-грамматические средства, входящие в состав риторического вопроса: модальные частицы *schon*, *auch*, *wohl*, *bloß*, *vielleicht* (45), *denn* (44, 46), *eigentlich*, *halt*, *überhaupt*, генерализирующие наречия и местоимения (44), сравнительная степень прилагательного, модальные глаголы *können* (44) и *sollen* (47), сослагательное наклонение глагола (43, 47), устойчивые конструкции *Ist es ein Wunder, dass p?*, *Wen wundert es, dass p?*, *Ist es verwunderlich, dass p?*, *Kann man sich wundern, dass p?*, *Was soll ... noch?*, *Warum / Wozu ... Inf?* и т.п., осложненные парентезными элементами *Glaubst du...* (43), *Meinst du...* и т.п., эллиптические формулы *Wozu auch?*, *Warum (auch / denn) nicht?*, (48) *Wo / Was (denn) sonst?*, *Was dann?*, *Wäre das nicht?*, *Wer weiß?*, *Was bringt's?*, *Wer sagt, dass p?*, *Was verlangst du mehr?*, *Was soll's schon? Ist denn nicht?* и т.п. [23; 249, с. 81-100].

Риторические вопросы специальновопросительной структуры в нашем корпусе являются более частотными (65,6% от количества высказываний с риторическими вопросами), чем риторические вопросы общевопросительной

структуры (34,4%). Высказывания с модальными глаголами составляют 25,8% реактивных высказываний общевпросительной риторической структуры и 30,5% – специальновпросительной, с модальными частицами, соответственно, – 9,7% и 8,5 %.

По словам Й. Мейбауера, «риторичность всегда вырабатывается не одной лексемой, а при помощи взаимодействия формальных признаков предложения с прагматическими условиями его употребления» [307, с. 126], которые задаются дискурсивным контекстом. Ведущую роль играет противоречие между пресуппозицией, эксплицированной в высказывании, и исходным предположением вопроса, который задается формой вопросительного предложения, таким способом адресант навязывает адресату ответ [133, с. 72].

Таким образом, можно сделать вывод, что риторические вопросы в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса представляют собой фразеолошаблоны специфической структуры и реализуют РА ассертивного, экспрессивного, комиссивного или директивного иллокутивного типа и предполагают передачу соответствующей импликатуры. Для них характерно употребление модальных частиц и модальных глаголов.

3.1.2.2. Риторические утверждения и побуждения. Помимо риторических вопросов, существует также ряд высказываний, которые благодаря своей синтаксической структуре и типу реализуемого РА могут не только передавать имплицитную информацию, но и быть носителями элемента риторичности.

Й. Мейбауэр понимает под риторическим такой РА, когда в ненейтральном контексте на основе типа предложения / наклонения глагола, возможных косвенных иллокутивных индикаторов и информации о контексте выводится наличие (косвенного) высказывания. При этом риторичность всегда подразумевает переосмысление пропозиции [308, с. 110]. Помимо риторических вопросов, мы, вслед за Й. Мейбауэром и С. Бехманном [249, с. 78], выделяем риторические утверждения (3,3% от количества высказываний с синтаксическими импликатурами) и побуждения (3,3%).

Под *риторическими утверждениями* мы понимаем такие утверждения, «которые нуждаются в переосмыслении. Такие риторические утверждения реализуют другое утверждающее действие с другим пропозициональным содержанием, отличным от выражаемого <...>. В риторических утверждениях речь в значительной степени идет о том, что говорящий не верит в истинность вербально высказанной пропозиции, за исключением тех случаев, когда речь идет о лжи или иронии» [249, с. 78].

Как показывает наш корпус, индикаторами имплицатуры риторических утверждений в реактивных высказываниях диалогического дискурса служат структура придаточного предложения сравнения и сослагательное наклонение глагола. Риторические утверждения демонстрируют следующие **структурно-семантические модели**:

1) *Ich werde p* +>> *Ich werde ~p* (25% от высказываний с риторическими утверждениями):

(50) [Фрау Ляймгрубер обвиняет мужа сестры Альфонса в убийстве]

Alfons: *Ich vertrags nicht! Ich sag sogar: solange es nicht sonnenklar bewiesen ist, dass er der Mörder ist, solange er es nicht selber gesteht, freiwillig gesteht, solange glaub ich überhaupt an keine Schule.*

Frau Leimgruber: *Mir scheint, Sie glauben an überhaupt nichts mehr? An keinen Herrgott im Himmel und an gar nichts.*

Alfons: *Von Ihnen werd ich mir sagen lassen, wo der liebe Herrgott wohnt.* (+>> *Ich werde von Ihnen nichts sagen lassen +> Sie sind nicht die Person, deren Meinung für mich von Bedeutung ist +> Ich glaube Ihnen nicht*) *Der Hudetz ist noch lang nicht der Schlechteste, merkens Ihnen das, Frau Leimgruber! (Horvath, „Der jüngste Tag“, S. 574)*

ИХ: *E(p)*

PX: *K(q)* +>> *K(~p) & E(r) & A(s)*

Приведенный дискурсивный фрагмент является характерным риторическим утверждением, в котором эксплицитно выражено побуждение K1

к определенного рода действиям, имплицитно же K2 указывает на то, что не нуждается в советах или каких-либо оценках своего поведения со стороны K1.

2) **Als ob p +>> ~p** (25%):

(51) [Отцу не нравится избранница сына]

– Sprich nicht mit diesem Ton mit Kaschia!

– Als ob sie zur Familie gehört! (+>> *Sie gehört nicht zur Familie +> Deshalb werde ich so weitersprechen*) („Kommissar Rex“)

ИХ: **D(~p)**

PX: **A(q) +>> A(~q) & K(p)**

В данном дискурсивном фрагменте K2 при помощи синтаксической конструкции риторического утверждения имплицитно дает понять K1, что его поведение и его знакомства являются неприемлемыми для круга лиц, к которому принадлежат и K1, и K2. Главным индикатором риторического утверждения в данном реактивном высказывании является структура придаточного предложения сравнения.

(3) **Als ~p +>> p** или **Als p +>> ~p** (27%):

(52) [Супружеская пара собирается разводиться]

HANS „Der Beklagte ist berechtigt, die Kinder jedes zweite Wochenende am zweiten Tag der Doppelfeiertage Weihnachten und Neujahr sowie in geraden Jahren von Ostersonntag bis und mit Ostermontag und in ungeraden Jahren von Pfingstsonntag bis und mit Pfingstmontag auf eigene Kosten zu sich oder mit sich auf Besuch zu nehmen“: „Der Beklagte“: Warum steht hier „Beklagter“?

ANNA Weil ich die Scheidung eingereicht habe.

HANS Als hätte ich Schuld daran. (+>> *Ich habe keine Schuld daran*) (Finger, „Vorstellungen und Instinkte“, S. 207)

ИХ: **A(p)**

PX: **A(q) +> A(~q)**

В данном фрагменте K2, который не считает себя виноватым в расторжении брака с K1, при помощи риторического утверждения пытается переложить все ответственность за сложившуюся ситуацию с себя на партнера

по коммуникации. Главным индикатором имплицатуры в реактивной реплике является структура придаточного сравнительного предложения с глаголом в форме сослагательного наклонения.

(3) *p möchte ich sehen* +>> *~p* (23%):

(53) Moritz liest: „Nach einer gründlichen Auswertung <...> ist der Vorstand einstimmig zur Auffassung gelangt, daß die Ausstellung <...> dem kritischen Kunstverständnis unserer Mitbürger in keiner Weise gerecht wird“ ... Na ja.

Martin: Kritische Mitbürger? Die möcht ich sehen. (+>> Es gibt keine kritischen Mitbürger) (Strauß, „Trilogie des Wiedersehens: 77)

IX: *A(p)*

PX: *Q(p') & A(q) +>> A(~p')*

В данном дискурсивном фрагменте индикатором имплицатуры является оборот *Ich möchte sehen*, который инициирует переосмысление пропозиции с точностью до наоборот – K2 хочет донести до собеседника прямо противоположное тому, что утверждает эксплицитно.

Под **риторическими побуждениями** мы вслед за С. Бехманном понимаем «каждое вербальное выражение побуждения, при котором говорящему изначально ясно, что собеседник не в состоянии выполнить это побуждение. Соответственно в реальности говорящий не хочет принуждать адресата к исполнению побуждения. Вместо этого говорящий предполагает невозможность выполнения высказанного побуждения» [249, с. 77]. Главными индикаторами имплицатуры являются синтаксическая структура побудительного предложения в повелительном наклонении и частицы *nur*, *noch*. Так, K2, эксплуатируя синтаксическую форму риторического побуждения, имплицитно указывает K1 на то, что он не собирается выполнять его просьбу. При этом эксплицитно реактивное высказывание является советом относительно поведения K1 и взаимоотношений обоих коммуникантов:

(54) [Альберт занимается сутенерством]

Ernst sieht Irene nach, bis sie verschwindet: So. Und jetzt appelliere ich an Ihr besseres Ich. Von Mann zu Mann. Bitte lassen Sie sich hier nicht weiter sehen.

Albert: Jetzt sagen Sie mir nur noch, dass ich ein neues Leben beginnen soll. – Er grinst. (+>> Sagen Sie mir nicht, dass ich ein neues Leben beginnen soll +> Sie sind nicht die Person, deren Meinung für mich wichtig ist +> Deshalb werde ich mich hier sehen lassen)

Ernst: Nein, das sage ich nicht. (Horvath, „Die Unbekannte aus der Seine“, S. 151)

IX: **D(p)**

PX: **D(q) +>> D(~q) & K(~p)**

В следующем дискурсивном фрагменте K2, опытный полицейский, с сопутствующей реактивному высказыванию эмоциональностью указывает K1 на то, что он знает, о чем говорит, и никогда не паникует:

(55) [Детектив Сара Пассини (Пасс) пытается отговорить своего осведомителя идти с ней на опасное дело]

– *Ich weiß das zu schätzen, wirklich, aber es gibt noch etwas, was Sie wissen sollen: alle Menschen, die mir zu nahe kommen, die sterben.*

– Kommen Sie, Pass, das ist paranoider Schrot.

– Ach ja? Sagen Sie das meinem Vater oder meinem Partner, oder meinem Geliebten. (+>> Sie können das weder meinem Vater, noch meinem Partner und meinem Geliebten sagen, weil sie tot sind. +> Das ist kein paranoider Schrot) („Whitchblade“)

IX: **E(p)**

PX: **D(q) +>> D(~q) & A(~p)**

Таким образом, риторические утверждения и побуждения представляют собой фразеошаблоны и характеризуются переосмыслением пропозиции; индикатором имплицатуры в риторических утверждениях выступают структура придаточного предложения сравнения и сослагательное наклонение глагола, в риторических побуждениях – структура побудительного предложения и частицы *nur, noch*.

3.1.2.3. Условные придаточные предложения. Под условными предложениями принято понимать такие сложные предложения, в которых между двумя частями существует соотношение предпосылки такого

типа, при котором ситуация, названная в придаточном предложении, выступает условием для существования или истинности ситуации, описанной в главном предложении [224; 359]. С философской точки зрения, понятие «условие» как совокупность вещей, процессов и отношений, необходимых для возникновения или изменения определенного объекта, отражает причинно-следственные связи между объектами [123, с. 5], которыми в лингвистике предстают предложения, высказывания и их пропозиции.

По своему синтаксическому устройству условные предложения демонстрируют в обеих частях глаголы в настоящем времени изъявительного наклонения либо глаголы в сослагательном наклонении (в т.ч. в описательной форме). Сослагательное наклонение служит для того, чтобы маркировать исполнение названного условия или следствия как невозможного или весьма маловероятного [358, с. 771]. В этой связи выделяется два семантико-синтаксических типа условных предложений: реальные и ирреальные [238, с. 393]. Х. Гельбиг и Й. Буша утверждают, что термин «реальные условные предложения» не соответствует действительности, поскольку условная связь по своей сущности не может быть реальной, а только потенциальной, т.е. возможной, а не действительной, поэтому разделяют условные предложения на потенциальные (*potentiell*) и ирреальные (*irreal*) [277, с. 201].

Условное предложение выступает индикатором импликатуры, которая демонстрирует **пять структурных типов**.

Импликатура высказывания в следующем дискурсивном фрагменте демонстрирует **модель первого типа**: *p?* – *Wenn p, dann q* +>> $\sim p$ (30% от количества высказываний с условными предложениями). Адресант вкладывает в условное предложение импликатуру *Wäre ich betrunken* +>> *Ich bin nicht betrunken*, которая соответствует отрицанию пропозиции высказывания собеседника. K2, вместо того чтобы ответить на вопрос K1 прямо, выбирает условное предложение, в котором выражается ирреальное положение дел – обратное тому, которое содержится в инициальном высказывании:

(56) [Сузанна долго говорит Морицу об абстрактных вещах, которые непонятны вошедшему мальчику]

Kläuschen: Bist du betrunken?

Susanne: Wäre ich betrunken, mein Junge, dann solltest du mir helfen und nicht über mir lachen. Hilfe brauchen Betrunkene. (+>> Ich bin nicht betrunken) (Strauß, „Trilogie des Wiedersehens“, S. 15)

ИХ: **Q(p)**

PX: **A(q) +>> A(~p)**

Возможен и другой случай, когда K2 вкладывает в условное предложение имплицитную пропозицию, утверждающую положение дел – это **модель импликатуры второго типа: $p?$ – Wenn ~p, dann q +>> p** (20%), например:

(57) Franz: Gfäll ich dir?

Hanni: Wennst mir nicht gefallen tätst, hätt ich es schon nicht tan. (+>> Ich habe es getan, weil du mir gefällst +> Du gefällst mir)

Franz: *Wo du mir auch gfallst.* (Kroetz, „Wildwechsel“, S. 14)

ИХ: **Q(p)**

PX: **A(q) +>> A(p)**

По выражению Е.В. Падучевой, говорящий «эксплуатирует» заложенную в данной синтаксической конструкции импликатуру [157, с. 58]. Носителем импликатуры в условных предложениях является не только сама структура предложения, но и морфологическая форма глагола – сослагательное наклонение. Как известно, сослагательное наклонение глагола выступает в ирреальном условном предложении единственным способом обозначения ирреальности и поэтому является обязательным [277, с. 201].

Следует подчеркнуть, что употребление адресантом ирреального условного предложения далеко не всегда означает наличие импликатуры. Определяющую роль играет инициальное высказывание собеседника. Если оно содержит глагол в сослагательном наклонении и выражает ирреальное положение дел, которое в реактивном ходе подтверждается или опровергается,

то это реактивное высказывание не может содержать интендируемой импликатуры, например:

(58) [Главный герой жалуется своему другу на сложную ситуацию в семье]
 „<...> *Wenn meine Analyse falsch ist, gibt's doch gar keinen Grund zur Aufregung. Dann handelt deine Mutter eben in schwärmerischem Edelsinn. Lass ihr die Freude, sie wird selbst merken, wie weit sie damit kommt. Sag ja und amen und warte ab*“.
 „*Bis alles drunter und drüber geht? Würdest du das tun?*“
 „*Genau würd ich's tun, wenn meine Warnung in den Wind geschlagen wird*“.
 (Grasmeyer, „Der unerwünschte Dritte“, S. 125)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q)$

Третья модель импликатуры на основе условного предложения имеет вид $p? - \text{Wenn nur } p, \text{ dann } q \rightarrow p \& r$ (10%). Речь идет о случаях, когда помимо утверждения пропозиции инициального высказывания p К2 намеревается донести до К1 и другое положение дел r : *Ja, aber es geht nicht nur darum, außerdem gibt es noch etwas*. Указание на дополнительное положение дел содержится в проспективном контексте, например:

(59) [Главного героя уговаривают усыновить ребенка]
 „*Ich soll also den Jungen hüten?*“
 „*Auch wieder falsch. Wenn's nur ums Behüten ginge, wär' er im Heim am besten aufgehoben. Ich weiß nicht, warum muss ich gerade dir diese Zusammenhänge erklären? Kennst du denn nicht den Unterschied zwischen Heim – und Familienerziehung?*“ ($\rightarrow$ Es geht nicht nur um Behüten $\rightarrow$ Du sollst den Jungen nicht nur hüten $\rightarrow$ Du sollst ihn auch wie ein Vater erziehen) (Grasmeyer, „Der unerwünschte Dritte“, S. 122)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) \rightarrow A(p) \& D(r)$

Реактивные высказывания с импликатурами этих трех моделей служат для реализации РА ассертива – ответа на вопрос. Встречаются также случаи с

реализацией сопутствующих экспрессивов. В следующем дискурсивном фрагменте, помимо ответа на вопрос, К2 выражает похвалу в адрес К1:

(60) [Детективы допрашивают продавщицу, которая нашла деньги убитого]

Als die beiden Kriminalisten sich verabschieden, fragt sie gespannt: „Habe ich Ihnen denn helfen können?“

„Wenn ich einen Orden zu verleihen hätte“, erwiderte Zeitfuchs, „würde ich es tun!“

(+>> Weil Sie uns geholfen haben) (Steinberg, „Ein Mann namens Nottrodt“, S. 142)

ИХ: **Q(p)**

РХ: **E(q) +>> A(p)**

Четвертая модель импликатуры высказываний в форме условного предложения касается случаев, когда придаточное предложение употребляется самостоятельно, без главного предложения и высказывание реализует РА разрешения в качестве реакции на РА просьбы: **p? – Wenn q +>> Wenn q, dann p** (25%). При этом глагол в условном придаточном предложении имеет форму изъявительного наклонения, например:

(61) [Арно проводит для Янне экскурсию по своей даче]

Arno: *Ich steige mal aufs Dach. Von da sieht man bis ins Dorf.*

Janne: *Darf ich mitkommen?*

Arno: *Wenn Ihr Rock nicht zu eng ist. (+>> Sie dürfen mitkommen, aber Ihr Rock ist zu eng)*

Janne: *Dann ziehe ich ihn eben aus. (Bieler, „Drei Rosen aus Papier“, S. 11)*

ИХ: **D(p)**

РХ: **A(p') +>> D(p)**

Разрешение дается с оговоркой на положение дел, выраженное в придаточном предложении, которое выступает эксплицитной частью эллиптического условного предложения: *Sie dürfen mitkommen, wenn ihr Rock nicht zu eng ist.*

Пятая модель тоже имеет отношение к эллиптическим, усеченным условным предложениям: **p – Wenn q +>> ~q** (15%). В этом случае глагол употребляется в форме сослагательного наклонения, а пропозиция

высказывания, выраженного придаточным условным, полностью отличается от пропозиции инициального высказывания собеседника, реализуется РА ассертив, например:

(62) „*Eine Nähnadel im Heuhaufen suchen, nachts! Bist du deshalb hergekommen?*“
 „Ja, deshalb“.

„Wenn's wenigstens Sinn hätte!“ (+>> *Es hat keinen Sinn, eine Nähnadel im Heuhaufen nachts zu suchen*) (Grasmeyer, „Der unerwünschte Dritte“, S. 83)

ИХ: **A(p)**

PX: **A(q) +>> A(r)**

Зафиксированы случаи, когда импликатура, передаваемая условным предложением, не является конечным интендируемым смыслом, а влечет за собой еще одну импликатуру. Так, в следующем дискурсивном фрагменте K2 передает три импликации: одну – при помощи придаточного предложения (модель 1), другую – при помощи главного, третью – на основе всего сложного предложения:

(63) [Knarrpanti обсуждает с попутчиком остальных пассажиров]

Der Mann: Eine Ungarin?

Knarrpanti: *Nein, eine Ungarin ganz bestimmt nicht.*

Der Mann: Wieso nicht?

Knarrpanti: Entschuldigen Sie, aber wenn es eine Ungarin wäre, säße sie garantiert in keinem Nichtraucherabteil. Eine interessante Frau. (+>> *Wir sind in einem Nichtraucherabteil & Ungarinnen sind Raucherinnen* +> *Das ist keine Ungarin, weil wir in einem Nichtraucherabteil sind*) (Stolper, „Konferenz mit Knarrpanti“, S. 55)

ИХ: **Q(p)**

PX: **A(q) +>> A(p)**

Таким образом, условные предложения в реактивных высказываниях немецкоязычного дискурса как индикаторы импликатур могут иметь полную и эллиптическую, ирреальную и реальную формы, демонстрируя пять структурных моделей.

3.1.2.4. Структуры противопоставления. Противопоставления представляют собой отдельный вид синтаксических структур, который носит эмоциональную окраску и который часто относят к эмоционально-оценочным структурам. При этом данные синтаксические структуры являются фразеошаблонами, т.е. их структура не меняется при изменении лексики, и имеют смысл только в рамках диалога, поскольку отношение иллокутивного вынуждения – это характеристика речевого взаимодействия двух (и более) лиц [17, с. 88]. К фразеошablонам относят структуры противопоставления и фразеологи [311, с. 69].

Л.М. Михайлов относит противопоставительные структуры к средствам выражения эмоциональной оценки [139, с. 73]. Вслед за Л.М. Михайловым [139, с. 75-76], разделяем все эмоциональные структуры нашего корпуса по способу их образования на **две группы**.

Первая группа эмоционально-оценочных высказываний возникает непосредственно на базе иницирующего хода: реагирующий собеседник использует для своего высказывания словесный материал инициального высказывания. При этом узуальные эмоционально-оценочные высказывания имеют определенную модель, а окказиональные построения строятся в основном на повторении сказуемых отношений. В следующем дискурсивном фрагменте, который относится к первой группе эмоционально-оценочных высказываний, K2, передразнивая собеседника, использует тот же словесный материал, вкладывая в него, однако, прямо противоположный по своей эмоциональной окраске смысл:

(64) Rebecca: *Ich denke, du bist eine Ficksau.*

Devlin: *Ich eine Ficksau? Ich! Du machst wohl Witze.*

Rebecca lächelt.

Rebecca: *Ich und Witze?* (+>> *Ich mache keine Witze*) *Du machst wohl Witze.*

Pause. (*Pinter, „Asche zu Asche“, S. 138*)

ИХ: **E(p)**

РХ: **E(p) +>> A(~p)**

Вторая группа эмоционально-оценочных высказываний, обнаруживая смысловую и формальную связь с инициальным дискурсивным ходом, не использует словесного материала из состава инициального высказывания. «Эмоциональная конструкция представляет собой оценку содержания всего высказывания, его компонентов» [139, с. 75-76]. Так, K2, имея невысокое мнение о полицейских, противопоставлением в начале реактивного высказывания указывает на то, что помощь полицейским с его стороны невозможна, это противоречит его взглядам:

(65) [Детектив Сара хочет допросить свидетеля, которого не смогли допросить ее коллеги]

– *Tun Sie mir einen Gefallen?*

– *Ich und die Bullen unterstützen?* (+>> *Ich werde die Bullen nicht unterstützen*)
Meine Mutter wäre begeistert. („Whitchblade“)

ИХ: **D(p)**

РХ: **E(q) +>> K(~p)**

В диалогической речи особенно часто функционируют конструкции с эмоциональным смыслом, выражающие несовместимость лица и признака. Они строятся на основе определенной модели, которая состоит из номинации лица, союза *und* и наименования признака. Приписываемый лицу признак выражается существительным, прилагательным и инфинитивом [139, с. 76].

То же значение несовместимости имеет и эмоциональная структура, характеризующаяся отсутствием личной формы глагола, формализующего союза *und* и соположением компонентов, находящихся в отношениях несовместимости. Как и предыдущая структура, она служит для выражения различных эмоций (удивления, возмущения, насмешки, изумления и др.) [139, с. 76].

Главной особенностью всех противопоставлений является то, что в инициальном высказывании дается пропозиция, которая отрицается в реактивном высказывании. С точки зрения иллокуции таких реактивных

высказываний, можно говорить о том, что характерным для всех них является сопутствующая эмотивность.

Противопоставительные структуры имеют **три структурных модели**:

1) ***Ich und p?*** +>> ***Ich ~p*** (60% от количества высказываний противопоставления):

(66) [В издательстве ходят слухи, что главные герои любовники]

„Auf ein Wort!“ Mühlböck passt mich in der Teeküche ab und klammert sich mit beiden Händen an meinen Oberarm. „Stimmt es, was man sich über Sie und Frau Gnitz erzählt? Sind Sie wirklich ein Paar?“

„Da hat man Sie falsch informiert“, murmelte ich tief über die Badewanne gebeugt.

*„Wer hat denn dieses hässliche Gerücht in die Welt gesetzt? Ich und Frau Gnitz! Dass ich nicht lache!“ (+>> *Es stimmt nicht* +> *Wir sind kein Paar*) (Ecker, „Madonna“, S. 79)*

ИХ: ***Q(p)***

PX: ***E(p)*** +>> ***A(~p)***

В реактивном высказывании приведенного дискурсивного фрагмента K2, эксплуатируя структуру противопоставления, имплицитно отрицает ту информацию, опровержение или подтверждение которой хочет получить собеседник. При этом K2 также желает выразить возмущение неуместным с его точки зрения вопросом K1.

2) ***Ich und nicht p?*** +>> ***Ich p*** (20%):

(67) [На суде Худец не хочет подтверждать показания своей жены]

Hudetz: Herr Staatsanwalt, alles, was meine Frau gegen mich vorbringt, ist Lüge. Weder hat mich das Fräulein Anna geküsst, noch hab ich das Signal versäumt. Meine Frau ist nicht ganz normal.

*Frau Hudetz: Ich und nicht normal? Das tät dir so passen! (+>> *Ich bin ganz normal*)*

Hudetz zum Staatsanwalt: Sie hört oft Stimmen, wenn sie allein ist – sie hat es mir selbst erzählt. (Horvath, „Der jüngste Tag“, S. 552)

ИХ: ***A(~p)***

PX: $E(\sim p) +>> E(p)$

В данном дискурсивном фрагменте K2 отрицает приписываемый ему K1 признак, как нечто невозможное, на что указывают противопоставительная структура в начале предложения и глагол в сослагательном наклонении во второй части реактивного высказывания.

3) ***Du und p?*** $+>>$ ***Du kannst \sim p*** (20%):

(68) v. Wullnow: *Dazu eine Geschichte. Ich ging durch einen Supermarkt –*

Quitt: *Du in einem Supermarkt?* ($+>>$ *Das ist unmöglich, dass du durch einen Supermarkt gehst* $+>$ *Ich glaube dir nicht*)

v. Wullnow: *Es war mein eigener. Aber ich wollte eine Geschichte erzählen.*

Quitt: *Von Wullnow, der Supermarktbesitzer, das ist neu.*

v. Wullnow: *Wir mussten investieren, die Steuer zwang uns dazu. Das brauch ich dir nicht zu erklären. (Handtke, „Die Unvernünftigen sterben aus“, S. 21)*

ИХ: $A(p)$

PX: $E(p) +>> A(\sim p) +> A(q)$

В приведенном дискурсивном фрагменте K2 при помощи противопоставления выражает свое крайнее удивление и недоверие к тому, о чем говорит K1, а также, основываясь на своих базовых знаниях о собеседнике, имплицитует то убеждение, что действия K1 не могут соответствовать действительности.

Таким образом, отличительной чертой реактивных высказываний с противопоставлением, имеющих три структурных модели, является их эмотивность, которая вместе с синтаксической структурой данных высказываний является одним из главных индикаторов для вывода имплицатуры.

3.2. Индикаторы конверсационных импликатур реактивных высказываний

Под конверсационными импликатурами принято понимать такие импликации, которые не имеют каких бы то ни было индикаторов на языковом уровне и выводятся на основе общих знаний коммуникантов и дискурсивного контекста [246].

Прагмалингвистами выделяются дедуктивные и индуктивные импликации [22, с. 243; 268, с. 51; 303, с. 125]. Наш материал позволил разграничить три вида конверсационных импликатур – дедуктивные (22,5% от количества высказываний с конверсационными импликатурами), индуктивные (12,7 %) и абдуктивные (64,8%) импликации. Разница между ними состоит в том, что дедуктивные и индуктивные импликации основаны на законах логического вывода – дедукции и индукции, в то время как абдуктивные импликации – на гипотезах говорящего. Индикатором дедуктивных импликатур является языковой контекст, в котором содержатся посылки для дедуктивного умозаключения, а индикатором индуктивных и абдуктивных импликатур – широкий дискурсивный контекст.

3.2.1. Языковой контекст как индикатор дедуктивных импликатур. В основе дедуктивных импликатур лежит дедуктивное умозаключение, которое входит в предметную область логики. В лингвистике дедуктивные умозаключения изучаются на предмет их роли в политическом [87], аргументативном [163], разговорном дискурсе [18].

Рассмотрение дедуктивных импликатур невозможно без привлечения принципов классической логики в соединении с языковыми формами. А.Ф. Эккерт отмечает, что, говоря о соотношении логических и языковых форм, обычно имеют в виду понятие и суждение, с одной стороны, и слово (словосочетание) и предложение – с другой. Традиционно соотносят понятие со словом и словосочетанием, суждение – с предложением [239, с. 1]. К тому же,

поскольку дедуктивные импликатуры являются одним из видов конверсационных импликатур, их невозможно рассматривать без дискурсивного контекста, общих знаний коммуникантов, а также их знаний о коммуникативной ситуации.

Логическое содержание любой значимой единицы языка определяется коммуникативной нагрузкой. Иными словами, смысл языковой единицы определяется отношениями, в которые она вступает с другими единицами в рамках смысла, заданного текстом, а также в рамках заключенного в этом тексте понятия-умозаключения [239, с. 2]. Данное утверждение можно охарактеризовать следующим примером, в котором общий вывод из реактивного высказывания делается на основании а) общего знания коммуникантов о том, что в большинстве случаев люди вступают в брак по любви, б) на основании ситуативного знания, которое предоставляет сам говорящий, о том, что он состоял в браке.

(69) [Шериф пытается увести пьяного завсегдатая бара домой]

– Waren Sie schon mal verliebt?

– *Wie bitte?*

– Waren Sie schon mal so verrückt nach jemandem, dass es Ihnen das Herz aus dem Leib zerreist?

– Sie vergessen, dass ich mal verheiratet war. (+> *Ich war verliebt*) („*The Vampire Diaries*“)

1. *Normalerweise heiratet man aus der Liebe.*

2. *Ich war verheiratet.*

---

3. *Ich war verliebt.*

ИХ: $Q(p)$

РХ: $A(q) \rightarrow A(p)$

Поскольку дедукция, т.е. такой вывод, который делается об отдельном предмете класса на основании знаний о классе в целом, является одним из

основных принципов формальной, классической логики, в ее основе лежит вывод на основании определенных умозаключений.

Под *умозаключением* понимаем такую форму мышления, в которой из одного, двух или более суждений выводится новое суждение. Структура умозаключения включает в себя: посылки (или исходные суждения) и заключение. Умозаключение содержит три вида знания: исходное знание (в посылках), выводное знание (в заключении) и обосновывающее знание (знание законов и правил логики).

Умозаключения в зависимости от количества посылок, на основе которых они строятся, делятся на две группы: 1) умозаключения в несобственном смысле, или непосредственные умозаключения и 2) умозаключения в собственном смысле (к этой группе относятся рассматриваемые в нашей работе дедуктивные умозаключения) [227, с. 59].

В логике вывод в дедуктивных умозаключениях является достоверным, т.е. не вызывающим сомнений в его истинности. Достоверный вывод имеет принудительную силу. Это значит, что если посылки были приняты, то с выводом нельзя не согласиться. Напротив, в лингвистике главную роль в дедукции играет процесс инференции, основанный на «содержательном качестве посылок, а не на дедуктивной строгости вывода» [268, с. 43].

Виды дедуктивных умозаключений различаются по наличию простых либо сложных суждений и их комбинированию в единой структуре. Чаще всего дедуктивная импликатура выводится при помощи так называемого *простого категорического силлогизма*. «Силлогистическое умозаключение есть соединение крайних терминов через посредство среднего» [103, с. 172], это «демонстративный (доказательный) вывод, в заключении которого устанавливается связь между двумя понятиями (крайними терминами S и P) на основании зафиксированного в посылках, их отношения к третьему понятию (среднему термину M)» [183, с. 205]. Иначе говоря, оно представляет собой такую форму умозаключения, в которой из двух суждений необходимо

вытекает третье, при чем одно из двух данных суждений является обще-утвердительным или обще-отрицательным [227, с. 64].

Выведение имплицатуры дедуктивным путем опирается не только на формальные признаки силлогизма, но и на содержание отдельных элементов реактивного высказывания, которые получают смысл еще и в зависимости от контекста и ситуации. В роли посылок силлогизма выступают эксплицитные и имплицитные пропозиции – как интендируемые, так и такие, которые содержатся в пресуппозиционном фонде (т.е. наличие знания об определенном реальном, фактическом положении дел). Речь идет о сокращенных силлогизмах – таких, в которых имплицитруется одна из посылок или вывод [22, с. 252-253]. В логике они именуются *энтимемами*, их изучение восходит к трудам Аристотеля, который изучал их на предмет использования в целях убедительности доказательств [126, с. 311]. А.Ф. Эккерт считает, что «умозаключение в процессе общения практически всегда выступает в форме энтимемы, т.е. не все связи получают проявление в форме. Но это не значит, что их в ней нет. Они в ней содержатся имплицитно. Этим обусловлена возможность реконструкции полной структуры умозаключения» [239, с. 11]. Так, в следующем дискурсивном фрагменте акцент делается на пресуппозиционном знании K2 о том, что подавляющее большинство американских историй заканчивается счастливым концом, в то время как ирландские истории из-за практически постоянной гражданской войны обычно имеют очень печальный конец:

(70) [Молодой человек, ирландец, рассказывает своему американскому другу историю своей семьи]

„*Gab es ein Happy End?*“

„*Es ist keine amerikanische Geschichte, sondern irische*“. (+> *Es gab kein Happy End*) („*Vertrauter Feind*“)

1. *Alle amerikanischen Geschichten enden gut, alle irischen Geschichten enden schlecht.*

2. *Diese Geschichte ist irisch.*

---

3. *Es gab kein Happy End.*

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) \rightarrow A(\sim p)$

Дополнительным индикатором дедуктивной импликатуры может быть неопределенно-личное местоимение. В таких случаях импликатура является конвенциональной, однако, выводится дедуктивным путем, например:

(71) [Друг Дойно предлагает ему бежать во Францию]

„Du hast nicht gesagt, ob du mit mir nach Bezons kommst“.

„Wirst du mich vor der Polizei verstecken? Sie wird mich suchen, um mich dem Sieger auszuliefern. Du bist ein Bürgermeister, kannst du dich den Anordnungen der Regierung widersetzen?“

„Gegen solche Anordnungen werden sich alle Franzosen wie ein Mann erheben. Du solltest doch uns kennen, Faber?“ ($\rightarrow$ Ich werde solchen Anordnungen widersetzen) (Sperber, „Wie eine Träne im Ozean“, S. 680)

1. *Alle Franzosen werden sich gegen solche Anordnungen erheben.*

2. *Ich bin Franzose.*

---

3. *Ich werde mich gegen solche Anordnungen erheben $\rightarrow$ Ich werde solchen Anordnungen widersetzen*

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) \rightarrow A(p)$

В следующем дискурсивном фрагменте дедуктивное реактивное высказывание K2 указывает на то, что произошедшее в действительности имеет более тяжелые последствия, чем думает K1 – обычно, когда кого-либо просят мужаться, означает, что некто умер:

(72) [Сбитая девочка скончалась]

„Wir haben Ihnen eine schlechte Nachricht zu überbringen“.

„Ist sie verletzt?“, fragt die schöne Frau.

Der Beamte legt ihr die Hand auf den sehnigen Unterarm. „Sie müssen jetzt tapfer sein“. (+> Sie ist nicht verletzt, sondern tot) (Ecker, „Madonna“, S. 162)

1. Wenn ein Familienangehörige gestorben ist, muss man tapfer sein.

2. Der Beamte fordert die Frau tapfer zu sein.

---

3. Ihre Tochter ist gestorben.

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) \rightarrow A(r)$

Таким образом, дедуктивные импликатуры реактивных высказываний немецкоязычного диалогического дискурса выводятся на основе посылок логического силлогизма, которые содержатся в ретроспективном языковом контексте и в пресуппозиционном фонде коммуникантов.

3.2.2. Дискурсивный контекст как индикатор индуктивных импликатур. Под индукцией обычно понимается такое умозаключение, в котором от знания части предметов класса переходят к знанию о классе в целом, т.е., индукция – это умозаключение от частного к общему.

К индуктивным импликатурам мы относим импликатуры, выводимые на основе закона достаточного основания. Закон достаточного основания подразумевает, что «мы все должны мыслить на достаточном основании», т.е. всякая мысль, всякое суждение должно иметь определенное логическое обоснование» [227, с. 57]. Индикаторами таких импликатур являются реактивные высказывания, в которых говорящий сообщает достаточное основание для того положения вещей, которое он вкладывает в импликатуру. Достаточным основанием для импликатуры может быть причина и следствие.

Трактуя вывод импликатур на основании причины и следствия как индуктивный, мы опираемся на положение логики о научной индукции как умозаключении, «в основании которого наряду с повторяемостью признака у некоторых предметов класса имеется также знание о зависимости этого

признака от определенных качеств предмета» [141, с. 183], а также на разграничение Ф. Кулмасом дедукции и индукции как процессов понимания речевого высказывания [268, с. 51]. Теоретическим основанием методов научной индукции являются основные свойства причинной связи как вайнейшей формы объективной зависимости одних предметов и явлений от других.

Причинной (каузальной) называется «такая объективная связь между двумя явлениями, когда один из них – причина – вызывает другое – следствие (действие)» [141, с. 183]. В понимании причины мы опираемся также на концепцию Ю.С. Степанова, который, ссылаясь на труды З. Вендлера, утверждает, что «причины – это «факты», а не «события»». Факт является смыслом выражения, имеющего языковую форму не полностью номинализованного выражения» [217, с. 14]. Следовательно, выражение причины является, во-первых, пропозициональным, во-вторых, часто имплицитным.

Индуктивные импликатуры, передающие **причину**, можно проиллюстрировать следующим примером, где K2 указывает на то, что он не может быть убийцей, поскольку был лучшим другом убитого, а друзья друг друга не убивают:

(73) [Полиция допрашивает круг знакомых убитого политика]

– *Haben Sie Monsieur Bellani getötet?*

– *Er war mein bester Freund! (+> Deshalb habe ich ihn nicht getötet)*
(„Whitchblade“)

ИХ: $Q(p)$

РХ: $E(q) \rightarrow A(p)$

Другим видом достаточного основания для вывода импликатуры является указание на **следствие действия**. Так, в следующем дискурсивном фрагменте в реактивном ходе K2 эксплуатирует имплицитное знание о том, что алкоголь имеет сильный характерный запах и, чтобы от этого запаха избавиться, нужно хорошо проветрить помещение:

(74) [Молодые люди, виновные в смерти девочки, хотят спрятать тело в квартире общего знакомого]

Wadowski verschränkte die Arme vor der Brust, lachte verhalten. „Du stinkst, als hättest du eine Gindestille besichtigt. Riecht die Leiche sehr nach Gin?“

„Ich habe das Badezimmerfenster geöffnet“. (+> Denn die Leiche riecht sehr nach Gin) (Ecker, „Madonna“, S. 116)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) \rightarrow A(p)$

Следующий дискурсивный фрагмент является также индуктивным следствием, основанным на общем знании коммуникантов о том, что разбитые зеркала обычно выбрасывают:

(75) Bekannte: *Die Schiffe sind untergegangen in einem Meer, das sich in Rinnsale von Schminke aufgelöst hat. Wo ist der Spiegel?*

Der Mann: *In Scherben*. (+> *Denn der Spiegel ist gebrochen*) (Stolper, „Konferenz mit Knarrpanti“, S. 82)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(p) \rightarrow A(r)$

С. Левинсон указывает на меньшую однозначность индуктивного вывода по сравнению дедуктивным [303, с. 125]. Однако анализ нашего материала демонстрирует, что указание на причину и следствие действия обеспечивают однозначный вывод импликатуры.

Таким образом, индуктивные импликатуры выводятся на основе достаточного основания, содержащегося в реактивном высказывании в виде указания на причину и следствие предсказуемого в импликатуре действия.

3.2.3. Дискурсивный контекст как индикатор абдуктивных импликатур. Существует также целый ряд абдуктивных импликатур, которые выводятся только на основании общего контекста без опоры на какие-либо формально-логические умозаключения.

Под абдуктивным выводом понимается процесс создания гипотезы-объяснения, которая будет в состоянии конкурировать за статус наилучшего объяснения для наибольшего количества имеющихся индикаторов с изначальным объяснением [248, с. 185; 329]. В качестве примера приведем два схожих дискурсивных фрагмента, в которых К2 имплицитно соглашается прийти на свидание и уточняет время и место этого свидания, апеллируя к тем общим знаниям, которыми обладают оба коммуниканта:

(76) „Wann sehen wir uns wieder?“ *fragte er heiser. (+> Wollen wir uns sehen!)*
 „Ich gehe am Samstag schwimmen“, *sagte Angela wie nebenbei. „Ins Hallenbad. In Ihrer Nähe“.* (+> *Wollen wir uns am Samstag im Hallenbad sehen*) (Lind, „Der Mann, der wirklich liebte“, S.138)

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +> K(p)**

(77) [Школьница София и друг ее брата Феликс договариваются сходить в кафе]

„*Du hast jetzt wahrscheinlich Unterricht.*“

„*Physik.*“ *Sophia verzog das Gesicht. „Mein Lieblingsfach.“*

Er lachte. „Mochte ich auch nie. Na, schade. Ich hab heute Morgen frei. Hätt dich ja auf einen Kaffee eingeladen, aber so ...“ (+> *Trinken wir zusammen Kaffee!*)

„Ich hab um zwanzig nach zehn eine Freistunde“, *sagte Sophia hastig. (+> Ich werde mit dir Kaffee trinken)* *Und noch während sie redete, schoss ihr das Blut ins Gesicht. Rosa, rot, violett. (Mayer „Morgen wirst du sterben“, S. 11)*

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +> K(p)**

Абдуктивный вывод дает возможность получить доступ к интенциональному состоянию адресанта. При помощи такого абдуктивного вывода имеется возможность эксплуатировать пресуппозиционные знания коммуникантов, к которому оба коммуниканта имеют непосредственный доступ в ходе коммуникации [248, с. 185]. Ф. Кулмас называет такой вывод пресуппозиционным [268, с. 51], противопоставляя его дедуктивному и

индуктивному. Тем не менее, мы принимаем точку зрения Т. Бартельборта и называем данный тип вывода абдуктивным, соблюдая критерий разграничения конверсационных импликатур – роль дискурсивного контекста как основного индикатора этих импликатур. Пресуппозиционные знания привлекаются также и при дедуктивном, и при индуктивном выводе, однако в абдуктивной разновидности конверсационных импликатур решающее значение имеет гипотеза адресата о содержании импликаты, которая основывается на пресуппозиционном знании. Так, в следующем дискурсивном фрагменте K2 имплицитно дает понять K1, что не выполнил то, чего от него хочет K1, указывая на то, чем занят сейчас:

(78) [Полиция разыскивает похитителя девочек – частного учителя музыки]

– Warst du schon dort?

– Ich bin gerade dabei, den Bekanntenkreis zu überprüfen: Lehrer, Mitschüler, Freundinnen. (+> Ich war dort noch nicht) („Kommissar Rex“)

ИХ: $Q(p)$

РХ: $A(q) +> A(\sim p)$

Т. Бартельборт также указывает на то, что очень часто вывод делается несмотря на недостаточное количество полученной информации. Это объясняется тем, что в таких случаях представляется возможным только один вывод, т.е. совпадает с тем пресуппозиционным знанием, которым обладают оба коммуниканта [248, с. 194]. При этом необходимо также учитывать тот факт, что для успешной реализации абдуктивной импликатуры не может быть несколько вариантов возможного вывода в данном контексте. В качестве примера можно привести следующий дискурсивный фрагмент, в котором K2 имплицитно отвергает предположение своего сына о том, что отец может вернуться с войны. При этом вывод делается K1 только на основании знания о том, что после окончания войны прошло десять лет:

(79) [Пенелопа перестала ждать мужа с войны и устраивает свою жизнь, отца ждет только сын]

TELEMACH Und wenn er zurückkommt?

PENELOPE *Zehn Jahre sind seit dem Ende des Krieges vergangen. (+> Er kommt nicht)* (Jarzyna, „Ariteia“, S. 23)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) +> A(\sim p)$

Следующий дискурсивный фрагмент свидетельствует, что абдуктивный вывод является очень неоднозначным, поэтому часто K1 не сразу выводит импликацию, K2 может прибегнуть к ее экспликации:

(80) Franz: *Elfride möchte gern ins „Augenlicht“ gehen. Kannst du das? „Augenlicht“, origineller Name für ein Restaurant.*

Answald: *Ja. Da bekommst du eine erstklassige Seezunge in Wacholdercreme. (+> Das ist ein Fischrestaurant)*

Franz: *Ich mache mir so gut wie nichts aus Fisch.*

Answald: *Im „Augenlicht“ gibt es nur Fisch.*

Franz: *Tatsächlich? Das hatte ich mir nun gerade nicht vorgestellt. Aber sie scheint ganz spitz darauf zu sein... Da kann ich schlecht protestieren. Mist. (Strauß „Trilogie“, S. 39)*

ИХ: $A(p)$

PX: $A(q) +> A(r)$

Таким образом, абдуктивные импликации, отличительной особенностью которых является гипотеза адресата на основе пресуппозиционных знаний, наиболее зависят от дискурсивного контекста, поэтому их вывод является наименее однозначным.

Выводы по главе 3

1. Выделяются две группы импликаций: конвенциональные и конверсационные. Разница между ними состоит в том, что конвенциональные импликации имеют на лексико-грамматическом и синтаксическом уровне ряд индикаторов, на основании которых они выводятся. Конверсационные

импликатуры таких индикаторов не имеют, и в этом случае импликатура выводится только на основании контекста.

2. Лексико-грамматическими индикаторами конвенциональных импликатур являются имплицативные, фактивные и пресуппозиционные глаголы, градуальные частицы, прилагательные в сравнительной и превосходной степени, скалярные наречия, местоимения и глаголы в сослагательном наклонении.

2.1. Общим свойством имплицативных, фактивных и пресуппозиционных глаголов является наличие в их семе пресуппозиции, которая способна в диалогическом дискурсе выступать в виде импликатуры. Различие их состоит в том, что фактивные и пресуппозиционные глаголы выдерживают тест на отрицание, имплицативные – нет. С другой стороны, имплицативные и фактивные глаголы предполагают наличие комплимента, выраженного, соответственно, инфинитивным оборотом и придаточным дополнительным предложением, а пресуппозиционные глаголы такого комплимента не предполагают.

2.2. Особенностью градуальных частиц как индикаторов импликатур в реактивных ходах диалогического дискурса являются семантические отношения их фокуса и сферы действия при конструировании этих импликатур: фокус частицы *auch* входит в ее сферу действия, фокус частицы *nur* исключается из ее сферы действия, сфера действия частицы *sogar* вытекает из ее фокуса.

2.3. Прилагательные в сравнительной и превосходной степени выступают в качестве индикаторов импликатур в реактивных высказываниях немецкоязычного диалогического дискурса совместно с временными формами глаголов. Наиболее частотными индикаторами импликатур являются формы прилагательных *gut* и *gern*.

2.4. Наречия, выступающие в роли индикаторов импликатуры в реактивных высказываниях диалогического дискурса, имеют скалярную семантику и используются адресантом в дискурсе для передачи скалярной

импликатуры. Частотными индикаторами импликатур являются наречия времени.

2.5. Местоимения, выступающие в качестве индикатора импликатуры в реактивных высказываниях немецкоязычного дискурса, представлены неопределенно-личными, указательными, отрицательными, притяжательными и личными.

Неопределенно-личные, указательные и отрицательные местоимения, выполняя анафорическую функцию, индицируют скалярную импликатуру. Неопределенно-личное местоимение в катафорической функции, указывая на последующий текст, выступает индикатором импликатуры вместе с той частью высказывания, которому оно предшествует.

Притяжательное местоимение выступает индикатором вместе с существительным, семантика которого коррелирует с семантикой соответствующей лексической единицы в инициальном высказывании.

Личные местоимения выступают индикаторами импликатур в случае противопоставления значения местоимения запрашиваемой информации.

2.6. Глаголы в формах сослагательного наклонения *Konditionalis I* и *Präteritum Konjunktiv* используются адресантом для передачи импликатуры в простых свободно оформленных и клишированных предложениях.

3. Синтаксическими индикаторами импликатур реактивных высказываний выступают структуры риторического вопроса, побуждения и утверждения, условные придаточные предложения и противопоставления.

3.1. Риторические вопросы, утверждения и побуждения представляют собой фразеологические шаблоны специфической структуры и характеризуются переосмыслением пропозиции.

В риторических вопросах индикаторами выступают также модальные частицы, генерализирующие наречия и местоимения, сравнительная степень прилагательного, модальные глаголы, сослагательное наклонение глагола, устойчивые конструкции, осложненные парентезными элементами, эллиптические формулы.

Индикаторами риторических утверждений в реактивных высказываниях диалогического дискурса служат структура придаточного предложения сравнения и сослагательное наклонение глагола. Риторические утверждения демонстрируют следующие семантические модели: 1) *Ich werde p +>> Ich werde ~p*; 2) *Als ob p +>> ~p*; 3) *Als ~p +>> p* или *Als p. +>> ~p*, 4) *p möchte ich sehen +>> ~p*.

Индикаторами риторических побуждений являются побудительная синтаксическая структура предложения и частицы *nur, noch*.

3.2. Условное предложение выступает индикатором импликатуры, которая реализуется на его основе в ответных ходах диалогического дискурса и демонстрирует пять структурных типов: 1) *p? – Wenn p, dann q +>> ~p*; 2) *p? – Wenn ~p, dann q +>> p*; 3) *p? – Wenn nur p, dann q +>> p&r*; 4) *p? – Wenn q +>> Wenn q, dann p*; 5) *p – Wenn q +>> ~q*.

3.3. Отличительной чертой реактивных высказываний с противопоставлением является их эмотивность. Структуры противопоставления являются фразеошаблонами и по способу их образования подразделяются на две группы: 1) возникающие непосредственно на базе иницирующего хода; 2) не использующие словесного материала из состава инициального хода. Противопоставительные структуры имеют следующие модели: 1) *Ich und p? +>> Ich ~p*; 2) *Ich und nicht p? +>> Ich p*; 3) *Du und p? +>> Du kannst ~p*.

4. Конверсационные импликатуры подразделяются на три типа – дедуктивные, индуктивные и абдуктивные.

4.1. Дедуктивные импликатуры реактивных высказываний немецкоязычного диалогического дискурса выводятся на основе посылок логического силлогизма, которые содержатся в ретроспективном языковом контексте и в широком когнитивном контексте – пресуппозиционном фонде коммуникантов.

4.2. Индуктивные импликатуры выводятся на основании логического закона достаточного основания, в качестве которого выступает указание на

следствие или причину имплицитируемого действия в реактивном высказывании.

4.3. Абдуктивные имплицатуры основываются на гипотезах в рамках дискурсивного контекста.

Положения данной главы нашли отражение в публикациях автора [198; 202; 199; 189; 194; 197; 201; 192; 338; 339].

ГЛАВА 4

ДИСКУРСИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ИМПЛИКАТУРАМИ В РЕАКТИВНЫХ ХОДАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

4.1. Иллокутивные свойства высказываний с импликатурами в реактивных ходах

При речеактовом анализе высказываний с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса мы определяем иллокуцию реактивного РА, тип выражения (прямой или косвенный), семантические свойства импликатуры, а также тип речеактовой реакции.

Тип реакции определяем в соответствии с критерием прогнозируемости и предпочтительности для адресанта – позитивная, негативная или отсроченная реакция [148, с. 92; 221; 341, с. 163], иначе – акцептация (выполнение ожиданий и облигаций автора инициального РА), отказ (невыполнение ожиданий и облигаций автора инициального РА), селекция (частичное выполнение ожиданий и облигаций автора инициального РА) [260, с. 72-73], или поддержка (предвиденность, соответствие ожиданиям), неподдержка – непредвиденность, несоответствие ожиданиям, отсрочка (*temporization*) – предвиденность и соответствие ожиданиям, отсроченные на неопределенное время [337, с. 100; 341, с. 273]. Таким образом, РА считаются:

- поддерживающими, позитивными реактивными актами, если они соответствуют намерению адресанта (38,6%),
- отсроченными – если они не соответствуют его намерению, откладывают принятие решения и являются поэтому неpreferred (11,6%),
- неподдерживающими, негативными – если они являются неpreferred, т.к. оспаривают пресуппозиции РА или отклоняют положение дел (49,8%).

Частотность типов реактивных РА в немецкоязычном диалогическом дискурсе представлена в таблице И Приложения.

В рамках проведенного исследования были установлены иллокутивные типы имплицитных РА, реализующихся в рамках реактивного речевого хода: ответ на вопрос, согласие или отказ на комиссив (предложение услуги (*Angebot*)), согласие или отказ на директив (предложение (*Vorschlag*), просьбу, приказ, совет), подтверждение или возражение на ассертив (сообщение, предположение, мнение, ложь), подтверждение, оправдание, опровержение, ответное обвинение, ответный эмотив и утешение в ответ на экспрессив (обвинение, выражение отрицательных эмоций).

Соотношение эксплицитных и имплицитных иллокуций в РА, реализуемых высказываниями с имплицатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса, представлено в таблице Е Приложения, в таблице Ж – частотность иллокутивных актов, реализованных высказываниями с конвенциональными имплицатурами, в таблице З – частотность иллокутивных актов, реализованных высказываниями с конверсационными имплицатурами. Частотность иллокуций РА, реализованных высказываниями с имплицатурами, отражает таблица М Приложения.

В дальнейшем выделенные иллокутивные типы реактивных РА рассматриваются в порядке уменьшения их частотности в исследовательском корпусе, которая представлена в таблице Л Приложения.

4.1.1. Реакции на речевой акт квеситив. Под РА вопроса (*Fragehandlungen*), или квеситивами, «понимаются такие речевые акты, цель которых состоит в том, чтобы побудить адресата к ответу, который покрывает когнитивный дефицит говорящего» [282, с. 215]. Это побуждение обусловлено ведущим мотивом адресанта – потребностью получения информации [73, с. 12].

Существенным условием успешности квеситивов считается то, что вопрос «рассматривается как попытка получить эту информацию от С (слушающего)», условием искренности – то, что «Г (говорящий) хочет получить эту

информацию» [330, с. 66]. При этом главный компонент вопроса выражает «желание» знать, а не «желание» повлиять на кого-либо таким образом, чтобы заставить его сделать так, чтобы мы знали. Это то, что связывает настоящие вопросы с вопросами, обращенными к самому себе, или так называемыми медитативными вопросами типа «Интересно, что случилось?» [40, с. 261].

Перлокутивная цель адресанта РА квеситивного типа состоит в том, чтобы заставить адресата дать ответ касательно некоторого положения дел, относительно которого адресант чувствует информационный / когнитивный дефицит, и таким образом ликвидировать этот когнитивный дефицит [22, с. 220]. Данный информационный дефицит обуславливает основное свойство пропозиции квеситивов – она является открытой, что составляет условие пропозиционального содержания [102, с. 355; 293, с. 161; 315, с. 17; 347, с. 183]. В квеситивах, реализованных специальновопросительной структурой, информационный пробел представляет собой незнание адресантом семантического содержания одного из элементов сообщаемой пропозиции и маркируется вопросительным словом; в квеситивах, реализованных высказываниями общевопросительной структуры, адресант верифицирует свое предположение относительно референции или предикации [22, с. 220-221].

Подчеркнем, что мы рассматриваем реакции не на вопросительное предложение, а на вопросительный РА, т.е. «вопрос со стандартной семантикой» [155, с. 50]. Поэтому к анализу привлекаются и такие инициальные высказывания, при помощи которых реализуются косвенные квеситивы, выраженные повествовательной структурой (*embedded questions* [293, с. 165]), например:

(81) [Главный герой заключил сделку с Кнаррпанти]

Besucherin: Ich wollte wissen, ob du dich an Abmachungen hältst.

Der Mann: Sie und Himmelpforte? (+>> Sie arbeiten für Himmelpforte) (Stolper, „Konferenz mit Knarrpanti“, S. 77-78)

ИХ: **Q(p)**

РХ: **E(q) +>> E(r)**

Среди реакций на РА квеситив встречаются имплицитные директивы (1,4%):

(82) *„Und deshalb haben Sie mir diese Sache erzählt, die ja vermutlich eher vertraulicher Natur ist?“ (+> Warum haben Sie mir diese Geschichte erzählt?)*

„Um ehrlich zu sein“ – Luigi lehnte sich in seinem Stuhl zurück und breitete die Arme aus, als wolle er sein Gegenüber segnen – „es würde uns nichts ausmachen, wenn dieser Fall hier in Wien ein wenig in die Öffentlichkeit käme. Eine Zeitungsmeldung oder so... Sie haben doch einmal für eine Zeitung gearbeitet?“ (+> Schreiben Sie einen Artikel darüber)

„Ja, aber mit denen habe ich nichts mehr zu tun“, stellte Rettenschöfl richtig.

(Irnberger, „Das Schweigen der Kurschatten“, S. 143)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +> D(r)

Однако наиболее частотными реакциями на вопросы являются ответы (98,6% от количества реакций на квеситив и 53,5% от общего количества высказываний), поскольку вопрос и ответ представляют собой функциональную модель [37; 48], диалогическое единство [104; 166; 266], вопросно-ответное соответствие [155, с. 50], т.к. находятся во взаимоотношении иллокутивного вынуждения или прагматической детерминации [17; 52; 111].

Под **ответом** понимаем «реакцию на вопрос, которая дает элементы, с помощью которых открытая пропозиция вопроса может быть преобразована в закрытую и, таким образом, в истинностное высказывание» [315, с. 41]. Ответ как реакция на вопросительный РА (квеситив) считается РА асертивного типа [344, с. 138], т.е. ответ на квеситив является асертивным РА, в котором восполняется пропозиция инициального квеситива: A(p) или A(~p).

Непрямым ответом считается ответ, который требует дополнительного вывода для установления логического статуса альтернатив, т.е. из которого можно вывести субъективно-прямой ответ: «реплика-реакция А является ответом Y-а на вопрос В для слушающего X в том, и только в том случае, если

Х может определить, к какому истинностному значению относится каждая из альтернатив, задаваемых вопросом, в системе знаний отвечающего Y-а» [177, с. 142]. Руди Конрад называет такие ответы аналитическими и выделяет их как незначительный в частотном отношении тип ответов наряду с полными, определенными, прямыми и др. [266, с. 10].

Такие виды ответов, как молчание, переспросы, ответные вопросы, отказы от ответов, уклончивые ответы [315, с. 38], мы исключаем из анализа, поскольку они не содержат импликатуру. Нас интересуют только те ответы, которые содержат импликатуру, покрывающую когнитивный дефицит говорящего – не прямые ответы. По мнению Е.Э. Разлоговой, не прямые ответы обладают тем преимуществом перед прямыми, что они более информативны: они содержат знания о субъективно-прямом ответе и, кроме того, они могут содержать другую полезную информацию [177, с. 147].

Семантические свойства импликатуры реактивного высказывания-ответа зависят от типа вопросительной структуры инициального высказывания – специальновопросительной или общевопросительной. В реакциях на квеситивы, выраженных альтернативной структурой, которая выделяется наряду с общими и специальными вопросами [254, с. 250; 296], импликатур не зафиксировано.

4.1.1.1. Непрямые ответы на специальные вопросы. В высказываниях-реакциях на специальные вопросы (*W-Fragen*, *Ergänzungs-*, *Bestimmungs-*, *Identifikations-*, *Sach-*, *Wort-*, *Angabefragen* [254, с. 250; 315, с. 27]) зафиксировано **два семантических типа импликатур** – 1) восполнение недостающего элемента запрашиваемой пропозиции, выраженного вопросительным словом, и 2) отрицание пресуппозиции вопроса.

В случае **восполнения недостающего элемента пропозиции** (49,2%) реактивные РА представляют собой отсроченную реакцию, поскольку имеет место информативный ответ, хотя он содержится не в экспликатуре высказывания, а в импликатуре. Отсроченность ответа обусловлена необходимостью вывода адресатом имплицитного информативного ответа.

Поскольку специальные вопросы – это «вопросы с лексическими пробелами, в которых запрос направлен на получение единицы информации, не названной в самом вопросе, а лишь контурно обозначенной в нем» [128, с. 7], связь имплицатуры с пропозицией может осуществляться посредством семантической общности вопросительного слова и одного из элементов ответной пропозиции, что характерно для вопросов с вопросительными словами *Wer?*, *Wo?*, *Wann?*, например, в высказывании с пресуппозиционным глаголом *schicken*: *Was kostet der neue Stecker?* +>> *Nichts*:

(83) [Электрик Менгер пришел по вызову к пожилой супружеской паре]

Menger: *Do kennse nur kaa Radio hern.*

Frau Kress: *Ja.*

Menger: *Weil er kaputt is.*

Frau Kress: *Was kost denn do der neue Stecker für die Schnur?*

Menger: *Den schenke ich Ihne.* (+>> *Das kostet nichts*) (*Deichsel*, „*Bleiwe losse*“, S. 189)

ИХ: ***Q(p)***

РХ: ***A(q)*** +>> ***A(~p)***

Имплицитная пропозиция ответов на вопросы с вопросительными словами *Was?*, *Warum?*, *Wieso?*, *Wie?* не связана с пропозицией вопроса, например:

(84) [Гудетц влюблен в дочь трактирщика Анну. Будучи женатым, он решает не ходить больше в трактир]

Anna: *Herr Vorstand. Warum beehren Sie uns eigentlich nicht mehr? Mein Vater meint schon, Sie hätten anderswo einen Stammtisch?*

Hudets: *Ich komm zu nichts mehr, Fräulein Anna. Ich hab halt immer Dienst.*

Anna: *Dann ists ja gut. Ich dachte schon, Sie kämen nicht mehr zu uns wegen mir.*

Hudets ehrlich überrascht: *Warum wegen Ihnen?*

Anna: *Ich dacht wegen Ihrer Frau.*

Hudets: *Was hat meine Frau mit Ihnen zu tun?*

Anna: *Sie mag mich nicht.* (+> *Sie hat Eifersucht, weil Sie mich mögen*) (*Horvath*, „*Der jüngste Tag*“, S. 540)

ИХ: $Q(p)$

РХ: $A(q) \rightarrow A(r)$

Отрицание пресуппозиции (50,8%) вопроса (второй случай семантики имплицатур ответных высказываний, выраженных специально-вопросительными структурами) представляет неподдерживающую реакцию на РА квеситив, поскольку она не планируется и не предпочитается адресантом.

Речь идет о понятии исходного предположения вопроса, под которым понимается имплицитное асертивное значение, сопряженное со специальной вопросительной формой [155, с. 51]. Е.В. Падучева отмечает, что это понятие отлично от понятия пресуппозиции (презумпции), поскольку оно «может нарушаться без ущерба для коммуникации», в то время как пресуппозицией вопроса следует считать только те суждения, которые будут пресуппозициями всех его допустимых ответов, в том числе и отрицательных [154, с. 28]. Однако мы придерживаемся точки зрения С. Левинсона, который считает исходное предположение специального вопроса пресуппозицией, поскольку вопросительное слово в пресуппозиции способно заменяться соответствующей экзистенциально определяемой переменной (*existentially qualified variable*) со специфическим свойством несохранения при отрицании предложения [303, с. 184]). В целом, свойством пресуппозиций является сохранение их в случае отрицания пропозиции: $p \rightarrow q; \sim p \rightarrow q$ [157, с. 50; 342, с. 326]. Таким образом, под «пресуппозицией, или презумпцией, называют такой вид следования, когда не только утверждение P , но и его отрицание $\sim P$ обуславливает Q » [95, с. 211].

Проблема отнесения отрицания пресуппозиций к ответам решается положительно – они представляют собой вид неподдерживающего ответа, поскольку пропозитивно связаны с инициальным РА. В следующем дискурсивном фрагменте вопрос *Warum wollen Sie weglaufen?* имеет пресуппозицию (исходное предположение) *Sie (Frau Kopetzky) will weglaufen*, которое отрицается в имплицатуре реактивного высказывания – риторического вопроса:

(85) [Свидетельница из дома напротив избегает общения с полицией из-за угроз неизвестного человека, но не хочет в этом признаваться]

– Was ist los, Frau Kopetzky? Warum wollen Sie weglaufen?

– Ich? Warum soll ich von Ihnen weglaufen? (+>> *Ich will nicht weglaufen*)

(„Kommissar Rex“)

ИХ: $Q(p)$

РХ: $Q(p) +>> A(\sim p)$

М.В. Никитин понимает под пресуппозициями «невыраженные импликации из высказываний, а именно импликации вспять, в направлении, обратном развертыванию речемыслительного процесса. В этом смысле они – ретроспективные импликации. Пресуппозиции – совокупность имплицитных суждений, которые принадлежат к эксплицитному смыслу высказывания, как условия к последствию» [147, с. 146]. Это позволяет лингвистам [271; 342, с. 325] считать пресуппозициями условия успешности РА квеситива: 1) Г не знает ответ, 2) Говорящий считает, что А знает ответ, 3) Г хочет иметь информацию, 4) Г считает, что А не сообщит информацию, не будучи спрошен [155, с. 53; 296].

В имплицатуре содержится отрицание второго условия – К2 отрицает либо сам факт знания ответа (86), либо невозможность ответить (87):

(86) [Кристине проводит экскурсию вместо своего друга, который находится в запое]

MARTIN Es würde mich zum Beispiel interessieren: wurden eigentlich in Olympia auch geistige Wettkämpfe ausgetragen? Ich meine, diese Sänger- und Dichter-Wettstreite wie in Delphi oder Athen?

KRISTINE Geistige Wettkämpfe, meinen Sie... Mein – mein Bruder könnte Ihnen die Frage leicht beantworten. Der ist nämlich Archäologe. Ich mache das hier nur zur Aushilfe. Denn der ist krank zur Zeit. (+> *Ich weiß es nicht*) (Strauß, „Die Fremdenführerin“, S. 12)

ИХ: $Q(p)$

РХ: $A(q) +> A(r)$

(87) [Разговор ни о чем (когда приедут родители Чарли)]

Joe: *Is klar... naja... (sie stehen herum) Wie spät ist es überhaupt?*

Charly: *Ich hab keine Uhr. (+> Ich kann nicht antworten) (Bauer, „Magic afternoon“, S. 158)*

ИХ: **Q(p)**

РХ: **A(q) +> A(r)**

Таким образом, высказывания-реакции на РА квеситивы, выраженные специальновопросительными предложениями, реализуют имплицитные РА ассертивы-ответы на основе эксплицитных экспрессивов, ассертивов и квеситивов с возможной сопутствующей экспрессивной иллокуцией. Данные импликатуры имеют два семантических типа: 1) восполнение недостающего элемента запрашиваемой пропозиции, выраженного вопросительным словом, и 2) отрицание пресуппозиции вопроса. В первом случае реализуется отсроченный реактивный РА, во втором – неподдерживающий.

4.1.1.2. Непрямые ответы на общие вопросы. Высказывания-реакции на общие вопросы (*E-Frage, Entscheidungsfrage, Satzfrage, Ja-Nein-Frage* [254, с. 250; 315, с. 27]) демонстрируют **три семантических типа импликатур** – 1) обоснование ответа, 2) спецификация ответа, 3) следствие из оценки вопроса. Все они могут касаться как положительного, так и отрицательного ответа и представляют отсроченные РА.

Первый тип – обоснование, представляет причинно-следственные связи экспликатуры и импликатуры, К2 отсылает К1 к событию, происшедшему раньше, но являющемуся причиной содержания ответа, смысл которого К1 должен извлечь, поэтому эксплицируемая импликатура имеет союз *Deshalb / Deswegen / Darum* и т.п., которые вводят положительный (88) или отрицательный (89) ответ:

(88) [Человек, дающий в школе звонки, найден мертвым]

„Die Tat? Glauben Sie an ein Verbrechen?“ Dr. Lassen knöpft nervös an seinem Rock herum.

Ribe wiegt den Kopf. „Unfall kommt meiner Meinung nach kaum in Frage. Und Selbstmord? Musste der Mann erst ein Gefäß zerschlagen, um sich den Schnitt beizubringen? In einer Küche gibt es doch stets genug Messer. Und dann der Zucker – er stammt doch wahrscheinlich aus dem zerschlagenen Topf“. (+>> Deshalb glaube ich an ein Verbrechen) (Moll, „Inspektor Thomsen geht zur Schule“, S. 12)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) +>> A(p)$

(89) [Полиция расспрашивает маму пропавшей девочки]

„Befand sie sich auf dem Heimweg von der Schule?“

„Es waren doch Ferien!“ (+> Deshalb befand sie sich nicht auf dem Heimweg von der Schule) (Ecker, „Madonna“, S. 255)

ИХ: $Q(p)$

PX: $E(q) +> A(\sim p)$

Причинно-следственные связи между имплицатурой и эксплицатурой ответа являются весьма частотными (43,6%), что объясняется таким свойством причинности, как способность служить логическим указателем на следствие, на что указывает З. Вендлер: «сами причины, подобно фактам, могут указывать на другие вещи, вести к ним или объяснять их» [44, с. 271].

К положительным ответам на общий вопрос мы относим и случаи подтверждения отрицательной пропозиции вопроса, например:

(90) [Следователь допрашивает свидетельницу преступления]

„Aber Sie haben nicht gesehen, dass die beiden zur PGH hinübergefahren sind?“

„Die Straße macht vor dem Abzweig einen Knick“. (+> Deshalb habe ich das nicht gesehen) (Steinberg, „Ein Mann namens Nottrodt“, S.150)

ИХ: $Q(\sim p)$

PX: $A(q) +> A(\sim p)$

Второй тип (36,7%) – спецификация ответа, содержащегося в имплицатуре, состоит в добавлении к нему информации, в конкретизации этого ответа, так что вывод его становится очевидным. В следующем дискурсивном фрагменте К2 не только подтверждает ту информацию, которую у него

запрашивает K1 – действительно ли между подозреваемым и его сообщником поддерживался контакт, но и конкретизирует ее, имплицитно добавляя дополнительные сведения, не известные K1:

(91) [Разведка ловит связного антигосударственной организации]

– Heißt das, dass Sie noch bis zu Ihrer Verhaftung Beziehungen zu diesem Manne unterhielten?

– Ich habe noch vor drei Wochen, unmittelbar vor meiner Verhaftung ein Lebenszeichen von dem Grafen erhalten, aus Brüssel. (+> Ich unterhielt Beziehungen zu diesem Mann bis zu meiner Verhaftung) (Feuchtwanger, „Die Witwe Capet“, S. 77)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +> A(p)

В данном диалоге представлена спецификация в имплицатуре положительного ответа, в следующем – отрицательного. K2 опровергает предположение K1 о болезни ребенка, указывая на то, что он находится у бабушки и дедушки в другом городе и поэтому не выходит на улицу играть с другими детьми:

(92) [Подруга интересуется у мамы, где Тео]

– Ist euer Marmelade krank?

– Der Teo ist bei den Großeltern in Sandberge. (+> Unser Marmelade ist nicht krank) (Strittmatter, „Tinko“, S.162)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +> A(~p)

Третий тип имплицатуры ответов на общевопросительные высказывания (19,7%) представляет собой следствие из оценки вопроса, которая содержится в экспликатуре. K2 дает оценочный комментарий инициального вопроса, из которого следует имплицатура – положительный (93) или отрицательный (94) ответ:

(93) [Клара Бартон приезжает по линии Красного Креста в район стихийного бедствия, чтобы помогать людям]

„Lassen Sie Kohlen übernehmen und Güter verstauen. Sie sind doch wieder mit von der Partie?“

„Das zu fragen kommt fast einer Beleidigung gleich, Madam!“ (+> Ich bin wieder mit von der Partie) (Legère, „Der Ruf von Castiglione“, S. 122)

ИХ: $Q(p)$

PX: $E(q) +> A(p)$

В данном дискурсивном фрагменте К2, опровергая предположение К1 о его неучастии в делах фирмы, дает понять, что готов и дальше оказывать всю необходимую помощь.

(94) [Гринуи обвиняет своего работодателя в плагиате]

„In der Tat“, sagte Baldini.

„Mit „Amor und Psyche“ von Pélissier?“ fragte Grenouille und duckte sich noch tiefer zusammen. <...>

„Wie kommst du auf die absurde Idee, ich würde ein fremdes Parfum benutzen, um...“ (+>> Das ist eine absurde Idee & Ich benutze „Amor und Psyche“ von Pélissier nicht) (Süskind, „Das Parfum“, S. 45)

ИХ: $Q(p)$

PX: $Q(q) +>> E(q) \& A(\sim p)$

В данном дискурсивном фрагменте имплицатура индицируется риторическим вопросом, реализуется РА ассертив с сопутствующей эмотивной иллокуцией – К2 возмущен предположением К1 о попытке реконструировать чужое произведение. Мы квалифицируем данное высказывание как ответ, поскольку он действительно содержится в имплицатуре.

Таким образом, высказывания-реакции на РА квеситивы, выраженные общевпросительными предложениями, реализуют отсроченные имплицитные РА ассертивы-ответы на основе эксплицитных экспрессивов, ассертивов и квеситивов с возможной сопутствующей экспрессивной иллокуцией. При этом имплицатуры имеют три семантических типа: 1) обоснование положительного или отрицательного ответа, 2) спецификация положительного или

отрицательного ответа, 3) следствие из оценки вопроса как положительный или отрицательный ответ.

4.1.2. Реакции на речевой акт комиссив. Под комиссивами понимаются такие РА, иллокутивный смысл которых состоит в том, что адресант принимает на себя обязательство реализовать определенную линию поведения, поэтому пропозиция комиссивов представляет собой будущее действие адресанта [274, с. 17; 348, с. 283]. Ведущий мотив адресанта комиссива – «желание в будущем сделать нечто приятное адресату» [73, с. 15].

Инициальный РА комиссив представлен в нашем массиве данных предложением услуги (офферативом). *Оффератив* – «РА предложения услуги в ситуации, когда говорящий имеет целью выполнение определенного действия в интересах адресата. <...> Существенным признаком оффератива, который отличает его от других подтипов комиссива, является то, что оффератив стимулирует непосредственную реакцию адресата – принятие или отклонение предлагаемой услуги, и выступает как иницирующая реплика в разговорном дискурсе» [174, с. 3].

Оффератив имеет пропозицию, в которой субъектным аргументом является сам говорящий, а предиктируемое действие должно совершиться в будущем – говорящий берет на себя обязательство совершить некоторое будущее действие или же следовать определенной линии поведения в интересах адресата (*spr2-präferiert*) [274, с. 56]. Й. Граффе относит предложение услуги к волюнтативным комиссивам, подготавливающим взятие обязательства (*voluntativ obligationsvorbereitend*) [274, с. 59, 67], поскольку оно предполагает обязательное наличие реакции адресата. В зависимости от того, принимает ли адресат это обязательство, его реактивный РА квалифицируется как согласие или отказ.

Специфику **отказа** как РА (деклинатива) определяем на основании специфики предшествующего РА, с которым отказ связан общим пропозициональным содержанием. Отказ как реакция на директив

характеризуется комиссивной иллокутивной целью, которая заключается в неприятии говорящим обязательства совершить некое действие. Как реакция на комиссив – предложение услуги – отказ характеризуется директивной иллокутивной целью, которая заключается в том, чтобы не допустить совершения действия адресатом. В силу вышеуказанной иллокутивной двойственности отказ как реакция на директив относится к классу комиссивов, отказ как реакция на комиссив – к классу директивов [111; 174, с. 8-9; 178; 179; 243].

Удельный вес отказов как реакций на комиссив в нашем корпусе выше (65,9%), чем удельный вес согласий (34,1%).

4.1.2.1. Отказ. Под отказом на комиссив понимается «реактивный речевой акт с иллокутивной силой отказа, который реализует основанную на отрицательных установках говорящего реакцию санкционального плана на выраженное в проспективном акте пропозициональное содержание с целью его отклонения» [152, с. 207]. Поскольку реакция отказа является для предлагающего услугу нежелательной и повреждающей его лицо, считаем РА отказа неподдерживающими реакциями.

Прямой РА предложения услуги реализуется этикетными речевыми формулами *Soll ich...?*, *Darf ich...?*, *Was darf ich...?* и т.п., а косвенный РА предложения услуги имеет вид вопросительного высказывания, при этом иллокутивная сила предложения услуги является первичной, а иллокутивная сила вопроса – вторичной [174, с. 4]. И форма оффератива, и форма деклинатива обусловлены стратегией вежливости. Отказ, как правило, имеет «повышенную степень кодирования смысла» [152, с. 207], являясь имплицитным, поскольку «существует большая вероятность обидеть адресата, отвергнув его искреннее желание выполнить действие в пользу говорящего» [174, с. 14], например:

(95) [В гостях]

Quitt: Was darf ich euch anbieten? Klaren Schnaps oder Cognac?

Koerber-Kent: *Das verträgt mein Magen nicht.* (+> *Deshalb bieten Sie mir nichts an*) (Handtke, „Die Unvernünftigen sterben aus“, S. 64)

ИХ: $K(p)$

PX: $A(q) +> D(\sim p)$

Для выведения имплицитного смысла отказа адресант обычно руководствуется своими представлениями о наиболее вероятной причинно-следственной связи между явлениями. Объяснение причины имплицитного отказа происходит в рамках прямого РА ассертива (95) или косвенного, выраженного риторическим вопросом, так что цепочка вывода удлиняется. В следующем дискурсивном фрагменте K2, который хорошо осведомлен о характере K1, не подтверждает его запрос на получение информации, зная, что K1 все равно не сделает то, что обещает – он никогда не звонит и не перезванивает:

(96) [Главный герой договаривается со своей девушкой о новом свидании]

„*Wann?*“

„*Gegen 19 Uhr. Soll ich dich vorher anrufen?*“

„*Würdest du es denn tun, wenn ich jetzt ja sagte?*“ (+>> *Wenn ich jetzt ja sage, wirst du es nicht tun.* +> *Du rufst mich nie an* +> *Ich sage nicht ja* +> *Ruf mich nicht an*) (Ecker, „Madonna“, S. 32-33)

ИХ: $K(p)$

PX: $Q(q) +>> A(r) \& E(s) \& D(\sim p)$

В этом случае наблюдаем сопутствующую экспрессивную иллокуцию – выражение отрицательного отношения к собеседнику, имплицитный упрек его в том, что он не держит слово.

Положение дел, являющееся причиной отказа, может касаться самого K2 (95), K1 (96) либо любого коммуниканта, как в следующем примере:

(97) [Клара Бартон отказывается от помощи друга, который себя плохо чувствует]

„*Darf ich rudern, Miss Barton?*“

„Sie? Meine Begleiter werden mich hinüberbringen. Sie kommen doch eben erst aus dem Kesselraum“. (+> Rudern Sie nicht) (Legère, „Der Ruf von Castilglione“, S. 120)

ИХ: $K(p)$

PX: $A(q) +> D(\sim p)$

Следует подчеркнуть, что имплицитной иллокуцией деклинатива как реакции на РА оффератив, как правило, является директивная иллокуция, а именно побуждение К1 к невыполнению действия, запрашиваемого самим собеседником в офферативе (95, 96, 97), т.е. отказ на комиссив является директивным РА, в котором отрицается действие инициального комиссива: $D(\sim p)$. Однако наблюдаем и случаи действительного побуждения к действию, которое вытекает из пропозиции деклинатива, например:

(98) [Руби помогает Дойно освоиться в новом городе]

„Lass, noch einige Trostesworte aus deinem Munde, und ich müsste mich aus dem Fenster stürzen. Du hast Wasser zum Wärmen aufgestellt, du willst wohl, dass ich dir schnell einen Kaffee mache, bevor wir gehen?“

„Du verkennst meine Güte, ich habe das Wasser erwärmt, damit du dir die Augen waschen kannst“. (+> Mach keinen Kaffee & Wasch dir die Augen) (Sperber, „Wie eine Träne im Ozean“, S. 561)

ИХ: $K(p)$

PX: $A(q) +> D(\sim p) \& D(q')$

Таким образом, в качестве реакции на оффератив, РА деклинатив, являющийся неподдерживающим РА, предполагает импликацию, содержащую причину отказа, и имплицитную директивную иллокуцию, выраженную на основе эксплицитного ассертива или квеситива (риторического вопроса).

4.1.2.2. Согласие. Под согласиями с предложением услуги понимаем такие РА, в которых адресант предсказывает собеседнику выполнение действия, запрашиваемого им в инициальном комиссиве. Поэтому имплицитная иллокуция согласия всегда является директивной, т.е. согласие с комиссивом является директивным РА, в котором подтверждается действие инициального

комиссива: **D(p)**. Ввиду того, что, несмотря на наличие импликатуры, автор предложения услуги получает согласие – ожидаемую, желаемую реакцию, считаем ее поддерживающей.

Зафиксировано два семантических типа вывода импликатур согласия: 1) обобщение, 2) метакоммуникативный комментарий. Обобщение выражается неопределенно-личными синтаксическими структурами с оборотом *es gibt* (100) и местоимением *man* (99):

(99) Hannes: Was halt ihr davon, wenn wir ein bisschen Skat spielen?(+> Ich zeige Ihnen, wie man Skat spielt)

Philipp: Wenn du uns zeigst, wie man Skat spielt. (+>> Zeige uns, wie man Skat spielt) (GZSZ, 04.05.05)

ИХ: **K(p)**

PX: **A(q) +>> D(p)**

В следующем дискурсивном фрагменте K2, давая обоснование своему согласию с предложением помочь раненному при помощи обобщенного правила поведения на войне (*Es gibt keine Verbote*), разрешает своему помощнику оказывать необходимую первую помощь и использовать их общий автомобиль в качестве машины скорой помощи:

(100) [После серьезного сражения военные и волонтеры пытаются доставить в госпиталь раненых]

„Darf ich, Monsieur Dunant?“ *stammelt der Korporal verwirrt, während sich Dunant und der Vetturin um den Schwerverwundeten bemühen.*

„Dürfen?“ *Der Genfer lächelt. „Dürfen? Es gibt keine Verbote, darf sie nicht geben, die der Nächstenliebe und Barmherzigkeit Grenzen setzen könnten“.* (+> Sie dürfen mithelfen) (Legère, „Der Ruf von Castiglione“, S.31)

ИХ: **K(p)**

PX: **A(q) +>> D(p)**

Метакоммуникативный комментарий отражает стратегию вежливости. В следующем дискурсивном фрагменте импликатура обусловлена тем, что K2 считает прямое побуждение K1 дать ему сока является не совсем вежливым:

(101) Sarah: *Wir haben auch gewisse Säfte.*

Edith: *Da sage ich nicht nein.* (+> Ich sage ja +> Geben Sie mir Saft)

Sarah: *Nein?* Sarah schenkt Edith Saft ein. (Gieselmann, „Herr Kolpert“, S. 177)

ИХ: **K(p)**

PX: **Q(q) +> D(p)**

В следующем дискурсивном фрагменте K2, соглашаясь выпить с адресатом кофе, прибегает к клишированному риторическому вопросу:

(102) [Эми в гостях у Скотта]

scott: *kaffee?*

amy schüttelt den kopf, überlegt kurz, lächelt.

amy: *warum nicht.* (+>> Machen Sie mir Kaffee)

sie trinken kaffee. (Harbecke, „schnee im april“, S. 213)

ИХ: **K(p)**

PX: **Q(q) +>> D(p)**

Таким образом, РА-согласие в качестве поддерживающей реакции на оффератив является имплицитным РА с имплицатурой двух семантических типов (обобщение и метакоммуникативный комментарий) и имплицитной директивной иллокуцией, выраженной на основе эксплицитного ассертива или квеситива (риторического вопроса).

4.1.3. Реакции на речевой акт директив. Под директивами понимаются такие РА, в которых интенция говорящего состоит из иллокутивной цели побудить слушающего к определенному действию и перлокутивной цели заставить его это действие выполнить. Ведущий мотив адресанта директива – желание побудить адресата совершить действие, полезное для него и / или адресата, или третьего лица [73, с. 14].

Подготовительные условия для директивов можно сформулировать следующим образом: а) слушающий в состоянии совершить действие; б) говорящий имеет право требовать или просить [156, с. 311]. Пропозиция директивов подразумевает будущее действие адресата, т.е. ее основной

характеристикой является направленность на будущее [22; 319, с. 37; 348, с. 283].

Соответствие выраженной и реальной пропозициональной установки определяет условие искренности, которое предусматривает в случае директивов, что, во-первых, адресант действительно желает, чтобы адресат совершил действие, во-вторых, верит, что адресат может его совершить и, в-третьих, является искренним относительно обоюдных интересов, т.е. или заинтересован в действии, или не возражает против интересов адресата [22, с. 215].

Инициальные РА директивы могут быть выражены как прямо – с помощью побудительной структуры, так и косвенно – с помощью конвенционализированных средств. К конвенционализированным средствам выражения директивов в немецком языке принадлежат помимо прочих высказывания вопросительной структуры, которые выражают побудительный смысл. Термин *whimperative questions* ввел в научное употребление Дж. Сэйдок [323], имея в виду специально вопросительные структуры английского языка, которые служат для выражения побуждения. В дальнейшем этот термин стал использоваться применительно к любым вопросительным структурам, которые реализуют директивы, в том числе и в немецкоязычном дискурсе [39, с. 141; 346, с. 211].

Реализуя РА-директив, говорящий пытается добиться того, чтобы адресат нечто совершил. Реакция адресата является его обязательством или отказом осуществить это положение вещей, т.е. РА-комиссивом. Поэтому в качестве реакций на РА-директив имплицитные РА представляют собой согласия или отказы, но относящиеся не к директивному (как в случае с предложением услуги), а к комиссивному типу. Если предложение услуги считается волюнтаривным РА, подготавливающим обязательство адресанта (*ANBIETENZU-tun*), то согласия- и отказы-комиссивы – пермиссивным (*ANBIETENZUZulassen*) [274, с. 67].

При этом отказы демонстрируют большую частотность (67,4%), чем согласия (32,6%).

4.1.3.1. Отказ. Под отказом на директив понимается такой реактивный РА, в котором адресант отказывается выполнять действие, предсказуемое в инициальном РА. Следовательно, отказ на директив является комиссивным РА, в котором отрицается действие инициального директива: $K(\sim p)$, и представляет собой неподдерживающую реакцию.

Вывод импликатуры РА-отказов демонстрирует следующие **семантические типы**: причина отказа, отрицание пресуппозиции, отсылка к общему знанию, несовместимость действий адресанта, отрицательная оценка инициального РА, информирование. Первый тип – наиболее частотный (25,9%), **причина отказа**, вкладывается в три семантические **модели импликатур**:

- *Es ist nicht nötig, weil p* (Нет необходимости, потому что...)

Эта модель характерна для реакций на РА просьбы (103) и предложения совместного действия (104):

(103) [Медсестра уговаривает Михаэля отключить жену от аппарата искусственного дыхания]

Die Schwester zog ihn mit sanfter Gewalt aus dem winzigen Raum. „Nehmen Sie doch Rücksicht! Bitte, Herr Röhrdanz. Gönnen Sie ihr Ruhe“.

„Aber Sie hört mich! Sie ist am Leben! Sie braucht mich...“ (+> Es ist nicht nötig, weil sie mich hört und braucht +> Deshalb gönne ich ihr keine Ruhe) (Lind, „Der Mann, der wirklich liebte“, S. 69)

ИХ: $D(p)$

PX: $A(q) +> A(p',q) \& K(\sim p)$

(104) [После прогулки в горах Пат плохо себя чувствует]

„Wollen wir nicht lieber einen Schlitten nehmen?“ fragte Köster.

„Ich halte es schon aus“, sagte Pat. (+> Es ist nicht nötig, weil ich es aushalte +> Deshalb werden wir keinen Schlitten nehmen) (Remarque, „Drei Kameraden“, S. 291)

ИХ: $D(p)$

PX: $A(q) \rightarrow A(p', q) \ \& \ K(\sim p)$

- ***Es ist nicht möglich, weil p*** (Это невозможно, потому что...)

Эта модель характерна для реакций на предложения совместного действия:

(105) [Полицейский отказывается от предложения коллеги поехать вместе на задание]

– *Ich meine, wie ein Kollege. Ich informiere und möchte wenigstens dabei sein. Wir fahren morgen dorthin. Wie findest du das?*

– *Du bist erstklassiger Kollege, ich weiß. Aber ich habe schon einen Partner. (+> Es ist nicht möglich, weil ich schon einen Partner habe +> Deshalb fahre ich dorthin ohne dich)* („Whitchblade“)

ИХ: $D(p)$

PX: $E(q) \ \& \ A(q) \rightarrow A(p', q) \ \& \ K(\sim p)$

- ***Es hat keinen Zweck, weil...*** (Это не имеет смысла, потому что...).

Данная модель встречается в реакциях на предложения действия собеседника:

(106) [Друзья решают, как избавиться от тела]

„Außerdem hinterlasse ich überall Reifenspuren, wenn ich mit dem Wagen in den Wald fahre. Lass dir was Besseres einfallen!“

„Du könntest sie ins Wasser werfen. Du fährst nachts in die Innenstadt, parkst auf einer Brücke und wirfst sie runter“.

„Dabei könnte mich jemand beobachten“ (+> Es hat keinen Zweck, weil mich dabei jemand beobachten kann +> Deshalb werde ich sie nicht ins Wasser werfen) (Ecker, „Madonna“, S. 47-48)

ИХ: $D(p)$

PX: $A(q) \rightarrow K(\sim p)$

Предложение-директив (Vorschlag) отличается от предложения-комиссива (Angebot) тем, что в директиве предписывается совместное действие (104, 105) или действие адресата (106), а в комиссиве (предложении услуги) – действие самого адресанта (95-98).

Отрицание пресуппозиции (13,8%) как семантический тип имплицатуры РА-отказа наблюдаем в РА-реакциях, например, на совет (107) и просьбу (108):

(107) [Военный врач с трудом устраивается в гражданской жизни после войны]

– *Ich weiß nicht. Teil eine Wohnung mit jemandem.*

– *Ach bitte! Wer nimmt mich als Mitbewohner? (+>> *Niemand nimmt mich als Mitbewohner* +> *Ich werde mit niemandem eine Wohnung teilen*) („Sherlock“)*

ИХ: **D(p)**

PX: **Q(q) +>> E(~q) +> K(~p)**

(108) [Гудец прячется в лесу после убийства Анны. Однажды он появляется в доме брата жены]

Alfons: *Was willst du von uns?*

Hudetz: *Ich hab mich bis heut im Wald versteckt und bin jetzt heimlich her. (Er grinst) Fürchtet euch nicht. Es hat mich keiner gesehen. (Er wird ernst, sachlich) Ich brauch einen Anzug. Zivil. Ich muß nämlich fort und das geht nicht in Uniform. (Stille). Also bekomm ich den Anzug oder nicht?*

Frau Hudetz fährt ihn an: *Was ziehst du uns da hinein zu dir?! Das wär ja Vorschubleistung. Laß meinen Bruder aus dem Spiel, du hast mich genug gequält. Laß uns in Frieden!*

Hudetz grient wieder: *Habt ihr Frieden? (+>> *Ihr habt keinen Frieden* +> *Ich lasse euch nicht in Frieden*) (Horvath, „Der jüngste Tag“, S. 577)*

ИХ: **D(p)**

PX: **Q(q) +>> E(~q) +> K(~p)**

В этих случаях реактивный РА выражен риторическим вопросом, который сигнализирует об определенном эмоциональном состоянии К2: в примере (107) К2 сетует на свою неуживчивость, в примере (108) К2 упрекает К1. Риторические вопросы демонстрируют и специальновопростительную (107), и общевопросительную (108) структуру.

Разницу между просьбой и приказом, вслед за А. Вежбицкой, мы усматриваем в том, что приказ содержит в глубинной структуре предположение, что адресат должен делать то, что хочет от него говорящий,

просьба же содержит в глубинной структуре предположение, что адресат может сделать, а может и не сделать то, чего хочет от него говорящий [40, с. 257]. Согласно Лейбницу, просящий намеревается побудить адресата сделать то, что хорошо для него (для просящего), тогда как приказывающий намеревается побудить адресата сделать то, чего он от него хочет [119, с. 499].

Такие семантические типы импликатур РА-отказа на директив, как отсылка к общему знанию, несовместимость действий и отрицательная оценка инициального РА присущи реакциям на РА-предложения совместного действия (109, 111) или действия K1 (110). **Общее знание** (17,2%) представляет собой консенсус, достигнутый в результате предыдущих обсуждений коммуникантов: (109) [Друзья приступают к выполнению задания]

Wadowski atmete in die Sprechmuschel.

„Ich habe die Birne der Kofferrauminnenbeleuchtung schon rausgeschraubt“, sagte ich. „Warten wir, bis es dunkel wird?“

„Darüber haben wir doch vorhin lang und breit diskutiert“. (+> Wir warten nicht, bis es dunkel ist) (Ecker, „Madonna“, S. 66)

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +> K(~p)**

Несовместимость действий (13,8%), выраженных в инициальном и реактивном РА, обуславливают отрицание действия, предсцируемого автору инициального РА. В следующем примере она активизируется с помощью градуальной частицы *nur*, ограничивающей сферу действий адресата:

(110) [Тинко любит наблюдать за играми других детей, но не принимает в них участия]

– *Tinko, willst du bei uns mitmachen? – fragen mich die Jungen Pioniere am nächsten Nachmittag.*

– *Ich will nur zugucken. (+> Ich werde nicht mitmachen) (Strittmatter, „Tinko“, S. 194)*

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +> K(~p)**

Отрицательная оценка (19%) инициального РА К2 реактивного РА предложения маркируется эмоционально-оценочной лексикой, реализуется сопутствующая иллокуция экспрессивности. Так, в следующем дискурсивном фрагменте К2, используя негативно окрашенную лексику, характеризует его предложение как глупое, имплицитно отказ:

(111) [В центре города начинаются беспорядки, но друзья решают остаться]

„Na, ich weiß nicht... Sollen wir nicht lieber abhauen?“

„Meinetwegen?“ *fragt Irma.* „Sei bloß nicht blöd, Heinz!“ (+> *Wir werden nicht abhauen*) (Fallada, „Der eiserne Gustav“, S. 293)

ИХ: **D(p)**

PX: **E(q) +> K(~p)**

Информирование (12,1%) собеседника как посылку для конструирования имплицатуры с директивной иллокуцией наблюдаем в реакциях на директив, являющихся реакциями на комиссив – предложение услуги. Например, предложение выпить от хозяина дома (Бруно) гостя воспринимает как предложение услуги – она ожидает, что Бруно принесет ей пива, но в ответ тот сообщает ей о местонахождении пива, давая понять, что его она должна принести себе сама:

(112) [Вечеринка в квартире у Бруно]

Bruno: *Weißwein? Rotwein?*

Corinna: Ein Bier. (+> *Gib mir ein Bier*)

Bruno: *Bier.* Bier ist im Kühlschrank. (+> *Ich bringe dir kein Bier +> Nimm Bier selbst aus dem Kühlschrank*)

Corinna: *Und wo ist der Kühlschrank?* (Schertenleib, „Radio Kaschmir“, S. 318)

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +> K(~p) & D(r)**

Имплицитная директивная иллокуция характерна только для одного семантического типа вывода имплицатуры – информирования К1 о положении дел, с которым связывается предсказуемое ему будущее действие. В

остальных случаях реакций на директив имплицитной является комиссивная иллокуция.

Таким образом, имплицитные РА-отказы на директив являются непредпочитаемыми реакциями, содержат имплицатуры шести семантических типов (причина отказа, отрицание пресуппозиции, отсылка к общему знанию, несовместимость действий K2 и K1, отрицательная оценка инициального РА, информирование) и имплицитную комиссивную либо директивную иллокуцию, выраженную на основе эксплицитной асертивной иллокуции с возможной сопутствующей экспрессивной иллокуцией.

4.1.3.2. Согласие. Под согласиями на директив понимаются такие РА, в которых адресант соглашается выполнить действие, предсказуемое ему в инициальном РА-директиве. Следовательно, согласие на директив является комиссивным РА, в котором адресантом подтверждается выполнение им действия инициального директива: **$K(p)$** .

Вывод имплицатуры РА-согласия на директив основывается на таких **семантических типах**: позитивное отношение к предсказуемому действию, причина согласия, заверение в искренности, генерализация, условие согласия.

Позитивное отношение к предсказуемому действию (32,1%) предполагает эксплицитно выражаемый РА экспрессив, на основе которого конструируется имплицатура с комиссивной иллокуцией, например, как реакция на приглашение на танец:

(113) [Герцогиня приглашает своего спутника на танец]

„Oder Sie, Don Juan?“ *Der Marqués, auf seine stutzerhafte Art, erwiderte sogleich:*
 „Nichts lieber als das, Herzogin!“ (+> *Ich werde gerne mit Ihnen tanzen*)
 (Feuchtwanger, „Goya“, S. 379)

ИХ: **$D(p)$**

РХ: **$E(q) +> K(p)$**

Причина согласия (10,7%) представлена в следующем дискурсивном фрагменте:

(114) [Ева не хочет, чтобы Торстен ухаживал за ее дочкой]

„Du hast doch nichts dagegen, wenn ich mit deiner Tochter einen Tanzkurs in Düren mache?“ rief er hinter ihr her.

„Nein“, rief Eva zurück. „Solange es beim Tanzkurs bleibt!“ (+> Du musst mit ihr nur tanzen)

Thorsten lehnte sich ans Treppengeländer: „Sie ist fünfzehn! Viel zu jung für mich!“ (+> Deshalb bleibt es beim Tanzkurs) (Lind, „Die Champagner-Diät“, S. 205)

I: D(p)

R: A(q) +> K(p)

K2 может дать адресату обещание выполнить то, о чем K1 его просит (например, не пить много в гостях и уйти домой пораньше, как в следующем дискурсивном фрагменте), заверяя его в своей искренности, т.е. **эксплицируя условие искренности** РА комиссива (17,9%):

(115) [Муж и жена собираются вечером в кафе]

Anni: *Willst es unbedingt haben, daß ich mitgeh?*

Heinz: *Man kann niemandn zu seinem Glück zwingen.*

Anni: Wennst es mir versprichst, daß du ned mehr wie zwei Maß trinkst und mir um zwölfte gehen.

Heinz: An etwas anderes is nicht gedacht. (+> Ich verspreche) (Kroetz „Oberösterreich“, S. 388-389)

IX: D(p)

PX: A(q) +> K(p)

Генерализацию (14,3%) как семантический вид имплицатуры РА-согласия с директивом наблюдаем в реакциях-согласиях на РА просьбы. Например, K2, опытный следователь, в ответ на просьбу охранника дает обещание убрать за собой после обыска в доме убитого, в качестве основания приводя довод о том, что все сыщики не являются вандалами:

(116) [Сыщики проводят обыск в доме убитого]

„Bringen Sie das wieder in Ordnung?“ fragte der Hausmeister besorgt. „Wir sind ja keine Vandalen“, entgegnete Taureau. Und so machten wir uns daran, Monsieur

Chapelets Bett zu richten, obwohl er es nie wieder benutzen würde. (+> Wir bringen das wieder in Ordnung) (Evertier, „Man stirbt nicht ungefragt“, S. 121)

ИХ: $Q(p) \rightarrow D(p)$

PX: $A(q) \rightarrow K(p)$

Указанные семантические типы вывода имплицатуры демонстрируют поддерживающую реакцию на директив, поскольку согласие является ожидаемой и предпочитаемой автором директива реакцией. Зафиксированы также отсроченные реакции на директив, которые имеют место в случае выражения **условия согласия** (25%): в форме побудительного или повествовательного предложения с наречием *zuerst* (117) или эллиптического условного придаточного четвертой модели (118):

(117) Willy steht von seiner Arbeit auf, geht zum Ofen, setzt Wasser auf. Geht zu Martha: Jetzt bist wieder da. Berührt sie. (+> *Lass uns lieben*)

Martha: Wasch dich zuerst. Bist schmutzig. (+>> *Wir lieben uns, wenn du dich zuerst wäschst*) (Kroetz, „Heimarbeit“, S. 66)

ИХ: $D(p)$

PX: $D(q) \rightarrow K(p)$

(118) [Разговор брата и сестры]

„Hast du mein Handyladekabel gesehen?“

„Nö.“

„Kann ich deines ausleihen?“

„Wenn du es irgendwo findest.“ (+>> *Du kannst meines ausleihen*) (Mayer „Morgen wirst du sterben“, S. 22)

ИХ: $D(p)$

PX: $A(q) \rightarrow K(p)$

Таким образом, при согласии с РА директивом K2 выражает имплицитную комиссивную иллокуцию на основе эксплицитной ассертивной, директивной и экспрессивной иллокуции. РА с имплицатурами таких семантических типов, как позитивное отношение к предсцируемому действию, причина согласия, заверение в искренности и генерализация, являются поддерживающей

реакцией, РА с имплицатурой, основанной на констатации условия согласия, являются отсроченной реакцией.

4.1.4. Реакции на речевой акт ассертив. Под ассертивом (иначе – констативом, репрезентативом, ассерцией, аффирмацией, информированием [291, с. 201]) мы понимаем тип РА, который служит выражению известной и неизвестной адресату информации, выраженной в пропозиции, которая может быть любого типа, при этом он не относится к институциональным актам и не выражает психологических состояний [348, с. 282]. Ведущий мотив адресанта ассертива – «желание изменить тезаурус адресата в отношении его энциклопедических или ситуативных знаний» [73, с. 15].

При реализации РА ассертивного типа интенция адресанта состоит из иллокутивной цели представить некоторое положение вещей как истинное и перлокутивной цели побудить адресата поверить в эту истинность [22, с. 209-210]: «ассерция p означает презентацию пропозиции p как истинной» [313, с. 837]. При этом адресант соблюдает правило последовательности: считая истинной пропозицию, он считает истинными все имплицатуры, выводимые из данной пропозиции [157, с. 72]. Пропозициональное условие состоит в том, что пропозиция p может иметь любой вид [291, с. 203]. В подготовительные условия успешности ассертивных РА входят следующие: а) адресант считает (убежден), что p ; б) адресант имеет основания считать, что p ; в) адресат не знает, что p [156, с. 310-311; 291, с. 202].

Условие искренности РА ассертивного типа предполагает специфическую пропозициональную установку, которая состоит в том, что в контексте произнесения высказывания адресантом дополнительно утверждается факт действительного знания или уверенности: «ассерция p означает репрезентацию своей веры, что p » (докзастичекая ассерция) и «ассерция p означает репрезентацию своего знания, что p » [313, с. 846].

В случае РА, представляющих собой реакции на ассертивы, наблюдается подтверждение адресатом положения дел, выраженного в РА адресанта, либо

возражение, предполагающее иную точку зрения адресата. Возражение адресата часто содержит аргументы, опровергающие положение дел, утверждаемое адресантом, что является проявлением причинно-следственных связей в речеактовой семантике.

При этом удельный вес возражений на ассертив равен удельному весу подтверждений – по 50%.

4.1.4.1. Возражение. Под РА возражения понимаем РА, являющийся неподдерживающей реакцией на РА ассертив, т.к. он отрицает его пропозицию. Выделяем два типа возражения – эмоциональное и рациональное.

Эмоциональное возражение (26,7%) представляет собой эмоциональное выражение неверия в положение дел, представленное пропозицией инициального РА ассертива – сообщения (119), мнения (120) и констатации (121):

(119) [Друзья обсуждают событие, недавно произошедшие в лагере]

„*Olof hat ein neues Lieblingsspiel: Kürbisjagd*“.

„*So neu ist das nun auch nicht*“.

„*Verrückt ist nur, Knud will plötzlich mitmachen*“.

„*Knud und Olof wollen zusammenarbeiten? Glaubst du an den Weihnachtsmann?*“

(+>> *Du glaubst an den Weihnachtsmann nicht* +> *In der Tat will Knud nicht mitmachen* +> *Er lügt*) (Reich, „Sinobara“, S. 83)

ИХ: **A(p)**

PX: **Q(q) +>> A(~q) +> A(r) +> A(s)**

(120) [Разговор об остановившихся часах]

Eduard: *Und für Mutter ist es eben ein Stück Erinnerung, das lebt – und an die Zeit wahrscheinlich, als sie glücklich war.*

Ilse: *War sie jemals glücklich?*(+>> *Sie war nie glücklich*)

Eduard: *Ilse –*

Ilse: *Das möchte ich bezweifeln.*

Eduard: *Wieso?*

Ilse: So glücklich wie ich vielleicht. (+> *Ich war nie glücklich*) (Michelsen, „Feierabend 2“, S. 195)

ИХ: **A(p)**

PX: **Q(q) +>> A(~q)**

(121) [В суде. Стрелочник Гудец обвиняется в халатности, из-за которой произошло крушение поезда]

Hudetz: Ich bin nicht schuld.

Staatsanwalt ironisch: *Sondern?*

Hudetz: Ich nicht.

Staatsanwalt wie zuvor: Vielleicht der große Unbekannte? (+>> *Das ist nicht der große Unbekannte & Ich glaube Ihnen nicht & Sie sind schuld*)

Hudetz: *Vielleicht.* (Horváth, „Der jüngste Tag“, S. 547)

ИХ: **A(p)**

PX: **Q(q) +>> E(~q) +> A(r) +> E(s)**

В данных дискурсивных фрагментах индикатором импликатуры является эмотивный риторический вопрос, из переосмысленной пропозиции которого выводится импликатура, отрицающая истинность пропозиции инициального РА (120) либо ставящая под сомнение честность собеседника (121) или третьего лица (119).

Рациональное возражение (73,3%) предполагает экспликацию причины, логического аргумента, который нивелирует положение дел, представленное в инициальном РА – констатации (122), предположении (123), мнении (124), лжи (125):

(122) [Компьютер Евы ломается и ни она, ни Леони не могут его починить]

„Papa kann das bestimmt reparieren“.

„Wenn Papa nicht in Hamburg wäre!“ (+>> *Papa ist jetzt in Hamburg +> Deshalb stimmt das nicht, er kann das nicht reparieren*) (Lind „Die Champagner-Diät“, S. 233)

ИХ: **A(p)**

PX: **A(q) +>> A(~p)**

(123) [Идет расследование сильного взрыва в центре города]

– Das war eine Granate.

– Dafür war die Explosion zu stark. (+> Deshalb stimmt das nicht, das war keine Granate) („Whitchblade“)

ИХ: **A(p)**

PX: **A(q) +> A(~p)**

(124) [Ночного портье выгоняют с работы, поскольку он не справляется со своими обязанностями – спит на рабочем месте и много пьет]

„Klar. „Wir versuchen es weiter zusammen“ ist ein Versprechen. Das klingt auch mehr nach Barbara Peters. Sie ist nämlich nett.

„Nett? Dazu ist sie zu schön.“ (+> Deshalb stimmt das nicht, sie ist nicht nett) (Suter, „Der Teufel von Mailand“, S. 102)

ИХ: **A(p)**

PX: **A(q) +> A(~p)**

(125) [Соня подозревает Боба в измене]

„Woher hast du die Kratzer?“

„Welche Kratzer?“

„Auf dem Rücken“.

„Die müssen von dir sein.“

„Ach, Bob. Masseurinnen tragen ihre Nagel kurz.“ (+> Ich trage meine Nägel kurz +> Deshalb stimmt das nicht, die Kratzer können nicht von mir sein +> Du lügst) (Suter, „Der Teufel von Mailand“, S. 253)

ИХ: **A(p)**

PX: **A(q) +> A(~p) & E(r)**

В данных дискурсивных фрагментах экспликацию второй импликатуры в цепочке можно начать со слов *Deshalb stimmt das nicht* – адресант таким способом выражает свое несогласие с положением дел инициального РА. В примере (125), помимо возражения, К2 обвиняет К1 во лжи на основании логического рассуждения, представленного в импликатуре, – реализуется имплицитный РА экспрессив.

Таким образом, РА возражения, реализующийся в качестве неподдерживающей реакции на РА ассертив, имеет два вида: а) эмоциональное возражение, состоящее в выражении неверия в положение дел, представленное пропозицией инициального РА, и б) рациональное возражение, предполагающее экспликацию логического аргумента, нивелирующего положение дел, представленное в инициальном РА. При этом реализуется имплицитный экспрессив или ассертив.

4.1.4.2. Подтверждение. Под РА подтверждения понимаем РА, являющийся реакцией на РА ассертив и подтверждающий его пропозицию. Адресант разделяет эпистемическую (знание) или докзастическую (вера) пропозициональную установку собеседника относительно положения дел, выраженного в пропозиции инициального РА. Как указывает Л.М. Михайлов, назначение реактивного высказывания в РА ассертивного типа сводится к тому, что, следуя за инициальным ходом, оно имеет характер добавочного сообщения, уточнения, пояснения и развития содержания [139, с. 62-63].

Подтверждая истинность пропозиции инициального РА, адресант реализует поддерживающий реактивный РА, поскольку собеседник выражает веру в передаваемое положение дел. Зафиксированы **две разновидности имплицатуры** подтверждения: имплицитные ассертив и директив, выражаемые на основе эксплицитного ассертива.

В случае **имплицитного ассертива** адресант стремится вложить в свое высказывание новое для собеседника положение дел, выражая свое сообщение имплицитно, в имплицатуре. Например, реагируя на констатацию факта о том, что уволенная сотрудница кнопочной фабрики Джин никогда больше не придет на фабрику и не прислонится к данному подоконнику, адресант (Энн) вкладывает в имплицатуру информацию о том, что Джин умерла (покончила собой), эксплуатируя семантику частицы *auch* и отрицательного местоимения *keinem*:

(126) [Энн узнала, что Джин покончила жизнь самоубийством, потому что ее уволили с фабрики]

Rosie: Natürlich wird Jean nie mehr an diesem Fenster lehnen. Weil sie nicht mehr kommt.

Ann: Jean wird auch sonst an keinem Fenster lehnen. (+>> Sie ist tot)

Rosie: Weshalb nicht?

Ann: Weil sie nicht mehr da ist.

Rosie: Nicht mehr da!

Ann: Nein, nicht mehr da, nicht hier und auch nicht unter auf der Straße. (Aichinger, „Knöpfe“, S. 52)

ИХ: **A(p)**

PX: **A(q) +>> A(r)**

В дальнейшем разговоре Энн использует сообщение собеседника о том, что он очень хотел видеть Джин, для того, чтобы передать в имплицатуре сообщение о запуске в производство новой пуговицы, которая была важна для покойной:

(127) [На кнопочной фабрике работницы обсуждают самоубийство Джин]

Ann dringend: Und weil Jean nicht mehr kam.

John: Lass es genug sein. Ich weiß nicht, weshalb es mir vor drei Tagen noch so wichtig schien, sie zu sehen.

Ann: Vielleicht, weil heute der Knopf schon da ist. Tomatenfarbig. (+> Heute ist der neue Knopf da)

John: Tomatenfarbig? (Aichinger, „Knöpfe“, S. 47)

ИХ: **A(p)**

PX: **A(q) +> A(q')**

Подтверждение может иметь вид конкретизации в виде эллиптического предложения, дополняющего пропозицию инициального РА:

(128) [Арно пригласил свою секретаршу Янне на дачу]

Janne: Sie sind eben ein richtiger Draufgänger.

Arno: Ja, man wird alt.

Janne: Und vergesslich. (+> Sie haben gesagt, dass Sie ein paar Freunde einladen)

Arno: Wieso?

Janne: Haben Sie gestern nicht gesagt, daß Sie noch ein paar Freunde einladen?
 (+>> Sie haben gestern gesagt, daß Sie noch ein paar Freunde einladen & Sie haben keine Freunde eingeladen +> Sie haben gelogen) (Bieler, „Drei Rosen aus Papier“, S. 24)

ИХ: **A(p)**

PX: **Q(~q) +>> A(q) & A(r) & E(s)**

В случае **имплицитного директива** K2 констатирует факт, из которого следует побуждение K1 к действию, которое K2 считает целесообразным в связи с пропозицией инициального РА, например:

(129) paul: ich habe hunger.

maria: die würlstchenbude ist nicht weit. (+> Geh und kauf dir was!)

paul: *bloss nicht.* (Harbecke, „der himmel ist weiss“, S. 160)

ИХ: **A(p)**

PX: **A(q) +> D(r)**

Таким образом, подтверждение представляет собой поддерживающую реакцию на РА ассертив и является имплицитным РА ассертивом или директивом, выражаемым на основе эксплицитного ассертива или квеситива.

4.1.5. Реакции на речевой акт экспрессив. Под экспрессивами вслед за Дж. Сёрлем понимаем такие РА, иллокутивная цель которых – выразить психическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения дел, которое определено в рамках пропозиционального содержания [22, с. 253], которое может представлять любую пропозицию [348, с. 283].

Адресант, реализующий РА экспрессивного типа, может проявлять две перлокутивные цели – освобождение от своих эмоций (катарсис) и стремление определенным образом повлиять на чувства адресата (реже, третьего лица) [22, с. 227], поскольку ведущим мотивом адресанта экспрессива является «спонтанно возникающая потребность выразить эмоции», «спонтанно

возникающая или осознанная потребность реагировать» на нарушение или следование нормам поведения или на социальные действия адресата [73, с. 15].

Среди экспрессивов на основании вариативности условий успешности выделяются **три иллокутивных подтипа** – эмотивы (выражение эмоций), эвалюативы (оценка действий адресата), бехабитивы (этикетное выражение отношения к адресату) [22, с. 228-229]. Импликатурных реакций на бехабитив (поздравление, соболезнование, благодарность и т.п.) в нашем корпусе не зафиксировано. Это можно объяснить клишированным, этикетным характером выражения данного подтипа, что предполагает реакцию также этикетной формы, минимизирующей вероятность импликатуры.

Как показывает наш корпус, высказывания с импликатурами наиболее характерны для РА эвалюативов, в частности, негативно-эвалюативных, в которых адресат оценивается адресантом негативно (осуждение, пристыживание, порицание, критика, укор, упрек, обвинение) [43; 65]. В цели нашего исследования не входит изучение инициальных РА, поэтому мы не разграничиваем упрек, обвинение, осуждение и т.п. и квалифицируем такие РА условно как обвинение.

По данным Юлианы Хаузе, в немецкой лингвокультуре говорящие чаще реализуют упреки и обвинения в инициальных ходах, чем в реактивных [286, с. 83]. При этом адресант ожидает от адресата признания своей вины, извинения, покаяния – такой реактивный РА считается поддерживающей реакцией на данные эвалюативы. В реактивных ходах нами зафиксированы такие имплицитные РА – **подтверждения обвинения** (10%), например:

(130) [Главный герой убивает брата своей знакомой]

– *Du hast ihn getötet. Du hast ihn getötet!*

– *Jetzt weißt du, warum man mich einen „Mörder“ nennt. (+> Ich habe ihn getötet)*
(„Van Helsing“)

ИХ: **E(p)**

PX: **A(q) +> A(p)**

Данная реакция не является эмоциональной, поэтому относим имплицитный РА подтверждения вины к асертивному типу. Другие типы реакций – оправдание, ответное обвинение, опровержение, ответный эмотив – являются неподдерживаемыми, поскольку для адресанта они являются не предпочитаемыми.

РА **оправдания** (35%) представляет собой несогласие с обвинением, негативной оценкой собеседника и приведение доводов, доказательств, опровергающих его мнение: говорящий признает свое действие, однако снимает с себя вину указанием на определенные обстоятельства. Оправдание может быть как эмотивным (131), так и асертивным РА (132):

(131) [Брат главной героини оказывается оборотнем]

– *Und trotzdem wollten Sie ihn umbringen?*

– *Er ist ein Werwolf, er wird Menschen töten.* (+> *Und trotzdem wollte ich ihn umbringen*) („*Van Helsing*“)

ИХ: **E(p)**

PX: **E(q) +> A(p)**

(132) [Отец (Ляйпер) пообещал сыну переписать на него фирму, если тот перестанет встречаться с дочерью его конкурента Зиглиндой]

Sorm: *Du hast versprochen, wenns hält zwischen der Sieglinde und mir, machst du keine Schwierigkeiten, und* – (+> *Du machst Schwierigkeiten*)

Leiper: *Kann ich riechen, daß es hält?* (+>> *Es hält nicht zwischen euch* +> *Deshalb mache ich Schwierigkeiten*)

Sorm: – *und ich krig den Betrieb.*

Leiper: *Das Geschäft kriegst du.* (Sperr, „*Landshuter Erzählungen*“, S. 270)

ИХ: **E(p)**

PX: **Q(q) +>> A(~q) +> A(p)**

Несогласие K2 с обвинением K1 могут вызвать **ответное обвинение** (25%), которое относится к экспрессивному – эвалюативному – типу, хотя может тоже быть эмотивным (133) и неэмотивным (134):

(133) [Амина и Кегат в бассейне, Кегат прыгнул с вышки и упал на Амину, которая плыла в этот момент в бассейне]

„*Sie Idiot!*“ *sagte sie mühsam.*

„*Guten Tag!*“ *antwortete Kehat.*

„*Warum müssen Sie gerade springen, wenn ich unten vorbeischwimme?*“

„*Warum müssen Sie schwimmen, wenn ich springe? Wo kamen Sie überhaupt her?*

(+>> Sie schwammen, wenn ich absprang +> Sie sind selbst schuld) *Als ich absprang, war das Becken leer.*“

„*Ich paddelte unter dem Turm. So etwas Idiotisches! Ich hätte tot sein können!*“

„*Wir beide.*“

„*Ihre Schuld!*“ *Sie blitzte ihn an. (Konsalik, „Liebe auf dem Pulverfaß“, S. 8)*

ИХ: **Q(p) +>> E(p)**

РХ: **Q(q) +>> E(q)**

(134) [Близнецы (дочери Йоганны), пытаются выяснить, кто будет кататься на роликах Макса, они начинают ссориться]

„*Zuerst müssen wir auszählen, wer als Erste mit Markus' City-Roller losflitzen darf*“, *kommandierte Birgit und fing bereits mit dem Auszählvers bei sich an.*

„*Typisch Egoist*“, *schimpfte Beate, „du weißt sehr gut, dass ich verliere, wenn du bei dir beginnst.*“

„*Und mit wem hättest du angefangen?*“, *fragte Birgit scheinheilig. (+>> Du hättest auch mit dir selbst angefangen) (Bloom, „Rosen in Sankt Johannis“, S. 166)*

ИХ: **E(p)**

РХ: **Q(q) +>> E(q')**

Если К2 не согласен с негативной оценкой своих действий собеседником, он может возражать против его упрека или обвинения, тогда реализуются РА **опровержения** (20%), которые тоже могут быть как эмотивами (135), так и ассертивами (136):

(135) [Полицейский находит старую книгу, по которой совершаются серийные убийства]

- Das letzte Opfer hieß zwar Debra, nicht Diedra, aber sie ist sowohl erdrosselt, als auch erstochen worden.
- Unfassbar!
- Und dann reißen Sie die letzte Seite dieser Geschichte daraus?
- Denken Sie, dass ich ein einzigartiges Dokument verstümmelt habe? Für was ein Monster halten Sie mich? (+>> Ich habe die letzte Seite dieser Geschichte nicht daraus gerissen) („Whitchblade“)

IX: $Q(p) +> E(p)$

PX: $Q(q) +>> E(\sim p)$

(136) [Обсуждается вопрос о том, почему работники переходят в фирму-конкурента]

Sorm: *Es geht nicht immer um Geld. Er hat mehr zu bieten. Und: verbietet er seinen Arbeitern vielleicht, daß sie in die Gewerkschaft eintreten?* (+>> Er verbietet seinen Arbeitern nicht, dass sie in die Gewerkschaft eintreten & Du verbietest deinen Arbeitern, dass sie in die Gewerkschaft eintreten)

Laiper: Hab ich das getan? (+>> Ich hab das nicht getan) (Sperr, „Landshuter Erzählungen“, S. 270)

IX: $Q(p) +>> A(\sim p) \& E(q)$

PX: $Q(q) +>> A(\sim q)$

Как видно из приведенных примеров, в большинстве случаев высказывание-носитель импликатуры в реактивном ходе имеет форму риторического вопроса (132-136), риторического утверждения (137) или риторического побуждения (138):

(137) [Отец-тиран придирается к дочери]

Eva: *Du hast doch gesagt, dass ich von heute ab den billigsten –*

Szamek unterbricht sie: Weil wir sparen müssen – spa-ren! (+> Du sparst nicht) *Vergiß das nicht gefälligst!*

Eva: Als tät ich nicht sowieso sparen. (+>> Ich spare eben) (Horvath, „Hin und Her“, S. 217)

IX: $E(p, q)$

PX: $A(\sim q) +>> E(p)$

(138) [Йоганна разговаривает с дочерьми-близнецами о школе]

Die Mädchen fielen wie Furien über sie her. „Mama, das ist unmöglich, das ist ganz gemein von dir. Du hast überhaupt kein Interesse an deinen Töchtern, sonst hättest du mit allen Lehrern, aber wirklich mit allen gesprochen!“

„Hätte ich dabei etwas erfahren, was ihr mir nicht auch selbst mitteilen könntet?“, fragte ihre Mutter ungerührt zurück.

„Das nicht“, gab Beate zu, „aber es wäre doch interessant gewesen, wie die Pauker es sehen.“

Johanna blickte erstaunt in die Runde. „Für wen interessant? Vielleicht für euch? Da gibt es ein einfaches Mittel. Fragt einfach selbst eure Lehrer, was sie von euch halten! Mir liegt euer Gezanke nach dem letzten Elternabend immer noch im Magen. Deshalb habe ich beschlossen, dieses Jahr darauf zu verzichten. (+> Das wäre nur für euch interessant gewesen & Eure Lehrer halten nicht viel von euch)“ (Bloom, “Rosen in Sankt Johannis” S. 247-248)

ИХ: $E(p, q)$

PX: $Q(q) \& D(r) \& E(s) +> A(t) \& E(u)$

Данный пример иллюстрирует последний тип неподдерживающих реакций на РА обвинения – выражение эмоций, **ответный эмотив** (5%). Импликатурный способ репрезентации эмоций считается малоизученным феноменом в лингвопрагматике [41, с. 1].

Ответная эмоциональная реакция – выражение недовольства, возмущения, гнева, раздражения и других негативных эмоций, направленных на собеседника, характеризуется обилием речевых средств выражения эмоций – экспрессивно-оценочной лексикой, междометиями, модальными частицами, восклицательными, эллиптическими предложениями, риторическими структурами.

Инициальными РА эмотивами, которые вызывают реактивные высказывания с импликатурами, являются выражения положительных (радость,

восхищение, удивление и т.п.) и отрицательных эмоций (огорчение, расстройство, гнев, возмущение и т.п.).

В качестве поддерживающих реакций на РА отрицательные эмотивы зафиксированы имплицитные РА **утешения** (5%). К2 пытается утешить К1 и вселить в него уверенность, приводя обоснованные доводы своей позиции и указывая на объективную реальность, например:

(139) [Ева подозревает, что она переписывается со своим коллегой по фитнес-клубу, очень неприятным человеком]

„Habe ich mir zehn Wochen lang mit einem Psychopaten Liebesbriefe geschrieben? O Fährmann, ich schäme mich so!“

„Also Eva, jetzt mach mal halblang. Du hast ja gar keine Beweise dafür, dass es Joachim ist. Weißt du, wie viele Seemänner es auf der Welt gibt?“ (+>> Es gibt viele Seemänner +> Das ist nicht Joachim +> Du solltest dich nicht schämen) (Lind, „Die Champagner-Diät“, S. 126)

ИХ: **E(p,q)**

РХ: **Q(r) +>> A(r) & D(s,~q)**

Утешающий К2 пытается повлиять на эмоциональную сферу К1, поэтому квалифицируем РА утешения как имплицитные директивы.

В качестве поддерживающих реакций на РА положительные эмотивы зафиксированы РА **эмотивы** – выражение ответной радости, восхищения, например:

(140) [Джеймс и доктор Фройнд обсуждают Мартина, сына Джеймса]

„Haben Sie gesehen?“ Doktor Freunds Stimme klang glücklich.

„Er hat die Klappe nicht abgerissen! Er hat sie geöffnet und wieder geschlossen, um sein schönes Pult nicht zu beschädigen“. (+> Ich habe das gesehen) (Simmel, „Ich gestehe alles“, S. 268)

ИХ: **E(p)**

РХ: **A(q) & A(r) +> E(p)**

Таким образом, среди имплицитных реакций на РА экспрессив выделяем реакции на негативный эвалюатив (обвинение) и реакции на эмотив

(выражение эмоций). РА обвинения может вызывать поддерживающую реакцию – подтверждение, и неподдерживающую – оправдание, ответное обвинение, опровержение, ответный эмотив. РА выражения отрицательных эмоций предполагает поддерживающую реакцию – РА утешения, РА выражения положительных эмоций – поддерживающую эмотивную реакцию. При этом реактивные высказывания с импликатурами реализуют имплицитные РА ассертивы, экспрессивы и директивы на основе эксплицитных ассертивов, директивов и квеситивов (риторических вопросов).

Иллокутивные свойства высказываний с импликатурами суммированы в таблице К Приложения.

4.2. Дискурсивно-стратегические свойства высказываний с импликатурами в реактивных ходах

На современном этапе развития лингвопрагматики анализ диалогического дискурса не представляется возможным без анализа стратегий и тактик, которые используют коммуниканты для достижения своих целей. Стратегический анализ осложняется тем фактом, что «коммуникативная стратегия всегда отличается гибкостью и динамикой, ведь в ходе общения она подвергается постоянной корректировке, непосредственно зависит от речевых действий оппонента и от постоянно пополняющегося и изменяющегося контекста дискурса» [135, с. 108]. Поэтому мы учитываем тот факт, что стратегии и тактики в процессе развертывания дискурса могут совмещаться. Кроме того, ученые отмечают, что создание законченной классификации стратегий и тактик является затруднительным [22, с. 89; 89, с. 105], «с каждым днем анализу исследователей подвергаются все новые стратегии и тактики» [77, с. 52].

В ходе анализа эмпирического материала было установлено, что к употреблению высказываний с импликатурами в реактивных ходах диалогического дискурса адресанта побуждают стратегии аргументации

(34,1%), вежливости (41,7%) и вуалирования (54,2%). Частотность данных стратегий и подчиненных им тактик отражает таблица Н Приложения. Сумма процентных показателей не дает 100%, поскольку стратегии и тактики способны совмещаться, поэтому встречаются дискурсивные фрагменты, относящиеся сразу к двум группам.

4.2.1. Стратегия аргументации. Существует много подходов к изучению аргументации как лингвистического явления, в том числе и прагмалингвистический. С точки зрения прагмалингвистики, аргументация является «особенной формой дискурса, которая характеризуется использованием языковых средств для решения проблем при расхождении мнений» [163, с. 22]. При этом «объектом исследования становится не комбинация посылок и выводов, сформулированных с помощью формальных смыслов, значение которых четко определено заранее, а группы высказываний, созданных носителями языка» [72, с. 9].

В случае стратегии аргументирования «основной функцией адресанта является информирование адресата о некотором положении дел (фактов, событий, мнении) с целью побудить его понять и, возможно, принять то или иное положение. Иными словами, для аргументативной ситуации характерен когнитивный диссонанс и четко выраженная прагматическая направленность на воздействие со стороны адресанта на адресата в выборе альтернатив в процессе принятия адресатом решения» [63, с. 224]. В этой связи реализация стратегии аргументации способствует оптимальному протеканию взаимодействия: «эффективная аргументация увеличивает степень согласия в принятии другой точки зрения» [77, с. 53].

И.И. Пирог рассматривает аргументацию как часть общей модели деятельности человека. При стратегии аргументации комплексные социальные представления остаются имплицитными, но определяют при этом тактики общения, «руководят» выбором языковых средств [163, с. 24]. Под аргументацией И.И. Пирог понимает «коммуникативную деятельность

субъекта в совокупности вербального, невербального и экстралингвального компонентов, целью которой является убеждение адресата путем обоснования правильности своей позиции» [163, с. 25].

К стратегии аргументации адресант прибегает зачастую в тех случаях, когда между коммуникантами возникает когнитивный или аксиологический диссонанс [27, с. 12; 93; 112], конфликтность, понимаемая как несоответствие между объемом пропозиционных знаний, которыми владеют участники коммуникации [163, с. 24].

Мы принимаем точку зрения И.И. Пирог и понимаем под стратегией аргументации когнитивную программу, предполагающую использование языковых средств для решения проблем при расхождении мнений. Аргументация характеризуется перлокутивной целью адресанта убедить / переубедить адресата в некотором положении дел при помощи приводимых аргументов. Аргументация включает тезис (отдельный РА с пропозицией 1 и иллокутивной силой 1) и аргументы (отдельные РА с пропозициями 2, 3... *n* и иллокутивными силами 2, 3... *n*) [163, с. 9].

Эмпирический материал исследования позволил установить, что реализация стратегии аргументации при помощи высказываний с импликатурами в реактивных ходах диалогического дискурса связана с тактиками обоснования и обобщения.

4.2.1.1. Тактика обоснования. Тактика обоснования (16,7%) состоит в приведении аргументов, которые доказывают, иллюстрируют, обосновывают тезис [255, с. 287]. Это информация, с помощью которой говорящий стремится объяснить причины, которые побуждают его выразить некоторое положение дел не прямо, а в имплицатуре. Прибегая к тактике обоснования, адресант пытается повлиять на адресата при помощи каких-либо аргументов для обоснования определенного положения дел реальной действительности или своего несогласия с мнением собеседника и доказать свою точку зрения. Само обоснование М.Ю. Михеев понимает следующим

образом: «Я говорю, утверждаю, высказываю А на том основании (зная или предполагая более достоверным), что Б» [140, с. 30].

При возражении – реакции на РА ассертив-предположение, К2 приводит аргумент, из которого выводится мнение, отличное от мнения собеседника. Степень убежденности К2 в своей правоте варьирует от высокой (141) к низкой (142):

(141) [Людвиг и Георг становятся свидетелями несчастного случая – человек упал с лестницы]

Der Vorsteher nickt unbehaglich. „Es ist Beste. Von einem Lungenschuß weiß ich nichts. Aber vielleicht hat der Schreck – er hatte wohl ein schwaches Herz“.

„Davon bekommt man keinen Blutsturz“, erklärt Bredius trocken. (+> Deshalb ist er nicht vor Schreck gestorben) „Was ist denn passiert?“ (Remarque, „Der schwarze Obelisk“, S. 83)

ИХ: **A(p)**

PX: **A(q) +> A(~p)**

(142) [Следователь допрашивает свидетеля о соседях убитого ростовщика]

„Sie können uns also nicht helfen?“ fragt der Hauptmann, er wartet die Antwort nicht ab, er fährt fort: „Möglicherweise handelte es sich um eine augenblickliche Verlegenheit, es ist nur eine geringe Summe, unbeträchtlich eigentlich...“

„Seine Frau arbeitet doch auch,“ stößt Pilarzyk hervor. (+> Deshalb kann er nicht bei dem Ermordeten Geld ausgeliehen haben) (Steinberg, „Ein Mann namens Nottrodt“, S. 95)

ИХ: **A(p)**

PX: **A(q) +> A(~p)**

Реагируя на РА ассертив-констатацию, К2 использует для возражения форму риторического вопроса, например:

(143) Karl Joseph: *Du bist meine Tochter. Mein eigen Fleisch und Blut. Glaubst du, ein Schurke hätte dich großgezogen und liebte dich so?* (+> *Ein Schurke könnte dich nicht lieben +> Ich bin kein Schurke*)

Edna Gruber: Warum sollten Schurken und Betrüger nicht zärtlich sein zu ihrem eigenen Kind? (+>> *Schurken und Betrüger können zärtlich zu ihrem Kind sein* +> *Du bist ein Schurke*) (Strauß, „Besucher“, S. 37)

ИХ: $Q(p) +>> A(\sim p, q)$

PX: $Q(\sim r) +>> A(r) \& E(s)$

Реагируя на РА квеситив, К2 вместо прямого ответа обосновывает свои прошлые (144), настоящие (145) и будущие (146) поступки, о которых спрашивает собеседник:

(144) [Пропадают девочки-подростки, занимавшиеся у одного и того же учителя музыки]

– Haben Sie sein Gesicht gesehen?

– Leider war es dunkel. (+> *Deshalb habe ich sein Gesicht nicht gesehen, weil es dunkel war*) („Kommissar Rex“)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) +> A(\sim p)$

(145) [Хааке собирается освободить попавшую в рабство девушку]

„Bist du's, Paul?“

„Ja, ich bin es, Wanda!“

„Hast du Geld mit? Wirst du mich frei machen?“

„Ich brauche kein Geld, um dich frei zu machen!“ antwortete er. (+> *Ich habe kein Geld, aber ich werde dich frei machen*) (G. Hauptmann „Wanda“, S. 23)

ИХ: $Q(p, q)$

PX: $A(r) +> A(\sim p, q)$

(146) [Двоюродный брат хочет драться с Воцловом]

Wozlow war überrascht. „Du willst dich mit mir schlagen?“

„Du hast meine Sippe beleidigt“, behauptete Vetter. (+> *Ich will mich mit dir schlagen, weil du meine Sippe beleidigt hast*) (Noll, „Die Abenteuer des Werner Holt“, T.1, S. 47)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) +> A(p)$

Реализация РА отказа на оффератив (147) и директив (например, просьбу – (148)) также может быть обусловлена тактикой обоснования:

(147) [Людвиг отвлекает соседа, чтобы Лиза смогла уйти домой]

„Das ist klar“, sage ich. In dem einen Satz steckt das gesamte Rüstzeug aller Demagogen der Welt. „Alles muß anders werden! Wie wäre es mit einem Bier?“

„Bier? Wo?“

„Bei Blume, um die Ecke.“

„Ich warte auf meine Frau.“ (+> Deshalb werde ich kein Bier trinken) (Remarque, „Der schwarze Obelisk“, S. 98)

ИХ: **K(p)**

PX: **A(q) +> D(~p)**

(148) [Во время последнего свидания Михаэль делает Ангеле предложение руки и сердца]

„Meine Eltern sind beide kaum älter als du“. Angela hatte ihn herausfordernd angelächelt: „Du musst meinen Vater eigentlich um Erlaubnis fragen...“ „Aber du bist volljährig!“ (+> Es ist nicht nötig, weil du volljährig bist +> Deshalb werde ich deinen Vater nicht um Erlaubnis fragen) (Lind, „Der Mann, der wirklich liebte“, S. 145)

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +> A(q') & K(~p)**

Обоснование может быть определяющим и при реализации РА согласия на директив, например, просьбу:

(149) [В лесу находят мертвую девушку. На похороны приезжает ее мать]

– Du bist alles, was ich noch habe. Bitte, verlass mich nicht.

– Ich habe nicht vor, irgendwohin zu gehen. (+> Ich verlasse dich also nicht) („The Vampire Diaries“)

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +> K(p)**

Тактика обоснования используется также при реакции на РА экспрессивы – обвинения, когда К2 усматривает в обосновании свое оправдание, например:

(150) – Hast du dem Emil die Zigarette geschenkt?

– Die habe ich übrig gehabt. (+> Ich habe sie ihm geschenkt, weil ich eine übrig gehabt habe) (Koerbl, „Alte Männer am Meer“, S.101)

ИХ: E(p)

PX: A(q) +> A(p)

Таким образом, тактика обоснования применяется при реализации РА возражения как реакции на ассертив (предположение, констатацию), непрямого ответа как реакцию на квеситив, отказа как реакцию на комиссив (оффератив) и директив (предложение), согласия как реакцию на директив (просьбу) и оправдания как реакцию на экспрессив (обвинение).

4.2.1.2. Тактика обобщения. Адресант прибегает к тактике обобщения в тех случаях, когда он стремится аргументировать свою точку зрения апелляцией к общекультурным нормам, известным всем носителям немецкой лингвокультуры, генерализируя свою точку зрения (17,4%). Т. ван Дейк понимает под обобщением такой ход, который используется «для того, чтобы показать, что (негативная) информация, только что приведенная или имеющая быть приведенной, например в случае из жизни, не просто «случайна» или «исключительна», тем самым подкрепляется возможное общее мнение» [67, с. 297].

Так, тактика обобщения помогает К2 вложить в имплицатуру непрямого ответ как реакцию на квеситив с использованием генерализирующих существительных:

(151) [Гонсало ведет себя вызывающе и Антонио вызывает его на дуэль]

„Du hast doch nicht Angst, Spanier?“ lachte Gonzalo.

Und weil in seinen Worten so ein merkwürdiger Ton von Verhöhnung lag, brauste ich auf: „Angst vor dir? Vor einem Indianer? Ein Spanier hat nie Angst!“ (+> Ich habe keine Angst vor dir, weil ich Spanier bin) Das will ich dir gleich beweisen. Los zum Azteken-Duell!“ (Traven, „Die Baumwollpflücker“, S. 49)

ИХ: Q(p)

PX: Q(p) & A(q) +> A(~p)

В следующем дискурсивном фрагменте K2, имея в виду себя, говорит о всех людях своей профессии – портье, которые вскоре достигнут пенсионного возраста:

(152) [Ночного портье увольняют с работы, поскольку он спит на рабочем месте и много пьет]

„Braucht man denn nicht überall Portiers?“

„Nicht solche, die in zwei Jahren in Pension gehen“. (+> *Mich braucht man nicht, weil ich in zwei Jahren in Pension gehe*) (Suter, „Der Teufel von Mailand“, S. 102)

ИХ: **Q(p)**

РХ: **A(q) +> A(~p)**

В приведенном дискурсивном фрагменте K2 на основании общих знаний обоих коммуникантов отрицает пресуппозицию инициального хода собеседника, а именно указывает на то, что тех, кому осталось два года до пенсии, неохотно берут на работу,

В реакциях на директив (просьба) обобщение достигается при помощи риторического вопроса с вопросительным местоимением *Wer?* (*Wer?* +> *Niemand*) (153) и неопределенно-личных местоимений (154):

(153) [Старушка заявляет в полицию о пропаже своей пожилой подруги]

– Wenn sie da ist, sollen Sie auf mich nicht böse sein.

– Wer kann auf Sie böse sein? (+>> *Niemand kann auf Sie böse sein* +> *Ich werde auf Sie nicht böse sein*) („Kommissar Rex“)

ИХ: **D(p)**

РХ: **Q(q) +>> K(p)**

(154) [Адвокат Орестеса уговаривает его брата свидетельствовать против мафиози]

„Wollen Sie nun mitmachen oder immer noch nicht?“

„Dumme Frage. Er ist mein Bruder. Alle hier wollen helfen. Aber es gibt auch Schweinehunde unter ihnen. Deswegen müssen Sie verstehen...“ (+>> *Ich will mitmachen*) (Schneider, „Hochzeit mit dem Tod“, S. 194)

ИХ: **D(p)**

PX: $E(q) \& A(r) +>> K(p)$

Тактика обобщения обуславливает также имплицитную реализацию РА согласия на оффератив, например:

(155) [Киллер выдвигает заказчику условия, на которых выполнит его заказ]

– *Jägermäschi bereute seine Entscheidung und versuchte, Jäger aufzuhalten. Aber es war zu spät.*

– *Das bedeutet...?*

– *Wenn wir diesen Raum einmal verlassen haben, ist Sara Passini eine tote Frau. Ein Zurück gibt es nicht. Den Jäger kannst du nicht mehr aufhalten. Das ist meine Bedingung.*

– *Dann ist sie eben tot.* (+> *Ich nehme die Bedingung an*) („Whitchblade“)

ИХ: $K(p)$

PX: $A(q) +> A(p)$

В следующем дискурсивном фрагменте наблюдаем применение тактики обобщения в реализации РА оправдания как реакции на РА экспрессив (обвинение). К2, чтобы оправдать свое предыдущее высказывание, которое собеседник воспринял как чересчур резкое, ссылается на обобщение в форме сентенции:

(156) [Герхард и Билле готовят празднование своего обручения]

Gerhard: *Und wenn es mal zu ruhig wird, nehme ich mir einen Krebs, und schon hast du Sorgen und Hochbetrieb.*

Bille löscht sich: *Woher weißt du, daß du nicht schon einen Krebs hast? Einen schleichenden Darmkrebs vielleicht?*

Gerhard: *Bedeutet die Ehe im Sinne des Bürgerlichen Gesetzbuches, daß man sich endlich jede Gemeinheit ehrlich sagen muß?* (+> *Du bist gemein*)

Bille: *Ja, Herr Oberaffenkopf, die Ehe ist eine endlose Sprechstunde und besteht aus zwei Ärzten und zwei Patienten – nur wer ist gerade was?* (+>> *Niemand weiß, wer ist gerade was.* +> *Ich bin nicht gemein*) (Beltz, „Die Frankfurter Verlobung“, S.97)

ИХ: $Q(p) +> E(q)$

PX: $Q(r) +>> A(s) \& A(\sim q)$

Таким образом, тактика обобщения используется при реакции на РА квеситивы в не прямых ответах, на РА директивы и офферативы в согласиях, а также на РА экспрессивы в оправданиях.

4.2.2. Стратегия вежливости. На ведущую роль вежливости в реализации имплицитных смыслов неоднократно указывают исследователи [127; 209, с. 17; 261, с. 214; 308, с. 115; 321; 349, с. 247].

Т.В. Ларина определяет вежливость как коммуникативную категорию, носящую универсальный характер и представляющую собой сложную систему специфических стратегий, которые направлены на гармоничную, бесконфликтную коммуникацию и соответствуют ожиданиям собеседника [118, с. 160].

Понятие вежливости тесно связано с понятием «лица» (англ. *face*, нем. *Image, Gesicht*) – центрального понятия в теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, которое связано с желаниями и намерениями коммуникантов. Лицо представляет собой индивидуальный, само-ориентированный (*self-orientated*) имидж, который ограничивает свободу самовыражения коммуниканта и регулируют его речь в процессе реализации РА, поскольку в дискурсе существует необходимость постоянной заботы о своём лице и о лице партнёра по коммуникации [261, с. 13]. Принцип вежливости является наиболее универсальным и общепринятым методом установления благоприятных отношений, используемым для устранения конфликтных ситуаций и «сохранения лица» в ситуациях, когда существует угроза это «лицо» потерять [69].

П. Браун и С. Левинсон выделяют «позитивное» и «негативное» лицо. В первом случае речь идет о достойном, положительном образе, на который претендуют коммуниканты в ходе речевого взаимодействия и который обеспечивает признание другими коммуникантами. Под негативным лицом П. Браун и С. Левинсон понимают желание каждого взрослого человека иметь свободу действий, недопустимость вмешательства со стороны других [261,

с. 61-62]. Сохранение негативного лица адресата определяет стратегию негативной вежливости, на сохранение позитивного лица адресата направлена позитивная вежливость. В. Беш называет их, соответственно, «вежливостью социальной дистанции» и «вежливостью сердца» [250].

Стратегия вежливости накладывает на говорящего определенные ограничения: какое семантическое содержание следует выражать, а какое – нет; какие РА уместны и какое стилистическое оформление приемлемо [89, с. 105]. В этот перечень вписывается и необходимость вкладывания в высказывания имплицитных смыслов.

Реализация имплицитных РА в реактивных ходах диалогического дискурса в рамках стратегии вежливости демонстрирует тактики ликоповышения адресата, собственного ликопонижения, намека и эвфемизации.

4.2.2.1. Тактика ликоповышения адресата. Адресант использует тактику ликоповышения адресата в тех случаях, когда хочет повысить социальное лицо адресата в его собственных глазах или в глазах третьих лиц, а также показать превосходство адресата над собой или третьими лицами (13,1%). Повышение лица адресата основывается на том, что «говорящий, прибегая к имплицитности, может извлечь для себя выгоду следующим образом: он может ставить себе в заслугу тактичное поведение; он может минимизировать риск того, что другие подумают о нем, как о сплетнике и избежать ответственности за ненамеренное причинение вреда социальному лицу адресата. При этом адресант имплицитно дает возможность адресату рассматривать его поведение как заботу о лице S (и таким образом узнать чувства H относительно самого говорящего)» [261, с. 71].

В следующем дискурсивном фрагменте К2 указывает на особенности поведения собеседника во время судебного заседания и при помощи похвалы старается повысить его лицо:

(157) „*Habt ihr von meinem Prozess gehört?*“

„Du hast sehr klug und sehr tapfer geantwortet, wurde erzählt“. (+> Wir haben darüber gehört) (Feuchtwanger, „Die Witwe Capet“, S. 97)

IX: **Q(p)**

PX: **E(q) +> A(p)**

Похвала собеседника может быть также инициирована им самим:

(158) [Сыщики допросили продавщицу, нашедшую важную улику]

Als die beiden Kriminalisten sich verabschieden, fragt sie gespannt: „Habe ich Ihnen denn helfen können?“

„Wenn ich einen Orden zu verleihen hätte“, erwiderte Zeitfuchs, „würde ich es tun!“

(+> Sie haben uns sehr geholfen) (Steinberg „Ein Mann namens Nottrodt“, S. 142)

I: **Q(p)**

R: **A(q) +> A(p)**

Данное реактивное высказывание имеет форму сложноподчиненного предложения с придаточным ирреального условия и глаголами в сослагательном наклонении, что характерно для реализации стратегии вежливости в немецкоязычном дискурсе: «Вежливость, объективированная стойким предложением-моделью с претеритальным конъюнктивом, имеет «собственное» культурное поле употребления, четкую прагматическую направленность и национальную специфику проявления» [132, с. 12].

В следующем дискурсивном фрагменте K2, не желая прямо отвечать на вопрос собеседника (поскольку ответ неприятен K2), прибегает к тактике повышения его лица:

(159) [Женщина жалуется другу на отсутствие общения с мужем после смерти дочери]

„Da macht er sicher ja leicht“.

„Wie meinen Sie das?“

„Sie reden kaum noch miteinander?“

„Sie sind ein Menschenkenner“. Sie neigte den Kopf und legte den Zeigefinger aus Kinn. „Fragen Sie mich noch etwas!“ (+> Wir reden kaum miteinander) (Ecker, „Madonna“, S. 281)

ИХ: **Q(p)**

PX: **A(q) +> A(p)**

Как реакция на РА комиссив тактика ликоповышения адресата позволяет отклонить предложение услуги, например:

(160) [Молодой рыбак поранился во время промысла]

– *Willst du, dass ich dir einen Aufwischlappen umbinde?*

– *Aber ihr habt es doch auch nicht so dick. +> Ich will nicht, dass du mir Aufwischlappen umbindest.* (Brecht „Die Gewehre der Frau Carrar“, S. 157)

ИХ: **K(p)**

PX: **A(q) +> A(~p)**

Реагируя на РА директив – просьбу, в следующем дискурсивном фрагменте K2, не желая напрямую обидеть K1 своим отказом, реализует тактику ликоповышения адресата при помощи эксплицитной похвалы в его адрес:

(161) [Главного героя пытаются убить]

– *Igor, hilf mir!*

– *Sie waren immer so gut zu mir, Doktor, fürsorglich, verständnisvoll, aber er bezahlt mich. (+> Ich werde nicht helfen) („Van Helsing“)*

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +> K(~p)**

В реакциях на РА ассертив тактика повышения лица адресата представлена возражением:

(162) MAX *Sie, der große alte Herr, des deutschen Theaters; ich, der ewige DDR-Bürger im Exil. Ich betrete diese Bühne, für mich ist das eine Art neutraler Boden der Nation – und doch ist es Ihr Raum, und doch halten Sie ihn besetzt. Ich habe auf dem Straßenbasar gestanden, als ich von drüben kam, monatelang diesen Billigschmuck verkauft, Elfenbeinzähne für die behaarte Männerbrust, Sie haben Ihr Lebtage auf der Käuferseite gestanden.*

KARL JOSEPH *Was reden Sie da? Unsereins nun gerade! Als hätten wir uns nicht durch harte Zeiten drängen müssen!* (+>> *Wir haben uns durch harte Zeiten drängen müssen*) (Strauß, „Besucher“, S. 20-21)

ИХ: A(p)

PX: A(~q) +>> A(q)

Таким образом, высказывания с импликатурами в реактивных ходах диалогического дискурса дают возможность адресанту повысить лицо собеседника в имплицитных РА ответа, возражения и отказа как реакция на РА квеситивы, ассертивы, директивы и комиссивы.

4.2.2.2. Тактика собственного ликопонижения. Повышение лица адресата может достигаться с помощью тактики собственного ликопонижения (13,4%). Понижая свое лицо, адресант автоматически возвышает адресата. Это характерно для реакций на РА квеситивы, директивы и комиссивы (ответов, отказов и согласий). В следующем дискурсивном фрагменте К2, отвечая на вопрос собеседника, в качестве причины своей веры в сказки характеризует себя как глупого и наивного, т.е. сознательно понижает свое социальное лицо и повышает таким способом лицо адресата:

(163) [Сын Одиссея верит, что его отец жив. Дед Лаэрт не поддерживает его в этом]

LAERTES *Glaubst du an Märchen?*

TELEMACH *Ich bin dumm und naiv.* (+> *Ich glaube an Märchen*) (Jarzyna, „Areteia“, S. 24)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +> A(p)

В следующем дискурсивном фрагменте К2, обосновывая причины, по которым он не смог выполнить ожидаемое от него действие, указывает на то, что К1 переоценивает возможности К2, и, следовательно, повышает его социальное лицо путем понижения собственного:

(164) [Инспектор Балтрок со своими людьми обыскивает место проишествия]

„Hast du übrigens feststellen können, ob Nottrod vor oder nach dem Gewitter hier hereingekommen ist?“ <...> „Feuchtigkeit hat sich überall auf dem Boden gefunden, das bedeutet gar nichts, denk nur an die Krankenträger, und Fußabdrücke ließen sich nicht feststellen, auch bei schräger Beleuchtung nicht“. (+> Ich habe nicht feststellen können, ob Nottrod vor oder nach dem Gewitter hier hereingekommen ist) (Steinberg, „Ein Mann namens Nottrodt“, S. 27)

ИХ: **Q(p)**

PX: **A(q) +> A(~p)**

В качестве реакции на РА директив, например, предложение провести вместе ночь, – К2, понимая, что понизит лицо собеседника отказом, аргументирует отказ особенностями собственного характера, сознательно повышая лицо К1 и понижая свое собственное:

(165) [Девушка хочет, чтобы ее молодой человек остался у нее на ночь]

„Das lehne ich nicht ab“, sagte ich.

„Du weißt, was ich meine. Ich rede vom Übernachten“.

„Mir ist es zu intim“, sagte ich überartikuliert, als würde ich Frau Cremer einen Brief diktieren, „neben jemandem zu schlafen“. (+> Mir ist es zu intim, neben dir zu schlafen +> Ich werde bei dir nicht übernachten) (Ecker, „Madonna“, S. 194)

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +> K(~p)**

Тактика собственного ликопонижения сочетается в данном примере с тактикой обобщения, что подтверждает стратегию 13 позитивной вежливости «Указывай причину» (*Give reasons*) в концепции П. Браун и С. Левинсона [261, с. 128].

Тактика собственного ликопонижения обуславливает также отказы на РА комиссивы, например:

(166) [Сыщик допрашивает подозреваемую в неформальной обстановке]

– Wenn Sie Tee möchten, sage ich dem Mädchen Bescheid.

– Ich hatte schon Tee im Palast. (+> Ich möchte keinen Tee +> Sagen Sie dem Mädchen nichts) („Sherlock“)

ИХ: $K(p)$

РХ: $A(q) \rightarrow D(\sim p)$

Таким образом, адресант способен реализовывать стратегию вежливости, состоящую в повышении лица адресата, за счет тактики собственного ликопонижения в имплицитных РА ответа и отказа как реакции на РА квеситивы, директивы и комиссивы.

4.2.2.3. Тактика намекания. Намекание, по свидетельству Е.М. Белозеровой, является одновременно и РА, и дискурсивной тактикой, поскольку реализуется в пределах одного дискурсивного хода, реже – шага [28, с. 6]. РА намекания «является имплицитным речевым актом и определяется как дискурсивно-речевое взаимодействие говорящего и адресата, в ходе которого ими конструируется интендируемая имплицитная пропозиция – намек. Критериальными признаками речевого акта намекания являются обязательная реализация имплицитной пропозиции и интендируемость, т.е. наличие у говорящего перлокутивной цели повлиять на адресата таким образом, чтобы тот вывел эту имплицитную пропозицию» [28, с. 3].

И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер понимают под намеком такой способ косвенного информирования, который принадлежит к числу категорий обиденного сознания [94, с. 462]. В качестве основных мотивов, которые побуждают адресата прибегнуть к намеку, И.М. Кобозева и Н.И. Лауфер выделяют следующие: «1) некоторое сообщение нужно передать, утаив его смысл от присутствующих третьих лиц; 2) буквальное выражение некоторого смысла может быть расценено как поступок, нарушающий те или иные социальные нормы, и, чтобы избежать ответственности за такой поступок, говорящий прибегает к намеку, что позволяет ему в случае необходимости укрыться за буквальным смыслом употребленного выражения; 3) намек может использоваться в игровых целях» [94, с. 464]. Ф.С. Бацевич также указывает на то, что причиной обращения говорящего к намеку может служить желание адресанта сбить адресата с толку [21, с. 23].

В нашем исследовании намекание рассматривается как тактика в рамках стратегии вежливости (15,2%).

К тактике намекания K2 прибегает, если считает, что прямое выражение пропозиции и / или иллокуции угрожает лицу K1 – позитивному или негативному. Например, позитивное лицо K1 находится под угрозой, если K2 дает ему понять, что он знает информацию, дискредитирующую его в глазах окружающих, в ответах на вопрос (167) и в конкретизирующем подтверждении сообщения (168):

(167) „Und warum nicht, wenn ich fragen darf?“

Ihre Antwort kam langsam, wie vorsichtig abgezählte Arznetropfen. „Weil ich dich von einer weiteren Urkundenfälschung bewahren will“. (+> Ich weiß, dass du die Urkunde gefälscht hast)

„Sag das noch einmal“.

„Gern. Ich möchte verhindern, daß du eine weitere Urkundenfälschung begehst. Ein Scheidungsurteil ist eine Urkunde.“

„Willst du damit ausdrücken, ich hätte schon eine ganze Reihe solcher Delikte auf dem Kerbholz?“ (Weber, „Museumsräuber“, S. 13-14)

IX: Q(p)

PX: A(q) +> A(r)

(168) [Врач (Лотар) интересуется у друга, как тот себя чувствует]

Lothar: *Übermüdung, Erschöpfung.*

Moritz: *Demzufolge, wahrscheinlich, tagsüber diese Déjavus. <...> Rechts und links tauchen Figuren auf, die es in Wirklichkeit nicht gibt. <...> Ich bin geneigt, ihnen zu folgen. Ich folge ihnen und gehe manchmal die seltsamsten Wege.*

Lothar: *Zum Beispiel ins Bahnhofshotel. (+> Ich weiß, dass du dort gestern mit Ruth warst)*

Moritz: *Wie? ... Ach so. Ich verstehe... Ich dachte, du interessierst dich ernsthaft für mein Übel.*

Lothar: *Tue ich, tue ich.*

Moritz: Stattdessen nutzt du die Gelegenheit und machst frivole Anspielungen.
(Strauß, „Trilogie des Wiedersehens“, S. 111)

IX: **A(p)**

PX: **A(p') +> A(q)**

Кроме ответов на вопрос и подтверждений сообщения, тактика намекания наблюдается в случае отказов на директив (169) и комиссив (170) и ответных обвинений (171). Так, K2 прибегает к отказу при помощи намекания, подозревая собеседника в нетрадиционной ориентации, но поскольку он не уверен в своем предположении, он боится обидеть его своим отказом в близости:

(169) „Was meinst du, Kleiner?“ *fragte sie (oder er?) und legte mir ihre kräftigen Arme auf die Schultern. (+> Wollen wir uns küssen)*

Ich schob sie ein Stück zurück. „Wenn ich beim Küssen den Kopf in den Nacken legen muß, wird mir immer schwindelig.“ (+> Ich will dich nicht küssen)

„Du Schlingel.“ *Sie kniff mir in die Wange. „Ich hätte gewettet, daß du darauf stehst.“ (Kehrer, „Schuss und Gegenschuss“, S. 26)*

IX: **Q(p) & D(q)**

PX: **A(r) +> K(~q)**

(170) „Ich würde gerne diesen Rock anprobieren“.

„Der Rock ist wirklich wunderbar. Wir haben aber auch neue Hosen. Die würden Ihnen echt gut stehen. Die Frau, die eine Hose trägt, sieht immer schlanker aus“.

(+> Sie sind nicht schlank genug für einen Rock +> Probieren Sie lieber eine Hose)

„Meinen Sie, ich habe zu dicke Beine, um einen Rock zu tragen?“ (Wendelschmidt, „Aus dem Leben einer vergewaltigten Seele“, S. 37)

IX: **K(p)**

PX: **A(q) +> D(~p)**

(171) „Du siehst übrigens beschissen aus“.

„Danke, aber bei mir ist das wenigstens nicht chronisch“. (+> Du siehst immer beschiessen aus)

„An deiner Stelle würde ich heute etwas leiser treten, kleiner Heiner“.

„Sag bitte dem Chef nichts, okay?“ (Lenk, „Brand-Aktuell“, S. 22)

ИХ: $E(p)$

PX: $E(q) \& A(r) \rightarrow E(q)$

Негативное лицо K1 находится под угрозой, если высказывание с имплицатурой ограничивает свободу его действий, а именно если K2 навязывает ему информацию, могущую каким-то образом задеть его чувства, например, вызвать зависть:

(172) [Фрау Кернер пришла к соседке, чтобы поговорить по телефону со своей дочерью, живущей в США, чем она очень гордится]

Frau Sudermann: Warum ruft denn Ihre Tochter erst heute an, wenn Sie gestern Geburtstag hatten?

Frau Körner: Des is weil gestern Mittwoch war un heut is Donnerstach, do kannse des Gespräch vom Büro aus mache, vom Dienst, des is günstischer.

($\rightarrow$ Meine Tochter arbeitet im Büro)

Frau Sudermann: Ihre Tochter arbeitet im Büro?

Frau Körner: Ja. Die wolle sich doch e Haus kaufe. (Deichsel „Bleiwe losse“, S. 212)

ИХ: $Q(p)$

PX: $A(q) \rightarrow A(r)$

Данный пример иллюстрирует имплицитный ответ на вопрос, кроме того тактика намекания для снятия угрозы негативному лицу K1 реализуется в случае отказа на комиссив (оффератив):

(173) „Wenn ich irgendetwas für dich tun kann“, sagte sie und sah mich mit einem Ausdruck hinreißender Besorgnis an, „du brauchst dich nicht zu genieren.“

„Gut gemeint, Hannah, aber ich glaube, du kannst mir nicht helfen.“

„Wieso?“

„Ich brauche ein Bett für die Nacht.“ ($\rightarrow$ Deine Matratze passt mir nicht)

„Soll das eine Anspielung auf meine Matratze sein...“ (Gerstenberg, „Ganzheitlich sterben“, S. 83)

ИХ: $K(p)$

PX: $A(q) \rightarrow A(r) \& D(\sim p)$

Тактика намекания может быть непосредственно или опосредованно удачной, явно или неявно неудачной [28, с. 13]. Непосредственно удачное намекание реализуется, когда К1 распознал, принял и отреагировал на намек сразу же (168, 171). Опосредованно удачное намекание имеет место, если К1 запрашивает подтверждение (167, 170, 172, 173). Неудачное намекание иллюстрирует пример (169).

Если для всех выше рассмотренных тактик характерны как конверсационные, так и конвенциональные импликатуры, то для реализации тактики намекания используются высказывания только с конверсационными импликатурами, поскольку их вывод, будучи зависимым только от дискурсивного контекста, менее однозначен, чем вывод конвенциональных импликатур, основанный на языковых единицах. Это позволяет адресанту при необходимости сделать вид, что импликатура не была намеренной.

Таким образом, тактика намекания как реакция на РА всех рассматриваемых иллокутивных типов позволяет коммуниканту вежливо ответить на вопрос, возразить, согласиться, выразить обвинение и подтверждение.

4.2.3. Стратегия вуалирования. Стратегия вуалирования направлена на сохранение, поддержание негативного или позитивного лица самого говорящего [261, с. 61]. В.И. Карасик указывает на то, что стратегии вуалирования состоят в том, чтобы избежать навязывания своей позиции адресату, и, будучи весьма близкими к стратегиям негативной вежливости, отличаются от последних тем, что говорящий, стремясь не задеть собеседника, в то же время заботится о том, чтобы сохранить свое лицо [91, с. 78].

Л.Мао, рассматривая разницу в трактовке термина «лицо» его автором Э.Гоффманом и П. Браун и С. Левинсоном, указывает на то, что для Э.Гоффмана лицо является публичным, межличностным представлением, в то время как для П. Браун и С. Левинсона лицо является индивидуальным, ориентированным на самого себя. При этом многие действия, которые мы

выполняем словесно (например, приказы, советы, просьбы, обещания, критика, возражения и т.д.), потенциально являются угрозой для лица говорящего. [305, с. 455]. Поэтому говорящий прибегает к стратегии вуалирования, позволяющей сохранить, повысить свое лицо.

Стратегия вуалирования представлена в нашем корпусе тактиками собственного ликоповышения, эвфемизации, уклонения, ликопонижения адресата и ликоповышения / ликопонижения третьего лица.

4.2.3.1. Тактика собственного ликоповышения. Адресант прибегает к тактике собственного ликоповышения (11,6%) в тех случаях, когда стремится каким-либо образом: а) сознательно увеличить свои заслуги или б) оправдать себя и свое поведение в глазах адресата. В.И. Карасик в этой связи указывает на вектор самоуважения, который «представляет собой соотношение заботы о своем лице и о репутации партнера. П. Браун и С. Левинсон не случайно выбрали термин «лицо» для понятия самоуважения: репутация – это мера уважения со стороны других людей, это – доброе имя человека, лицо же – это уважение к самому себе. Потеря репутации не всегда есть потеря лица, и наоборот» [91, с. 82].

О.К. Ирисханова указывает на существование в любой коммуникации «конфликта интересов, в котором каждая из сторон вынуждена отстаивать собственные права и взгляды – право получить информацию, желание услышать нужный ответ, произвести соответствующее впечатление или же право отказать в предоставлении информации, желание «не навредить самому себе», предотвратить ущерб собственному имиджу» [88, с. 688]. Так, в следующем дискурсивном фрагменте оба собеседника стараются произвести позитивное впечатление друг на друга, желая продолжить знакомство поближе, но понимая, что прямое выражение этого желания понизит их лицо:

(174) [Юлия и Кристиан проводят вместе вечер на дискотеке]

„Ich wünschte, der Coffeeshop hätte noch offen“, sagte sie. „Ich könnte echt noch einen Espresso vertragen. Aber ich hab ja nur den Scheiß-Nescafé im Haus.“ (+> Ich möchte einen Espresso +> Lade mich zu einem Espresso ein)

„Ich hab mir heute eine Espressomaschine gekauft“, sagte Christian. (+> Ich lade dich zu einem Espresso ein) (Mayer „Morgen wirst du sterben“, S. 41)

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +> D(p)**

Часто К2 увеличивает свои заслуги в ответах на вопрос, например:

(175) [Петер – ведущий телефонного ток-шоу на радио]

Peter installierte Katjas Pieper am Telefon zur Raumüberwachung, um das Gespräch von Schröder und Bergmann zu belauschen.

„Wie hast du das gemacht?“ flüsterte sie.

„Telefonieren ist schließlich mein Job“, sagte ich und hielt den Finger vor den Mund. (+> Das war sehr einfach für mich) (Fester, „Technophobia“, S. 204)

ИХ: **Q(p)**

PX: **A(q) +> A(r)**

Применяя тактику собственного ликоповышения, К2 оправдывает себя, в первую очередь, в РА оправдания, например:

(176) [Михаэль устаривает скандал в приемной доктора, у которого была на приеме его жена]

„*Das kann ich Ihnen beim besten Willen nicht sagen. Sie ist mir schon im Empfangsbereich zusammengeklappt, hatte Schaum vor dem Mund, hat die Augen verdreht und war zu keiner Auskunft mehr fähig. Ich habe sie sofort ins Krankenhaus bringen lassen*“.

„Und sind dann essen gegangen“. (+> Sie haben mich nicht angerufen)

„Warum nicht? Eine solche Patientin fällt nicht in meinen Bereich“. (+> Ich hätte Sie nicht anrufen sollen) (Lind, „Der Mann, der wirklich liebte“, S. 17-18)

ИХ: **E(p)**

PX: **Q(~p) & A(q) +> Q(p) & A(r)**

Кроме того, тактика собственного ликоповышения путем оправдания может применяться и в ответах на вопрос:

(177) [Главный герой признается другу, что сбил маленькую девочку]

Wadowski unterbrach mich. „Du hast jemanden umgelegt?“

„Es war ein Unfall“, sagte ich. „Ein Autounfall“. (+> *Ich habe jemanden umgelegt*)
(Ecker, „Madonna“, S. 40)

ИХ: **Q(p)**

PX: **A(q) +> A(p)**

(178) [Учитель поймала Хольта на прогуливании уроков]

Sie fragte: „Sie schwänzen wohl die Schule?“

„Ich hatte Scharlach und hab Schonung“. (+> *Ich schwänze die Schule*) (Noll, „Die Abenteuer des Werner Holt“, T.1, S. 25)

ИХ: **Q(p)**

PX: **A(q) +> A(p)**

K2, зная, что правдивый ответ вызовет у K1 негативную оценку своего действия или поведения, вместо прямого ответа приводит его причину (177) или объективные обстоятельства, обусловившие его (178). В данном случае речь идет о повышении позитивного лица адресанта.

Таким образом, тактику собственного ликоповышения адресант, вкладывающий имплицатуру в реактивное высказывание, применяет в согласиях на РА директив, ответах на вопросы и в оправданиях как реакциях на РА обвинения.

4.2.3.2. Тактика эвфемизации. Эвфемизация понимается в современной лингвистике как стратегия: «явления эвфемизации <...> не только не ограничиваются лексической заменой, но и несводимы ни к одной из так называемых лингвистических техник. Они обладают глубинной природой, и к ним наиболее применимо определение стратегий» [85]. Стратегия эвфемизации понимается как употребление номинаций, которые скрывают настоящую сущность наименований, представляющихся говорящему нетактичными, грубыми или табуизированными [22, с. 251]. Однако мы считаем эвфемизацию не стратегией, а тактикой, поскольку она реализуется в рамках одного дискурсивного хода и одного РА.

На связанность эвфемизации с повышением своего позитивного лица указывает Е.И. Шейгал: эвфемизация обусловлена стремлением приуменьшить

остроту проблем, камуфлировать неправомерные и аморальные действия, избежать потери своего лица, соблюсти этикет [236, с. 180-183]. Целью адресанта является облегчение общения, сокрытие негативных сторон явлений, «вуалирование, затушевывание нежелательной информации, которая позволяет приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты» [235, с. 159], поэтому «говорить эвфемистично – значит использовать язык в качестве щита против объекта, который вызывает страх, враждебность, гнев и презрение» [235, с. 158].

Тактика эвфемизации (13,9%) касается таких сфер человеческой жизни, которые связаны с различными табу, предубеждениями, предрассудками: это сексуальная сфера, смерть, болезнь, преступления и т.п. Имплицитные реакции нашего корпуса, демонстрирующие тактику эвфемизации, представляют собой ответы на РА квеситивы и, так или иначе, связаны со сферой сексуальных отношений: с внебрачными связями (179), изнасилованием (180), обнаженными актерами в театральных постановках (181), проституцией (182):

(179) „Und was tut er, der Herr Dr. Schübel?“ <...>

„Es geht, wie soll ich das nennen, es geht um seine sittlichen Auffassungen... Und es geht ferner darum, daß es für mich undenkbar ist, daß hier in einer Klinik, die dem Wohl der Kranken dienen soll, leitende Herren ihren ... nennen wir es Begierden nachgehen.“ (+> Herr Dr. Schübel geht seinen Begierden nach +> Er hat Affäre mit einer Laborantin)

„So? Begierden nachgehen? Könnten Sie das vielleicht etwas klarer formulieren?“

„Das kann ich! Sobald der Dr. Schübel eine Minute frei hat, wo ist er zu finden? Bei der Laborantin. Bei Anja!“ (Heim, „Ärzte der Schwarzwaldklinik“, S. 344-345)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +> A(r) & E(r)

(180) [Томас Гудец, который разыскивается за убийство Анны, появляется в доме брата своей жены Альфонса]

Alfons: Thomas, ich wollt es eigentlich nicht glauben – (+> Ich wollte nicht glauben, dass du Anna ermordert hast +> Ist es nicht wahr?)

Hudetz: Was? – Ach so! – Ja, das hilft dir nichts, du mußt es glauben. – Ich hab mich mit der Anna „verlobt“. (+> Ich habe Anna vergewaltigt und ermordert +> Es ist wahr)

Frau Hudetz entsetzt: Verlobt?

Hudetz nickt ja: Beim Viadukt. Hm. – Er lächelt. Ich hab sie gepackt und geschüttelt, aber sie war nicht mehr da – (Horváth, „Der jüngste Tag“, S. 579)

IX: $A(\sim p') \rightarrow A(\sim p) \ \& \ Q(\sim p)$

PX: $A(q) \rightarrow A(r) \ \& \ A(p)$

(181) „Ist das ein Kostümstück?“ fragte ich.

„Nein, ganz modern“, erwiderte er.

„Sehr modern“, erklärte Millicent bedeutungsvoll. (+> Die Schauspieler in diesem Theaterstück haben Kostüme von Adam und Eva)

Er lächelte nachsinnig. „Du schlimme Puritanerin.“ (Sonnenberg, „Paris ist eine Sünde wert“, S. 41)

IX: $Q(p)$

PX: $A(q) \rightarrow A(r)$

(182) „Begann sie wieder als Hure ihr Geld zu verdienen?“ fragte Klaus.

In diesem Moment kam der kleine Fred ins Zimmer. „Mama, ich hatte einen Albtraum“.

„Ja, unsere Tante Emma geht gerne spazieren, besonders durch die Straßen. Na, ich komme gleich, mein Lieber“. (+> Emma arbeitet wieder als Hure) (Wendelschmidt, „Auf der Suche nach Sinnlichkeit“, S. 45)

IX: $Q(p)$

PX: $A(q) \rightarrow A(p)$

В случае тактики эвфемизации наблюдаем скрытые номинации:

Begierden nachgehen +> außerehliche Beziehungen haben

sich verloben +> vergewaltigen und ermordern

modernes Kostümstück +> Theaterstück mit Kostümen von Adam und Eva

durch die Straßen spazieren gehen +> als Hure arbeiten

При этом К2 может относиться к эвфемистическому положению вещей нейтрально (182), позитивно (180) или с осуждением, реализуя имплицитный эвалюатив (179, 181).

Как и тактика намекания, тактика эвфемизации реализуется реактивными высказываниями только с конверсационными импликатурами.

Таким образом, тактика эвфемизации характерна для реализации имплицитных РА подтверждения, ответа, обвинения как реакций на РА ассертивы, квеситивы и экспрессивы.

4.2.3.3. Тактика уклонения. С сохранением своего собственного лица связана и тактика уклонения (11,9%). Адресант, реализующий эту тактику, имеет перлокутивную цель при помощи уклонения от прямого ответа сохранить свое лицо [67, с. 298; 56; 88].

О.К. Ирисханова указывает на то, что «цель стратегии уклонения состоит в том, чтобы, не нарушая хода коммуникации, отвлечь собеседника от реализации его намерений, избежать нежелательных действий со своей стороны и в итоге выйти «с наименьшими потерями» из некоторой неприятной, непривычной или неудобной ситуации». При этом О.К. Ирисханова причисляет к стратегии уклонения «различные случаи уклончивого поведения: неполный ответ на вопрос, завуалированную негативную реакцию на просьбу или критику, контр-комплимент и др., – наиболее типичными проявлениями данной стратегии можно считать уклончивые ответы. В них коммуникант, сохраняя видимость ответа на поставленный вопрос, с той или иной степенью осознанности пытается отказать собеседнику в предоставлении нужной ему информации (или же ее части)» [88, с. 686]. Т. ван Дейк подчеркивает, что, используя импликатуры в уклончивом ответе обусловлено тем, что говорящий стремится «избежать формулирования некоторых частных суждений, а именно отрицательных замечаний или оценок, или перевести их в русло более общих, общепризнанных знаний или мнений, за которые говорящий не несет ответственности» [67, с. 298-299].

K2 уклоняется от прямого ответа на вопрос, выраженный структурой как общевопросительного (183), так и специальнопопросительного предложения (184):

(183) [Плакса-Оскар заведовал во время войны кладбищем в России]

„Einen Tag vor der Besichtigung wurde alles abgesagt. Seine Majestät kamen überhaupt nicht. Ein Meer von Primeln und Narzissen hatten wir gepflanzt.“

„Haben Sie die Austauschtoten dann zurückgegeben?“ fragt Georg.

„Das hätte zuviel Arbeit gemacht. Die Papiere waren auch schon geändert. Und die Angehörigen waren informiert worden, daß ihre Toten verlegt worden seien. (+> Ich habe sie nicht zurückgegeben) Das kam ja öfter vor. Friedhöfe gerieten in die Kampfzone, und nachher mußte alles neu angelegt werden. Wütend war nur der Kommandant mit dem Wodka. Er versuchte sogar, bei mir mit seinem Fahrer einzubrechen, um die Kisten zurückzuholen; aber ich hatte sie längst glänzend versteckt. In einem leeren Grab.“ (Remarque, „Der schwarze Obelisk“, S. 225)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +> A(~p)

(184) [Соня проходит собеседование на место массажистки в отеле]

„Normalerweise Arbeitgeber“.

„Also: Welchen Beruf haben Sie ausgeübt in den sechs Jahren seit Ihrem letzten Arbeitszeugnis?“

„Ich war verheiratet“. (+> Ich habe keinen Beruf ausgeübt) (Suter, „Der Teufel von Mailand“, S. 23)

ИХ: Q(p)

PX: A(q) +> A(~p)

K2 отклоняется от прямого ответа на поставленный вопрос, не желая брать на себя ответственность за информацию, сообщение которой от него ожидается, заботясь таким образом о сохранении своего негативного лица.

Таким образом, тактика уклонения касается только не прямых ответов на вопросы.

4.2.3.4. Тактика ликопонижения адресата. Свое негативное лицо адресант стремится сохранить также, реализуя тактику ликопонижения адресата (8,4%). На языковом уровне ликопонижение адресата сводится к невежливому поведению. В.И. Карасик указывает на то, что «языковое выражение невежливого поведения на социальной дистанции в прямой форме соскальзывает на персональную дистанцию, а в косвенной форме сводится к различным намекам, оскорбительным для человека» [91, с. 85].

Ликопонижение адресата типично для реализации РА экспрессивов. Так, реагируя на РА сожаления, К2 имплицитно обвиняет адресата в случившемся:

(185) [После ухода полиции в отеле происходит новое чрезвычайное происшествие]

„Schade, dass die Polizisten schon weg waren“, bemerkte Sonia.

„Was hätte das gebracht, wenn Sie noch hier gewesen wären?“ (+>> Es hatte nichts gebracht, weil Sie daran Schuld sind) Auf Barbara Peters' bleicher Haut hatten sich ein paar hektische rote Flecken gebildet. (Suter, „Der Teufel von Mailand“, S. 216)

ИХ: **E(p)**

PX: **Q(q) +>> E(r)**

Тактика ликопонижения адресата частотна также в РА ответа, когда К2, отвечая на вопрос К1 при помощи риторического вопроса, дает ему понять несуразность и нелогичность вопроса. Такие реактивные высказывания демонстрируют совместную реализацию тактик ликопонижения адресата и обоснования, например:

(186) [Миа Пиннеберг, мать Йоханеса, приходит в гости к Эмме и Пиннебергу]

„So“, sagt die Schwiegermutter. „Kein Wort“. Sie sieht vor sich hin. „Übrigens ist euer Junge ein hübsches Kind. Kann er schon sprechen?“

„Mit einem halben Jahr, Mama?“ (+>> Er kann nicht sprechen, weil er ein halbes Jahr alt ist) (Fallada, „Kleiner Mann – was nun?“, S. 308)

ИХ: **Q(p)**

PX: **Q(q) +>> A(~p)**

(187) [Людвиг приходит к лечащему врачу Изабеллы]

Ich sehe ihn unentschlossen an. Zur Hölle mit seinen Aufträgen, denke ich. Zur Hölle mit seinem Kognak! Und zur Hölle mit seinen gottähnlichen Redensarten! „Ein kräftiges Schlafmittel“, sage ich.

„Das beste, was es gibt. Waren Sie jemals im Orient? China?“

„Wie sollte ich nach China kommen?“ (+>> Ich war niemals im Orient, weil ich keine Möglichkeit hatte) (Remarque, „Der schwarze Obelisk“, S. 204)

IX: **Q(p)**

PX: **Q(q) +>> A(~p)**

Как реакция на ассертив тактика ликопонижения адресата наблюдается при реализации РА возражения:

(188) [Arno пригласил свою секретаршу Янне к себе на дачу]

Janne: In der Kantine, gestern, war nicht die Rede davon, dass Sie mich lieben. Das fällt Ihnen heute ein. Weil Sie ein freies Bett haben.

Arno: Soll ich dir vielleicht in Gegenwart von x Leute eine Liebeserklärung machen? Quer über den Gulasch und die Makkaroni? (+>> In der Kantine konnte ich darüber nicht reden +> Du hast daran nicht gedacht, dass ich dich einlade, weil ich verliebt bin) Du konntest dir doch denken, warum ich dich einlade. (Bieler, „Drei Rosen aus Papier“, S. 13)

IX: **A(p)**

PX: **A(q) +>> A(p)**

В следующем дискурсивном фрагменте наблюдаем тактику ликопонижения адресата, сделавшего адресанту предложение, которое тот сочел неприличным и с возмущением отвергает его. Реализуя эмотивный отказ, K2 оскорбляет K1, понижая его позитивное лицо и тем самым подчеркивая свое достоинство – свое негативное лицо:

(189) Moritz: *Mit Ihnen ist es seltsam, Susanne. Alles, was mir in den Sinn kommt, ist so gut wie ausgesprochen. Ich meine: es gibt eigentlich nichts, was in einem Gespräch zwischen uns nicht gesagt werden könnte. Ich wollte fragen, ob wir miteinander schlafen?*

Susanne: *Wie?!... Moritz!... Sind Sie verrückt? (+>> Ich will mit Ihnen nicht schlafen)*

Moritz: *Nicht. Lassen Sie nur schon vorbei. (Strauß, „Trilogie des Wiedersehens“, S. 20)*

ИХ: **D(p)**

PX: **Q(q) +>> E(q) & K(~q)**

Таким образом, тактика ликопонижения адресата позволяет адресанту повысить собственное лицо в имплицитных возражениях, ответах, отказах и эмотивных реакциях на РА ассертивы, квеситивы, директивы и экспрессивы.

4.2.3.5. Тактика ликоповышения / ликопонижения третьего лица. Адресант использует тактику ликопонижения третьего лица (8,4%) в тех случаях, когда хочет показать свое превосходство над ним в глазах адресата. При этом «все поведенческие акты, ограничивающие свободу или ставящие под удар самооценку человека, реализуются в трех типовых стратегиях: 1) намеренная неясность, вуалирование смысла посредством метафоры, иронии, риторических вопросов, различных намеков, 2) прямое выражение смысла без смягчающих средств, 3) вежливое выражение смысла в виде негативной и позитивной вежливости» [91, с. 77]. Например, отвергая совет сотрудничества с полицейскими, частный детектив сознательно ставит под удар самооценку третьих лиц (в данном случае – полицейских) и имплицитно характеризует их как не наделенных умом, подчеркивая таким образом свой ум:

(190) *„Ich erwarte, dass Sie mit der Polizei zusammenarbeiten“, sagte meine Klientin. „Vier Augen sehen mehr als zwei.“*

„Das mag schon stimmen, aber zu den vier Augen gehört nur ein brauchbares Gehirn. Das erschwert das Sehen ungemein.“ (+> Die Polizisten sind dumm +> Ich werde mit der Polizei nicht zusammenarbeiten) (Graf, „Philip Maloney und der Mord im Theater“, S. 76)

ИХ: **D(p)**

PX: **A(q) +> A(r) & K(~p)**

Данную тактику наблюдаем также при реализации ответов на квеситив (191) и возражений на ассертив (192):

(191) „Musiktheater-Regie“, antwortete Meike Rabe. „Brotlose Kunst. Hat sich aber ganz gut mit der Altenpflege ergänzt.“

„Warum?“

„Weil man auch als Regisseurin vor allem mit Menschen umgehen können muss. Mit nicht ganz einfachen Menschen, um es vorsichtig auszudrücken.“ Meike Rabe hatte einen resignierenden Zug in ihrem jungen Gesicht. „Frau Sieg war da wirklich ideal zum Üben.“ (+> Frau Sieg war kein einfacher Mensch)

„War sie so schwierig?“ (Bick, „Puppen lügen nicht“, S. 168)

IX: Q(p)

PX: A(q) +> A(r)

(192) [Разговор о племяннике, которого привезли погостить]

Meine Mutter lag auf der Couch, Augen geschlossen. „Sei so nett und bring mir das Heizkissen“, sagte sie. „Es ist ein bisschen viel heute“.

„Heute, bloß heute? Der Bengel ist noch keine drei Monate hier, und der Ärger reicht schon für Jahre“. (+> Das ist wegen des Bengels, der drei Monate hier ist +> Drei Monate ist es ein bisschen viel) (Grasmeyer, „Der unerwünschte Dritte“, S. 155)

IX: A(p)

PX: A(q) +> A(r) & A(~p)

Тактика ликоповышения третьего лица позволяет К2 подчеркнуть свое позитивное лицо в том случае, если обсуждаемый человек имеет непосредственное отношение к адресанту, например, в следующем дискурсивном фрагменте это его жена:

(193) [Йоханнес Пиннеберг спорит с матерью о ее пристрастии к алкоголю]

„Doch geschickt hast du, Hans, schwinde nicht. Und natürlich habe ich auch manchmal mit den Gästen, die ich kannte, ein Glas Sekt getrunken...“

„Schnaps“, sagt Pinneberg finster.

„Einen Likör trinke ich auch mal. Wird deine Frau auch trinken“.

„Meine Frau trinkt überhaupt keinen Alkohol“. (+>> *Meine Frau wird keinen Likör trinken*) (Fallada „*Kleiner Mann – was nun?*“, S. 117)

ИХ: $A(p)$

PX: $A(q) +>> A(\sim p)$

Подчеркивая позитивное качество третьего лица, К2 показывает свое умение мыслить, проницательность и ум, повышая таким способом свое собственное лицо, например:

(194) [Об оружии преступления]

– Oder hat er sie immer noch?

– Du glaubst doch, er ist so blöd? (+>> *Er ist nicht blöd* +> *Er hat sie nicht*) („*Kommissar Rex*“)

ИХ: $Q(p)$

PX: $Q(q) +>> A(\sim q) \& A(\sim p)$

В данном случае тактика ликоповышения третьего лица также сочетается с тактикой обоснования.

Таким образом, тактика ликоповышения / ликопонижения третьего лица позволяет адресанту повысить собственное лицо в имплицитных реакциях на РА ассертивы, квеситивы и директивы.

В целом, при реализации реактивных имплицитных РА К2 руководствуется такими стратегиями, как аргументация, вежливость и вуалирование, которые предполагают ряд характерных тактик. При этом тактики, которым К2 следует, употребляя высказывание с импликатурой в реактивном дискурсивном ходе, могут совмещаться.

Возможности совмещения исследуемых тактик в одном высказывании представлены в таблице П Приложения. При этом следует подчеркнуть, что суммарный показатель частотности не равняется 100 % в виду совмещения тактик. Дискурсивно-стратегические свойства высказываний с импликатурами суммированы в таблице О Приложения.

Выводы по главе 4

1. Реактивные имплицитные РА в немецкоязычном диалогическом дискурсе представляют собой реакции на квеситивы, директивы, комиссивы, ассертивы и экспрессивы, которые предполагают передачу соответствующей импликатуры (непрямого ответа, согласия, отказа, подтверждения, возражения, оправдания, опровержения, ответного обвинения, ответного эмотива, утешения). При этом реализуются поддерживающие, неподдерживающие и отсроченные РА.

2. Высказывания-реакции на РА квеситивы реализуют имплицитные РА директивы (просьбы и предложения) и РА ассертивы – не прямые ответы – на основе эксплицитных экспрессивов, ассертивов и квеситивов с возможной сопутствующей экспрессивной иллокуцией.

Имплицатуры ответов на специальные вопросы имеют два семантических типа: 1) восполнение недостающего элемента запрашиваемой пропозиции, выраженного вопросительным словом, и 2) отрицание пресуппозиции вопроса. В первом случае реализуется отсроченный реактивный РА, во втором – неподдерживающий.

Имплицатуры ответов на общие вопросы, представляющих собой отсроченные реактивные РА, имеют три семантических типа: 1) обоснование положительного или отрицательного ответа, 2) спецификация положительного или отрицательного ответа, 3) следствие из оценки вопроса как положительный или отрицательный ответ.

3. Высказывания-реакции на РА комиссив реализуют РА отказы (деклинативы) и согласия на предложение услуги (оффератив).

В качестве реакции на оффератив, РА деклинатив, являющийся отсроченным РА, предполагает импликатуру, основанную на причине отказа, и имплицитную директивную иллокуцию, выраженную на основе эксплицитного ассертива или квеситива (риторического вопроса).

РА-согласие в качестве отсроченной реакции на оффератив является имплицитным РА с имплицатурой двух семантических типов (обобщение и метакоммуникативный комментарий) и имплицитной директивной иллокуцией, выраженной на основе эксплицитного ассертива или квеситива (риторического вопроса).

4. В качестве реакции на директив реализуются РА комиссивного типа – имплицитные РА отказы и согласия.

Имплицитные РА-отказы на директив являются неподдерживающими реакциями, содержат имплицитную комиссивную или директивную иллокуцию, выраженную на основе эксплицитной ассертивной иллокуции с возможной сопутствующей экспрессивной иллокуцией, и имплицатуры пяти семантических типов (причина отказа, отрицание пресуппозиции, отсылка к общему знанию, несовместимость действий адресанта, отрицательная оценка инициального РА, информирование). Причина отказа конструируется в имплицатурах по трем семантическим моделям: *Es ist nicht nötig, weil p* (Нет необходимости, потому что...), *Es hat keinen Zweck, weil...* (Это не имеет смысла, потому что...), *Es ist nicht möglich, weil p* (Это невозможно, потому что...).

При согласии с РА директивом адресант выражает имплицитную комиссивную иллокуцию на основе эксплицитной ассертивной, директивной и экспрессивной иллокуции. Имплицитные РА с имплицатурами таких семантических типов, как позитивное отношение к предизируемому действию, причина согласия, заверение в искренности и генерализация, являются поддерживающей реакцией, имплицитные РА с имплицатурой, основанной на констатации условия согласия, являются отсроченной реакцией.

5. В качестве реакции на ассертив реализуются имплицитные РА возражения и подтверждения.

РА возражения, реализующийся в качестве неподдерживающей реакции на РА ассертив, имеет два вида: а) эмоциональное возражение, состоящее в выражении неверия в положение дел, представленное пропозицией инициального РА, и б) рациональное возражение, предполагающее

экспликацию логического аргумента, нивелирующего положение дел, представленное в инициальном РА. При этом реализуется имплицитный экспрессив или ассертив.

Подтверждение представляет собой поддерживающую реакцию на РА ассертив и является имплицитным РА ассертивом или директивом, выражаемым на основе эксплицитного ассертива или квеситива.

6. Среди имплицатурных реакций на РА экспрессив выделяем реакции на негативный эвалюатив (обвинение) и реакции на эмотив (выражение эмоций). При этом реактивные высказывания с имплицатурами реализуют имплицитные ассертивы, экспрессивы и директивы на основе эксплицитных ассертивов, директивов и квеситивов (риторических вопросов).

РА обвинения может вызывать поддерживающую реакцию – подтверждение, и неподдерживающую – РА оправдания, ответного обвинения, опровержения, ответный эмотив.

РА выражения отрицательных эмоций предполагает поддерживающую реакцию – РА утешения, РА выражения положительных эмоций – поддерживающую эмотивную реакцию.

7. Реализация реактивных имплицитных РА обусловлена такими стратегиями, как аргументация, вежливость и вуалирование, которые предполагают ряд характерных тактик.

Для стратегии аргументации характерными тактиками являются тактики обоснования и обобщения. Тактика обоснования применяется при реализации РА возражения как реакции на ассертив (предположение, констатацию), непрямого ответа как реакцию на квеситив, отказа как реакцию на комиссив (оффератив) и директив (предложение), согласия как реакцию на директив (просьбу) и оправдания как реакцию на экспрессив (обвинение). Тактика обобщения используется при реакции на РА квеситивы в не прямых ответах, на РА директивы и офферативы в согласиях, а также на РА экспрессивы в оправданиях.

Стратегия вежливости обуславливает реализацию тактик ликоповышения адресата (ответ, возражение и отказ как реакции на РА квеситивы, ассертивы, директивы и комиссивы), собственного ликопонижения (ответ и отказ как реакции на РА квеситивы, директивы и комиссивы) и намекания (ответ, возражение, согласие, обвинение и подтверждение как реакции на РА всех рассматриваемых иллокутивных типов).

Стратегия вуалирования предполагает тактики собственного ликоповышения (согласие на РА директив, ответ на вопрос и оправдание как реакция на РА обвинения), эвфемизации (подтверждение, ответ, обвинение как реакции на РА ассертивы, квеситивы и экспрессивы), уклонения (непрямой ответ на вопрос), ликопонижения адресата (возражение, ответ, отказ и эмотивная реакция на РА ассертивы, квеситивы, директивы и экспрессивы) и ликоповышения / ликопонижения третьего лица (реакции на РА ассертивы, квеситивы и директивы).

Для реализации тактик намекания и эвфемизации используются высказывания только с конверсационными импликатурами, для реализации остальных тактик характерны как конверсационные, так и конвенциональные импликатуры.

Положения данной главы отображены в следующих публикациях автора [201; 200; 193; 191; 194; 190; 192].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Привлечение в качестве теоретико-методологической базы изучения реактивных высказываний с импликатурами дискурсивно-прагматического подхода позволило сделать следующие выводы относительно функционирования языковых средств, характерных для актуализации импликатур в ходе реализации немецкоязычного диалогического дискурса.

Выделено две группы импликатур: конвенциональные (лексико-грамматические и синтаксические) и конверсационные. Разница между ними состоит в том, что конвенциональные импликатуры имеют на лексико-грамматическом и синтаксическом уровне ряд индикаторов, на основании которых выводится импликатура. Конверсационные импликатуры таких индикаторов не имеют, и в этом случае импликатура выводится только на основании дискурсивного контекста.

Языковыми индикаторами конвенциональных импликатур являются имплицативные, фактивные и пресуппозиционные глаголы, градуальные частицы *auch*, *nur* и *sogar*, прилагательные в сравнительной и превосходной степени (прежде всего, *gut* и *gern*), наречия со скалярной семантикой (*immer*, *überall*, *zuerst*, *nie*), неопределенно-личные, указательные, отрицательные, притяжательные и личные местоимения, глаголы в сослагательном наклонении (*Konditionalis I* и *Präteritum Konjunktiv*), структуры риторического вопроса, побуждения и утверждения, условные придаточные предложения (полные и эллиптические) и структуры противопоставления специфических моделей.

Особенностью градуальных частиц как индикаторов импликатур в реактивных ходах диалогического дискурса являются семантические отношения их фокуса и сферы действия при конструировании этих импликатур: фокус частицы *auch* входит в ее сферу действия, фокус частицы *nur* исключается из ее сферы действия, сфера действия частицы *sogar* вытекает из ее фокуса.

Прилагательные в сравнительной и превосходной степени выступают в качестве индикаторов имплицатур в реактивных высказываниях немецкоязычного диалогического дискурса совместно с временными формами глаголов.

Местоимения индицируют скалярную имплицатуру совместно с той частью высказывания, которому оно предшествует.

Глаголы в формах сослагательного наклонения *Konditionalis I* и *Präteritum Konjunktiv* используются адресантом для передачи имплицатуры в простых свободно оформленных и клишированных предложениях.

Риторические вопросы, утверждения и побуждения представляют собой фразеошаблоны специфической структуры и характеризуются переосмыслением пропозиции. В риторических вопросах индикаторами выступают также модальные частицы и глаголы, генерализирующие наречия и местоимения, сравнительная степень прилагательного, глаголы в сослагательном наклонении, устойчивые конструкции, осложненные парентезными элементами, эллиптические формулы. Риторические утверждения демонстрируют следующие семантические модели: 1) *Ich werde p* +>> *Ich werde ~p*; 2) *Als ob p* +>> *~p*; 3) *Als ~p* +>> *p* или *Als p*. +>> *~p*, 4) *p möchte ich sehen* +>> *~p*. Индикаторами риторических побуждений являются побудительная синтаксическая структура предложения и частицы *nur*, *noch*.

Имплицатуры, индикаторами которых выступает ирреальное условное предложение, демонстрируют пять структурных типов: 1) *p?* – *Wenn p, dann q* +>> *~p*; 2) *p?* – *Wenn ~p, dann q* +>> *p*; 3) *p?* – *Wenn nur p, dann q* +>> *p&r*; 4) *p?* – *Wenn q* +>> *Wenn q, dann p*; 5) *p* – *Wenn q* +>> *~q*.

Структуры противопоставления относятся к фразеошablонам, демонстрируют эмотивность и по способу образования подразделяются на две группы: 1) возникающие непосредственно на базе иницирующего хода; 2) не использующие словесного материала из состава инициального хода. Противопоставительные структуры имеют следующие модели: 1) *Ich und p?* +>> *Ich ~p*; 2) *Ich und nicht p?* +>> *Ich p*; 3) *Du und p?* +>> *Du kannst ~p*.

Конверсационные импликатуры демонстрируют три типа: дедуктивные, индуктивные и абдуктивные. Дедуктивные импликатуры выводятся на основе посылок силлогизма, индуктивные – на основе эксплицируемого следствия или причины, абдуктивные – на основе гипотезы в рамках дискурсивного контекста.

Высказывания с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса реализуют имплицитные РА ассертивного, комиссивного, директивного и экспрессивного типов, являясь поддерживающими, неподдерживающими и отсроченными реакциями на ассертивы, квеситивы, директивы, комиссивы и экспрессивы. Имплицитных квеситивов в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса не зафиксировано.

В качестве реакции на ассертив реализуются имплицитные РА ассертив, директив или экспрессив – поддерживающие (подтверждение) и неподдерживающие (эмоциональное или рациональное возражение).

В качестве реакции на квеситив реализуются имплицитные РА ассертивы – не прямые ответы, и директивы, представляющие собой отсроченные и неподдерживающие реакции. Импликатуры ответов на специальные вопросы имеют два семантических типа: 1) восполнение недостающего элемента запрашиваемой пропозиции, выраженного вопросительным словом, и 2) отрицание пресуппозиции вопроса. В первом случае реализуется отсроченный реактивный РА, во втором – неподдерживающий. Импликатуры ответов на общие вопросы, представляющих собой отсроченные реактивные РА, имеют три семантических типа: 1) обоснование положительного или отрицательного ответа, 2) спецификация положительного или отрицательного ответа, 3) следствие из оценки вопроса как положительный или отрицательный ответ.

В качестве реакции на комиссив (оффератив) реализуются отсроченные РА – имплицитные согласия, и неподдерживающие РА – имплицитные отказы (деклинативы). Деклинатив предполагает импликатуру, основанную на причине

отказа, и имплицитную директивную иллокуцию. РА-согласие имеет имплицатуру двух семантических типов (обобщение и метакоммуникативный комментарий) и имплицитную директивную иллокуцию.

В качестве реакции на директив реализуются поддерживающие или отсроченные РА – имплицитные согласия, и неподдерживающие РА – имплицитные отказы. Имплицитные РА-отказы на директив содержат имплицитную комиссивную или директивную иллокуцию и имплицатуры пяти семантических типов (причина отказа, отрицание пресуппозиции, отсылка к общему знанию, несовместимость действий адресанта, отрицательная оценка инициального РА, информирование). Причина отказа конструируется в имплицатурах по трем семантическим моделям: *Es ist nicht nötig, weil p*, *Es hat keinen Zweck, weil p*, *Es ist nicht möglich, weil p*.

При согласии с РА директивом адресант выражает имплицитную комиссивную иллокуцию, передавая имплицатуры таких семантических типов, как позитивное отношение к предиктируемому действию, причина согласия, заверение в искренности, генерализация и констатации условия согласия.

Реакции на экспрессив подразделяются на реакции на негативный эвалюатив (обвинение) и на эмотив. РА обвинения вызывает поддерживающую реакцию – подтверждение, и неподдерживающую – оправдание, ответное обвинение, опровержение, ответный эмотив. РА отрицательный эмотив предполагает поддерживающую реакцию – утешение, положительный эмотив – поддерживающую эмотивную реакцию.

Реализация реактивных имплицитных РА обусловлена такими стратегиями, как аргументация (тактики обоснования и обобщения), вежливость (тактики ликоповышения адресата, собственного ликопонижения намекания) и вуалирование (тактики собственного ликоповышения, эвфемизации, уклонения, ликопонижения адресата и ликоповышения / ликопонижения третьего лица). Для реализации тактик намекания и эвфемизации характерны конверсационные имплицатуры, для реализации остальных тактик – как конверсационные, так и конвенциональные.

Таким образом, привлечение к исследованию реактивных высказываний с импликатурами дискурсивно-прагматического подхода показало свою целесообразность и дееспособность. Установлены структурно-семантические, лингвопрагматические и дискурсивно-стратегические свойства реактивных высказываний с импликатурами в немецкоязычном диалогическом дискурсе, что подтверждает гипотезу исследования и позволяет утверждать, что цель работы достигнута.

Результаты исследования открывают широкие перспективы для дальнейшего изучения реактивных ходов диалогического дискурса и актуализации в них импликатур на материале различных языков. В частности, перспективными представляются углубление анализа языковых индикаторов импликатур, рассмотрение национально-культурной специфики их актуализации, а также исследования релевантных проблем в диахроническом и сопоставительном аспектах.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка / Б.А. Абрамов. – М. : Владос, 2004. – 286 с.
2. Абрамова Т.В. Диалогическое единство «просьба – реакция» (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Т.В. Абрамова – Воронеж, 2003. – 257 с.
3. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса / О.В. Александрова. – М. : Высшая школа, 1984. – 212 с.
4. Алферов А.В. Интеракциональный дейксис / А.В. Алферов. – Пятигорск : Изд-во ПЛГУ, 2001. – 296 с.
5. Аникин Е.Е. Тактика имплицитного сопоставления в рекламном дискурсе США / Е.Е. Аникин // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – № 20. – С. 175–179.
6. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4. – С. 83–91.
7. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В. Арнольд – М. : Эдиториал УРСС, 2014. – 150 с.
8. Артеменко Ю.О. Дієслівні індикатори імплікатур в англomовному дискурсі: структурно-семантичний та лінгвопрагматичний аспекти : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Ю.О. Артеменко. – Харків, 2015. – 20 с.
9. Арустамян Ж.Р. Лингвистический статус диалогической реплики / Ж.Р. Арустамян // Университетские чтения 2009. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2009. – С. 164–168.
10. Арустамян Ж.Р. Имплицитность как интеракционная категория и механизмы ее реализации во французском языке (на материале малого

- фольклорного жанра анекдота) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.05 «Романские языки» / Ж.Р. Арустамян – Воронеж, 2011. – 21 с.
11. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики или о пользе спора / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М. : Наука, 1990. – С. 175–189.
  12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1998. – С. 660–668
  13. Бабич Е.Н. Типы вербальных реакций на речевые акты с нарушением условия искренности / Е.Н. Бабич // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2013. – № 1051. – С. 76–80.
  14. Балацька О.Л. Імпліцитні засоби вираження негативної оцінки у критичних зауваженнях в англомовній науковій статті / О.Л. Балацька // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна – 2014. – Вип. 1102. – С. 24–28.
  15. Балаян А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / А.Р. Балаян. – М. : АН СССР, Ин-т языкознания, 1971. – 177 с.
  16. Баранов А. Н. Модальные частицы в ответах на вопрос / А.Н. Баранов, И.М. Кобозева // Логический анализ языка: Прагматика и проблемы интенциональности. – М. : Наука, 1988. – С. 45–69.
  17. Баранов А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – № 2. – 1992. – С. 84–99.
  18. Бахарева Е.Н. Диалог как сфера реализации умозаключения (на материале английского языка) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Елена Николаевна Бахарева. – Нижний Новгород, 1999. – 16 с.
  19. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин ; сост. С.Г. Бочаров, В.В. Кожин. – М. : Худож. лит., 1986. – 543 с.
  20. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

21. Бацевич Ф.С. Про один тип прагматичних аномалій, або чим можна зіпсувати натяк? / Ф.С. Бацевич // Мовознавство. – 2000. – № 2-3. – С. 16–23.
22. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі / Л.Р. Безугла. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007. – 332 с.
23. Безугла Л.Р. Риторичні запитання як імпліцитні мовленнєві акти / Л.Р. Безугла // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2009. – № 866. – С. 58–62.
24. Безугла Л.Р. Діалог, діалогічний текст та діалогічний дискурс / Л.Р. Безугла // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2009. – № 867. – С. 3–8.
25. Безугла Л.Р. До розмежування конвенційних та дискурсивних імплікатур / Л.Р. Безугла // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2010. – № 930. – С. 55–61.
26. Безугла Л.Р. Лінгвопрагматика дискримінації у публіцистичному дискурсі / Л.Р. Безугла, І.О. Романченко. – Харків : ФОП Лисенко І.Б., 2013. – 182 с.
27. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации / А.Д. Белова. – К. : Изд-во Киев. гос. ун-та, 1997. – 299 с.
28. Белозьорова О.М. Дискурсивні властивості мовленнєвого акту натякання (на матеріалі сучасної німецької мови) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Олена Михайлівна Белозьорова. – Харків, 2007. – 20 с.
29. Белозьорова О.М. «Експлуатація» пресупозиції у реалізації мовленнєвого акту натякання / О.М. Белозьорова // Германістика у ХХІ столітті: когнітивна, соціо- та прагмалінгвістика: II Всеукраїнська наук. конф. германістів, 21 квітня 2012 р. : тези доповідей. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – С. 113–115.
30. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В.В. Богданов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 280 с.

31. Боголюбова Л.И. Механизмы речевого имплицирования (на материале французского языка) / Л.И. Боголюбова // Содержание единиц языка и текста : межвуз. сб. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – С. 164–176.
32. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов / И. М. Богуславский – М. : Наука, 1985. – 175 с.
33. Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Я.В. Боргер. – Тюмень, 2004. – 21 с.
34. Борисова Е.Г. О способах извлечения имплицитной информации / Е.Г. Борисова // Скрытые смыслы в языке и коммуникации. – М. : Изд-во Российск. гос. гуманит. ун-та, 2007. – С. 113–122.
35. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1996. – С. 21–48.
36. Борисова И.Н. Непрямая коммуникация в речевой систематике / И.Н. Борисова // Непрямая коммуникация. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 60–71.
37. Булыгина Т.В. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Известия АН СССР. – Серия литературы и языка. – 1982. – Т. 41, № 4. – С. 314–326.
38. Бырдина Г.В. Конструктивная роль исходной реплики в диалогическом вопросно-ответном единстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Г.В. Бырдина. – Воронеж, 1985. – 19 с.
39. Вежбицка А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» / А. Вежбицка // Непрямая коммуникация. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 136–159.
40. Вежбицкая А. Речевые акты / Анна Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 251–275.

41. Велівченко В.О. Імплікатура як спосіб трансляції емоцій мовця (на матеріалі сучасного англомовного емотивного дискурсу) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Віктор Олегович Велівченко. – Херсон, 2011. – 20 с.
42. Велівченко В.Ф. Когнітивно-дискурсивні засади сучасної лінгвістики / В.Ф. Велівченко // Сучасна філологія, методика викладання іноземних мов та теорія і методика професійної освіти у міжнародному просторі мови та культури. – Черкаси, 2012. – С. 20–23.
43. Велівченко В.Ф. Непряме втілення емотивно-оцінного змісту «ОСУД» у сучасній англійській мові / В.Ф. Велівченко // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2012.– Вип. 1022. – С. 25–30.
44. Вендлер З. Причинные отношения / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вип. 18. – 392 с.
45. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур ; изд. 4. – М. : Эдиториал УРСС, 2009. – 176 с.
46. Винокур Т.Г. Диалог / Т.Г. Винокур // Русский язык; Энциклопедия; гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М. : Большая Рос. энциклоп. : Дрофа, 1998. – С. 119–120.
47. Віротченко С.А. проксемічна складова англомовного діалогічного дискурсу : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Світлана Андріївна Віротченко. – Харків, 2011. – 20 с.
48. Висоцька Г.В. Функціонально-адаптивна система питання – відповідь у англомовному розмовному дискурсі : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Ганна Віталіївна Висоцька. – Харків, 2004. – 20 с.
49. Власова Т.М. Функционально-семантические типы реплик-реакций в диалоге пьес среднеанглийского периода : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т.М. Власова. – Л., 1980. – 20 с.
50. Вохрышева Е.В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия в новоанглийском языке : автореферат дис. ... д-ра

- филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Евгения Валерьевна Вохрышева. – СПб., 2001. – 44 с.
51. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским / В.Г. Гак. – М. : Русский язык, 1988. – 264 с.
  52. Герасимова О.И. Прагматическая детерминированность ответных реплик / О.И. Герасимова // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин : Изд-во Калининского гос. ун-та, 1985. – С. 44–48.
  53. Гладуш Н.Ф. Роль мовленнєвого акту в структурі дискурсу / Н.Ф. Гладуш // Проблеми семантики слова, речення та тексту : зб. наук. праць. – К. : Вид. центр КНЛУ. – 2007. – №. 18. – С. 34–40.
  54. Глушак В.М. Лингвопрагматический аспект речевого поведения коммуникантов в ситуациях повседневного общения (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / В.М. Глушак. – М., 2010. – 49 с.
  55. Говоруха Н. В. Структурные и когнитивно-семантические модели имплицатур субординативных тавтологических высказываний / Н.В. Говоруха // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2012. – № 1002. – С. 22–27.
  56. Головаш Л.Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Л.Б. Головаш. – Кемерово, 2008. – 24 с.
  57. Грибова П.Н. Лингвистическая сущность диалогической речи, ее роль и место в системе национального литературного языка [Электронный ресурс] / П.Н. Грибова – Режим доступа : <http://www.alba-translating.ru/index.php/ru/articles/2012/gribova2012.html>
  58. Грибок О.М. Обективація лінгвокультурних стереотипів у німецькомовному побутовому дискурсі : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Олена Миколаївна Грибок. – Харків, 2014. – 20 с.

59. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты / В.С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2007. – 288 с.
60. Гулієва Д.О. Комунікативні наміри дискурсивної стратегії схвалення (на матеріалі англомовного кінодискурсу) / Д.О. Гулієва // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2014. – Вип. 1102. – С. 94–99.
61. Гусева Г.Г. Стратегії комічного в комічному дискурсі мовної особистості дитини: емотивний аспект / Г.Г. Гусева // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2011. – Вип. 973. – С. 75–79.
62. Гумбольдт фон. В. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1988. – 397 с.
63. Гурочкина А.Г. Аргументативный дискурс: некоторые проблемы понимания / А.Г. Гурочкина // Интерпретация, понимание, перевод : сб. научн. ст. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФб, 2005. – С. 223–230.
64. Гурочкина А.Г. Диалогический дискурс как среда и результат межличностного взаимодействия / А.Г. Гурочкина // STUDIA LINGUISTICA XVIII. Актуальные проблемы современного языкознания : Сборник статей. — СПб. : Политехника-сервис, 2009. – С. 43–48.
65. Давыдова Т.В. Эвалюативы в системе оценочных речевых актов / Т.В. Давыдова // Каразінські Читання: Людина. Мова. Комунікація : тези доп. XIII наук. конф. з міжн. участю, 7 лютого 2014 р. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. – Ч. 1. – С. 84–86.
66. Девкин В.Д. Диалог: Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской : [учеб. пособие] / Валентин Дмитриевич Девкин. – М. : Высш. школа, 1981. – 160 с.
67. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Дейк Т.А. ван ; [пер. с англ. Изд. 2-е]. – М. : Эдиториал УРСС, 2015. – 320 с.
68. Дементьев В.В. Суггестивные аспекты косвенных речевых актов и речевых жанров / В.В. Дементьев // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2014. – № 8. – С. 20–36.

69. Дзюбенко А.И. Коммуникативная стратегия вежливости в современном английском художественном дискурсе: гендерный аспект / А.И. Дзюбенко, Д.А. Цимбалист // Теория и практика гендерных исследований в мировой науке. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 15–18.
70. Донец П.Н. О «пограничном» дискурсе / П.Н. Донец // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2011. – № 3. – С. 16–25.
71. Дубцова О.В. Лінгвокогнітивна природа комунікативних невдач (на матеріалі американського кинодискурсу) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Ольга Вячеславівна Дубцова. – Харків, 2014. – 20 с.
72. Еемеерен ван Ф. Аргументация, коммуникация и ошибки / Ф. ван Ееремен, Р. Гротендорст. – СПб : Васильевский остров, 1992. – 207 с.
73. Ейгер Г.В. Мотивационный потенциал речевых актов / Г.В. Ейгер, И.С. Шевченко // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2000. – № 500. – С. 10–17.
74. Ємельянова О.В. До питання про типологію адресатних невизначених реакцій / О.В. Ємельянова // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2003. – №611. – С. 112–115.
75. Ерліхман А.М. Засоби реалізації імпліцитності у драматургічному тексті (на матеріалі англomовних п'єс ХХ століття) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / А.М. Ерліхман. – Херсон, 2014. – 20 с.
76. Жарина О.А. Категория имплицитности как основа для формирования единиц дискурса и текста (на метериале русского и английского языков) автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / О.А. Жарина. – Ростов н. Д., 2006. – 20 с.
77. Жданова Е.В. Личность и коммуникация : практикум по речевому взаимодействию / Е.В. Жданова. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 176 с.

78. Зайцева Т.А. Иницирующие коммуникативные ходы в английской диалогической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т.А. Зайцева – Белгород, 1998. – 18 с.
79. Зализняк А.А. О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) / А.А. Зализняк // Логический анализ языка: Знание и мнение. – М. : Наука, 1988. – С. 107–120.
80. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / А.Н. Зарецкая. – Челябинск, 2010. – 22 с.
81. Засєкін С.В. Дискурсивні маркери когерентності англомовного діалогічного тексту: когнітивний та прагматичний аспекти : дис... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Сергій Васильович Засєкін. – Луцьк, 2001. – 174 с.
82. Застровський О.А. Семантико-прагматичні властивості градуальних часток сучасної німецької мови : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / О.А. Застровський. – Луцьк, 2006. – 206 с.
83. Зверєва О.Г. Комунікативні стратегії сіблінгів в англомовному сімейному дискурсі : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О.Г. Зверєва. – Харків : 2014. – 20 с.
84. Зимич Є.В. Структурно-семантичні і прагматичні особливості маритального діалогічного дискурсу: автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Євгенія Володимірівна Зимич. – Харків, 2011. – 20 с.
85. Иванова Ю. М. Эвфемизация и дисфемизация как стратегии манипуляции в политическом дискурсе / Ю.М. Иванова // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. – Волгоград : Колледж, 2001. – С. 230–235.
86. Изаренков Д.И. Обучение диалогической речи / Д.И. Изаренков. – М. : Русский язык, 1981. – 136 с.

87. Ильичева Е.О. Прагматика дедуктивных умозаключений в политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е.О. Ильичева. – Барнаул, 2007. – 20 с.
88. Ирисханова О.К. Речевые акты уклонения: на стыке когнитологии и прагматики / О.К. Ирисханова // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянской культуры, 2009. – С. 684–693.
89. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – Изд. 7-е, ст. – М. : КомКнига, 2015. – 304 с
90. Калитюк Л.П. Транспоновані питальні висловлення як мовленнєві акти експресиви в середньо- та ранньоновоанглійській мові / Л.П. Калитюк // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2012. – Вип. 1023. – С. 42–46.
91. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2002. – 333 с.
92. Карпчук Н. П. Адресованість в офіційному та неофіційному англомовному дискурсі (комунікативно-прагматичний аналіз) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Н.П. Крапчук. – Харків, 2005. – 20 с.
93. Киселева В.В. Варьирование вербальных реакций в аргументативном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / В.В. Киселева. – Ижевск, 2006. – 20 с.
94. Кобозева И.М. Об одном способе косвенного информирования / И.М. Кобозева, Н.И. Лауфер // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1988. – Т. 47, № 5. – С. 462–471.
95. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева ; изд. 6. – М. : Эдиториал УРСС, 2015. – 352 с.
96. Кобяков А.Н. Несогласие как структурная форма диалогического взаимодействия / О.Н. Кобяков, К.В. Чуланов, А.Н. Ляпа // Філологічні трактати. – 2011. – Т.3, №3. – С. 29–33.

97. Козловский В.В. Конъюнктив и выражение модального значения "ИРРЕАЛЬНОСТЬ" (на материале простого предложения современного немецкого языка) / В.В. Козловский // Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. – 2004. – № 635. – С. 84–88.
98. Козловский В.В. Коммуникативно-прагматический аспект предложений с претеритальным конъюнктивом в современном немецком языке / В.В. Козловский // Науковий Вісник Міжнародного гуманітарного університету. – Серія: Філологія. - 36. наук. пр. / М-во освіти і науки України, Одеса. / Головний редактор серії – І.В. Ступак. – Одеса. : Міжнародний Гуманітарний Університет, 2015. – Вип. 16. – С. 121–125.
99. Козлова В.В. Реалізація виховного впливу в англomовному парентальному дискурсі: структурно-семантичний та прагматичний аспекти : автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 «Германські мови» / В.В. Козлова. – Харків, 2012. – 20 с.
100. Колокольцева Т.Н. Культура диалогического общения (реплики-реакции в диалоге) [Электронный ресурс] / Т.Н. Колокольцева // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – № 1(2), 2009. – Режим доступа : www.grani.vspu.ru
101. Комина Н.А. Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Н.А. Комина. – Киев, 1984. – 24 с.
102. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 349–382.
103. Копинин П.В. Диалектика, логика, наука / П.В. Копинин. – М. : Наука, 1973. – 464 с.
104. Косоножкина Л.В. Структурно-семантические и прагматические особенности эллиптических предложений в составе вопросно-ответного диалогического единства (на материале современного английского языка)

- : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Л.В. Косоножкина. – Пятигорск, 1989. – 17 с.
105. Котов М.В. Адаптивні стратегії полікультурно-дискурсивної особистості в англомовному комунікативному просторі : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Михайло Володимирович Котов. – Харків, 2014. – 20 с.
  106. Кравченко Н.К. Мена коммуникативных ролей как конститутивная категория дискурса / Н.К. Кравченко // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2013. – № 1052. – С. 6–10.
  107. Крапива Ю.В. Прагматична імплікація в публіцистичному тексті (на матеріалі коротких журнальних статей українською, англійською та російською мовами) / Ю.В. Крапива // Мовні і концептуальні картини світу. – № 21, частина 2. – К. : ВПЦ «Київський університет», 2007. – С. 107–112.
  108. Криворучко С.І. Лінгвопрагматичні властивості перлокутивних оптимізаторів у сучасному німецькомовному дискурсі : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / С.І. Криворучко. – Харків, 2011. – 20 с.
  109. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. / Е.С. Кубрякова – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 549 с.
  110. Кудоярова О.В. Национально-культурная специфика тематического варьирования в медицинском профессионально-профессиональном кооперативном дискурсе / О.В. Кудоярова // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2014. – № 1102. – С. 59-64.
  111. Кудряшов И.А. Косвенный комиссивный акт как реакция на побудительный стимул в диалоге [Электронный ресурс] / И.А. Кудряшов, Т.А. Макова – 2013. – Режим доступа : http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/kudryashov_makova.html

112. Куликова О.В. Лингвопрагматические основания теории аргументации (на материале английского языка) : автореф. дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / О.В. Куликова. – М., 2011. – 59 с.
113. Кунаева Н.В. Логико-семантический анализ высказываний, используемых в ситуации общения / Н.В. Кунаева // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 91–94
114. Кусько К.Я. Когнітивно-дискурсивний потенціал інформативного трансферу / К.Я. Кусько // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2004. – №635. – С. 91–93.
115. Кучинский Г.М. Диалог и мышление / Г.М. Кучинский – Минск, 1983. – 190 с.
116. Лавріненко І.М. Стратегії і тактики зміни комунікативних ролей у сучасному англomовному кінодискурсі : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 / І.М. Лавріненко. – Харьков, 2011. – 21 с.
117. Лагутин В.И. Проблемы анализа художественного диалога (к прагмалингвистической теории драмы) / В.И. Лагутин. – Кишинев : Штиинца, 1991. – 100 с.
118. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации / Т.В. Ларина. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 516 с.
119. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении / Г.В. Лейбниц // Сочинения. – М. : Мысль, 1983. – Т. 2. – 636 с.
120. Лингвистическая характеристика диалога и диалогической речи [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.superinf.ru/view_article.php?id=79
121. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной имплицативной семантикой в дискурсе (языковой, логический и прагматический аспекты) : автореф. дисс. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Л.В. Лисоченко. – Краснодар, 1993. – 48 с.
122. Лозинская Е.А. Диалогическое единство как основа коммуникации [Электронный ресурс] – Режим доступа :

http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/IV/uch_2009_IV_00006.pdf

123. Лопатюк О.В. Конструкції зі значенням ірреальної умови в сучасній німецькій мові: структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Олександр Вікторович Лопатюк ; Чернівецький нац. ун-т імені Ю. Федьковича. – Чернівці, 2008. – 20 с.
124. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 448 с.
125. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис. – 2003. – 280 с.
126. Маккьюин К. Дискурсивные стратегии для синтеза текста на естественном языке / Кэтлин Маккьюин // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. 24. – С. 311–357.
127. Малая О.Ю. Теорія «обличчя» як методологічне підґрунтя дослідження реалізації стратегій ввічливості та неввічливості у німецькомовному інтернет-дискурсі / О.Ю. Малая // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2011. – Вип. 973. – С. 51–56.
128. Маликова Е.А. Вопросительное предложение: номинативные и коммуникативные аспекты: на материале современного английского языка : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е.А. Маликова. – Киев, 1989. – 25 с.
129. Малімонова Н.В. Оpozитивна реакція в сучасній англійській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Н.В. Малімонова – Харків, 1996. – 20 с.
130. Мартемьянов Ю.С. Имплицитная информация на синтаксическом уровне / Ю.С. Мартемьянов // Имплицитность в языке и речи. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 163–192.

131. Мартинюк А.П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики / А.П. Мартинюк. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011. – 196 с.
132. Марунько О.А. Усталені конструкції з кон'юнктивом у сучасній німецькій мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Оріся Адамівна Марунько. – К. : Київський нац. ун-т імені Т. Шевченка, 2009. – 20 с.
133. Масленникова А.А. Место риторического вопроса в антропоцентрической парадигме / А.А. Масленникова // Антропоцентризм в языке и речи. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – С. 68–75.
134. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : автореф. дис. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.09 «Финно-угорские и самодийские языки» / А.А. Масленникова. – СПб., 1999. – 35 с.
135. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику / А.Ю. Маслова ; 3-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 152 с.
136. Матевосян Л.Б. Имплицитные смыслы высказывания в рамках диалогического единства / Л.Б. Матевосян // Филологические науки. – 1996. – №3. – С. 72–79.
137. Матвеева Г.Г. Основы прагмалингвистики / Г.Г. Матвеева, А.В. Ленец, Е.И. Петрова. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 232 с.
138. Мечковская Н. Б. Речевое общение в жизни, в романе и драме: коммуникативные инварианты и семиотические метаморфозы (на материале романов и пьес Михаила Булгакова) / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка: Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. – М. : Индрик, 2010. – С. 252–277.
139. Михайлов Л.М. Грамматика немецкой диалогической речи / Л.М. Михайлов. – М. : Высшая школа, 1986. – 110 с.
140. Михеев М.Ю. Обоснование высказывания / М.Ю. Михеев // НТИ. – 1989. – Сер. 2, № 8. – С. 25–32.

141. Мозгова Н.Г. Логіка / Н.Г. Мозгова. – Київ : Каравела, 2007. – 248 с.
142. Молчанова Г.Г. Импликативные аспекты семантики художественного текста : автореф. дис. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Г.Г. Молчанова. – М., 1990. – 40 с.
143. Морозова Е.И. Мировоззренческие параллели в трактовке содержания терминов «дискурс», «контекст», «ситуация» / Е.И. Морозова // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2010. – Вип. 897. – С. 99–104.
144. Морозова И.Б. Организующая роль истинно-оценочных высказываний в процессе речевого взаимодействия коммуникантов / И.Б. Морозова, И.Ф. Чайковская // Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть : материалы конференции. – Ялта, 2001. – С. 178–180.
145. Муханов И.Л. О текстообразующей функции имплицитных смыслов высказывания (диалог) / И.Л. Муханов // Имплицитность в языке и речи. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 88–94.
146. Никитин М.В. Имплицитное значение в структуре вербальной коммуникации / М.В. Никитин // Коммуникативные единицы языка : тезисы докл. Всесоюз. науч. конф., 1984 г. – М. : МГИИЯ им. Мориса Тореза, 1984. – С. 87–90.
147. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М. : Высшая школа, 1988. – 168 с.
148. Овшиева Н.Л. Уровни восприятия английской диалогической речи / Н.Л. Овшиева. – Элиста : РИО «Джангар», 2001. – 128 с.
149. Олексієнко Л.П. Прагматична характеристика та структурна організація англійського діалогу / Л.П. Олексієнко // Вісник КНУ імені Т. Шевченка. – Сер. Іноземна філологія. – 2001. – № 31. – С. 25–28.
150. Оробінська Р.В. Персональне діалогічне мовлення: структурно-семантичний та комунікативно-функціональний аспекти (на матеріалі сучасних німецьких художніх фільмів) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Руслана Володимирівна Оробінська. – Київ, 2015. – 20 с.

151. Осборн М. Метафора в публичном выступлении ; пер. с англ. Т.Н. Зубакиной / М. Осборн, Д. Эллингер // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1 (35). – С. 244–253.
152. Осовська І.М. Прагматична варіативність імпліцитної відмови / І.М. Осовська // «Ювілейні Четверті Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація» : мат-ли міжнар. науково-метод. конф. – Харків : Харків. нац. ун-т імені В.Н. Каразіна, 2004. – С. 206–208.
153. Остин Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике.– М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 35–47.
154. Падучева Е. В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении / Е. В. Падучева // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 1981. – № 11. – С. 23–30.
155. Падучева Е.В. О логическом анализе семантики вопроса / Е.В. Падучева // Логический анализ естественного языка. – Вильнюс : Вильнюсский гос. ун-т, 1982. – С. 50–53.
156. Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога / Е.В. Падучева // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1982. – № 4. – С. 305–313.
157. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е.В. Падучева ; изд 6. – М. : Эдиториал УРСС, 2010. – 296 с.
158. Панина Н.А. Имплицитность языкового выражения и ее типы / Н.А. Панина // Значение и смысл речевых образований. – Калинин : Изд-во Калининского гос. ун-та, 1979. – С. 48–59.
159. Панченко І.М. Імпліцитна адресатна референція в мовленнєвих актах директивах // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2014. – Вип. 1124. – С. 144–151.
160. Пасинок В.Г. Дискурсивні підходи у французькій гуманітарній свідомості / В.Г. Пасинок // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2015. – № 1155. – С. 53–57.

161. Пенина Т.П. Ответные реплики с имплицитным смыслом несогласия в структуре диалогического текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.П. Пенина. – Ставрополь, 2003. – 18 с.
162. Петкова С. Средства оптимизации речевой интеракции в русском диалоге в сопоставлении с болгарским / С. Петкова // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. – Шумен : Изд-во «Епископ Константин Преславски», 2006. – С. 241–256.
163. Пірог І.І. Аргументація в сучасній німецькій публіцистиці: прагмалінгвістичний аспект : дис. ... кандидата філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / Інна Іванівна Пірог. – Київ, 2009. – 209 с.
164. Пірог І.І. Переклад непрямих мовленнєвих актів з німецької мови на українську / І.І. Пірог, О.Д. Сапко // *Studia Linguistica*. – Випуск 5. – Ч. 1. – К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2011. – С. 470–475.
165. Плеханова Т.Ф. Дискурсивно-диалогическая концепция художественного текста : автореф. дисс. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т.Ф. Плеханова. – Минск, 2005. – 32 с.
166. Плотникова А. В. Средства связи компонентов диалогических единств / А.В. Плотникова // *Филологические науки в России и за рубежом : материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, февраль 2012 г.)*. – СПб. : Реноме, 2012. – С. 157–159.
167. Попов Ю.В. «Скрытый» смысл в структуре текста / Ю.В. Попов // *Содержательные аспекты предложения и текста*. – Калинин : Изд-во Калининского гос. ун-та, 1983. – С. 100–107.
168. Потыкина В.Л. Активация контекстных ресурсов в негативной реакции на достоверность высказывания / В.Л. Потыкина // *Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна*. – 2001. – № 537. – С. 93–99.
169. Почепцов Г.Г. Избранные труды по лингвистике / Г.Г. Почепцов. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2009. – 556 с.

170. Приходько Г.І. Когнітивно-комунікативні способи імплікування оцінки / Г.І. Приходько // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2005. – № 609. – С. 31–34.
171. Приходько А.Н. Когнитивно-коммуникативная типология дискурса / А.Н. Приходько // Вісник КНЛУ. – Сер. Філологія. – 2009. – Т.12, № 1. – С. 20–24.
172. Пророкова В.М. Слова-«приправы», слова-«заплаты»: Модальные частицы в немецком языке / В.М. Пророкова. – М. : Высшая школа, 1991. – 127 с.
173. Проценко О.О. Імплікативний простір американської поезії ХХ століття: лінгвокогнітивний аспект : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Ольга Олександрівна Проценко. – Харків, 2010. – 20 с.
174. Пудровська Т.М. Мовленнєві акти офератив і деклінатив у системі мовлення (на матеріалі сучасної англійської мови) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Т.М. Пудровська. – Харків, 2000. – 18 с.
175. Пшеничних А.М. Реперспективізація предметної ситуації в англomовному діалогічному дискурсі (на матеріалі мультимедійних ігрових кінотворів) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Анастасія Миколаївна Пшеничних. – Харків, 2011. – 20 с.
176. Радаев А.М. Функциональная модель оппозитивного (полемиического) диалога : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А.М. Радаев. – М., 1984. – 20 с.
177. Разлогова Е.Э. Когнитивные установки в прямых и не прямых ответах на вопрос / Е.Э. Разлогова // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М. : Наука, 1989. – С. 133–155.
178. Рибакoва О.В. Вплив параметрів комунікативної ситуації на реалізацію стратегії незгоди (на матеріалі англomовного кінодискурсу) /

- О.В. Рибакowa // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2012. – Вип. 1022. – С. 95–99.
179. Рудик І.М. Комунікативно-прагматичні типи висловлювань зі значенням згоди / незгоди в сучасній англійській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец 10.02.04 «Германські мови» / І.М Рудик. – Харків, 2000. – 17 с.
  180. Саввина Е.Н. Движение информации в диалоге / Е.Н. Саввина // Диалоговое взаимодействие и представление знаний : сб. науч. тр. ; под ред. А. С. Нариньяни. – Новосибирск, 1985. – С. 27–38.
  181. Самкова М.А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий [Электронный ресурс]. – Режим доступа – www.gramota.net/materials/2/2011/1/36.html
  182. Самохина В.А. Текстуальный и дискурсивный аспекты современной англоязычной шутки / В.А. Самохина // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2012. – № 5. – С. 52–73.
  183. Свинцов В.И. Логика / В.И. Свинцов – М. : Высшая школа, 1987. – 250 с.
  184. Святогор И.П. Типы диалогических реплик в современном русском языке : дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / И.П. Святогор. – М., 1967. – 254 с.
  185. Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов [материалы межд. научн. конф., (Калининград – Светлогорск, 15-17 сентября 2005 г.)] / Рос. гос. ун-т имени И. Канта; под ред С.С. Ваулиной. – Калининград : Изд-во РГУ имени И. Канта, 2006. – 334 с.
  186. Сенченкова Н.Г. Прагматическая детерминированность импликации в немецкой диалогической речи / Н.Г. Сенченкова // Прагматические аспекты предложения и текста. – Л. : Изд-во ЛГПИ, 1990. – С. 70–76.
  187. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – № 17. – С. 170–194.
  188. Серль Дж.Р. Природа интенциональных состояний / Дж.Р. Серль // Философия, логика и язык. – М. : Прогресс, 1987. – С. 96–127.

189. Сидорова М.О. Виды диалогических реакций с позиции логики и прагматики / М.О. Сидорова // Тези доповідей II Всеукраїнської наукової конференції германістів «Германістика у XXI столітті: когнітивні, соціо- та прагмалінгвістика» з міжнародною участю. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – С. 145–146.
190. Сидорова М.О. Дискурсивно-стратегические свойства высказываний с импликатурами в реактивных ходах немецкоязычного диалогического дискурса / М.О. Сидорова // Тези доповідей XIV наукової конференції “Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація” з міжнародною участю. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – С. 211–212.
191. Сидорова М.О. Иллокутивные свойства реактивных речевых актов с импликатурами / М.О. Сидорова // Тези доповідей IX наукової конференції “Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація” з міжнародною участю. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. – С. 273–275.
192. Сидорова М.О. ИмPLICITные речевые акты в реактивных ходах немецкоязычного дискурса / М.О. Сидорова // Вісн. Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2009. – № 867. – С. 44–48.
193. Сидорова М.О. ИмPLICITное выражение несогласия в немецкоязычном диалогическом дискурсе / М.О. Сидорова // Тези доповідей X наукової конференції “Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація” з міжнародною участю. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011. – С. 265–266.
194. Сидорова М.О. Импликатуры в ответных реакциях немецкоязычного диалогического дискурса / М.О. Сидорова // Тези доповідей XII наукової конференції “Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація” з міжнародною участю. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – С. 281–282.
195. Сидорова М.О. Лексико-грамматичні імплікатури в реактивних ходах діалогічного дискурсу / М.О. Сидорова // Філологічні науки в умовах

- сучасних трансформаційних процесів : Міжнародної науково-практичної конференції. – Львів : ГО «Наукова філологічна організація «Логос», 2014. – С. 116–117.
196. Сидорова М.О. Лексико-грамматические импликатуры в реактивных ходах диалогического дискурса немецкого языка / М.О. Сидорова // Збірник наукових праць «Нова філологія». – Запоріжжя : ЗНУ, 2014. – № 66. – С. 203–208
  197. Сидорова М.О. Прагматика риторических вопросов в реактивных дискурсивных ходах / М.О. Сидорова // Тези доповідей XIII наукової конференції «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація» з міжнародною участю. – Частина 2. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. – С. 97–99.
  198. Сидорова М.О. Риторические вопросы в реактивных ходах дискурса / М.О. Сидорова // Language und Literature in the contemporary Paradigm of scientific knowledge. – Yerevan : Lusakn, 2015. – P. 28–33.
  199. Сидорова М.О. Синтаксические импликатуры высказываний-реакций в немецкоязычном диалоге / М.О. Сидорова // Тези доповідей III Всеукраїнської наукової конференції германістів «Германістика у XXI столітті: когнітивні, соціо- та прагмалінгвістика» з міжнародною участю. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. – С. 82–83.
  200. Сидорова М.О. Типы скрытых смыслов в вопросно-ответных единствах немецкоязычного диалогического дискурса / М.О. Сидорова // Тези доповідей Всеукраїнської наукової конференції германістів «Германістика у XXI столітті: когнітивні, соціо- та прагмалінгвістика» з міжнародною участю. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. – С. 80–82.
  201. Сидорова М.О. Типы скрытых смыслов в реактивных ходах вопросно-ответных пар немецкоязычного диалогического дискурса / М.О. Сидорова // Функциональная лингвистика / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования. – № 2, Том №2. – Симферополь, 2011. – С. 181–183.

202. Сидорова М.О. Условное предложение как индикатор дискурсивной имплицатуры / М.О. Сидорова // Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету, Серія: Філологія. – Випуск 8, том 1. – Одеса, 2014. – С. 175–177.
203. Сеницына А.Н. Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А.Н. Сеницына. – СПб., 2005. – 19 с.
204. Слышкин Г. Г. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. – М. : Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
205. Солощук Л.В. Особливості функціонування невербальних компонентів комунікації в англomовному діловому діалогічному дискурсі / Л.В. Солощук // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2013. – Вип. 1051. – С. 77–82.
206. Старикова Е.Н. Имплици́тная предикативность в современном английском языке [монография] / Е.Н. Старикова. – К. : Вища школа, 1974. – 142 с.
207. Старикова О.М. Імплікації в дискурсі / О.М. Старикова, О.Є. Ткачук-Мірошніченко // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2000. – № 471. – С. 246–249.
208. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с.
209. Сыщиков О.С. Имплици́тность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / О.С. Сыщиков. – Волгоград, 2000. – 23 с.
210. Тофтул М.Г. Логіка / М.Г. Тофтул. – Київ : Академія, 2006. – 400 с.
211. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания / И.Г. Торсуева. – М. : Наука, 1979. – 111 с.
212. Тюрина С.Ю. Диалогический дискурс в деловой межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] – 2005. – Режим доступа : <http://www.my-luni.ru/journal/clauses/112/>

213. Ущина В.А. Позиціонування суб'єкта у дискурсивних ситуаціях ризику/ В.А. Ущина // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2012. – № 1023. – С. 77-85.
214. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте / М.Ю. Федосюк. – М. : Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. – 84 с.
215. Филиппов К.А. Лингвистика текста / К.А. Филиппов – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – 336 с.
216. Филлмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания / Ч.Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 52–92.
217. Философия языка в границах и вне границ: Пространства и миры – «новый», «воображаемый», «ментальный» и прочие / [Ю.С. Степанов, В.В. Прокопенко, Ю.И. Святко и др.] ; инауч. ред. тома Д.И. Руденко. – Т. 2. – Харьков : Око, 1994. – 176 с.
218. Фролкина Л.В. К вопросу о типах имплицитных смыслов высказывания и возможных путях их анализа / Л.В. Фролкина // Русский язык: Вопросы функционирования и методики обучения. – М. : ИРЯ, 1995. – С. 44–53.
219. Фролова І.С. Регулятивний потенціал стратегії конфронтації в англомовному дискурсі : автореф. дис. ... доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Ірина Євгенівна Фролова. – Харків, 2015. – 36 с.
220. Хворостин Д.В. Неассертивные компоненты смысла высказывания как средство корректировки языковой картины мира / Д.В. Хворостин // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. – Челябинск : Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2003. – С. 203–205.
221. Хлебцова Н.К. Негативные реакции в диалоге / Н.К. Хлебцова // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2005. – № 5. – С. 123–128.
222. Хорошилова В.Н. Дискурсивні особливості реалізації стратегії завдання образи як підтипу невічливості в інтернет-просторі / В.Н. Хорошилова //

- Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2014. – Вип. 1102. – С. 100–106.
223. Хохловская О.Г. Диалогический дискурс в лингвокультурологическом аспекте: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 «Теория языка» / О.Г. Хохловская. – Челябинск, 2006. – 247 с.
  224. Храковский В.С. Условные конструкции: взаимодействие кондициональных и темпоральных значений / В.С. Храковский // Вопросы языкознания. – 1994. – № 6. – С. 129–139.
  225. Хундснуршер Ф. Основы, развитие и перспективы анализа диалога / Ф. Хундснуршер // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 38–50.
  226. Чахоян Л.П. Синтаксис диалогической речи современного английского языка / Л.П. Чахоян. – М. : Высшая школа, 1979. – 168 с.
  227. Челпанов В.Г. Учебник логики / В.Г. Челпанов. – М. : Научная библиотека, 2010. – 128 с.
  228. Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? / В.Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2011. – № 3. – С. 86–97.
  229. Чрдилели Т.В. Роль проксемических компонентов в деловом диалогическом дискурсе / Т.В. Чрдилели // Наукові записки. – Вип. 96 (1). – Серія Філологічні науки (Мовознавство): у 2 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ імені Винниченка, 2011. – С. 361–365.
  230. Шаронов И.А. Имплицитная информация и типы речевых актов (речевой акт ПРИЗНАНИЕ) / И.А. Шаронов // Имплицитность в языке и речи. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 95–107.
  231. Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения / И.Б. Шатуновский // Агрессия в языке и речи. – М. : Изд-во РГГУ, 2004. – С. 19–37.
  232. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. – М. : Изд-во АН СССР. – 1960. – 377 с.

233. Шевченко І.С. Когнітивно-прагматичні дослідження дискурсу / І.С. Шевченко // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Харків : Константа, 2005. – С. 105–117.
234. Шевченко І.С. Проблеми типології дискурсу / І.С. Шевченко, О.І. Морозова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Харків : Константа, 2005. – С. 233–236.
235. Шейгал Е.И. Эвфемизация в политическом дискурсе / Е.И. Шейгал // Языковая личность: проблемы креативной семантики. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 158–171.
236. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : Гнозис. – 2004. – 326 с.
237. Шендельс Е.И. Имплицитность в грамматике / Е.И. Шендельс // Сборник научных трудов МГПИЯ им. М. Тореца. – М. : Изд-во МГПИЯ, 1977. – №112. – С. 109–120.
238. Шендельс Е.И. Практическая грамматика немецкого языка / Е.И. Шендельс. – М. : Высшая школа, 1988. – 416 с.
239. Эккерт А.В. Способы выражения умозаключения в современном немецком языке (к диалектике взаимодействия эксплицитного и имплицитного логического содержания основных единиц языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / А.В. Эккерт. – М., 1991. – 23 с.
240. Юшина Т.С. Структурно-пресуппозиционные высказывания в англоязычном дискурсе : семантика и прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Татьяна Станиславовна Юшина. – Харьков, 2014. – 20 с.
241. Якубинский Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17–58.
242. Adamzik K. Dialoganalyse: eine Disziplin auf der Suche nach ihrer Identität / K. Adamzik // Future Perspectives of Dialogue Analysis. – Tübingen : Niemeyer, 1995. – P. 35–78.

243. Arnovick L.K. The expanding discourse of promises in present-day English / L.K. Arnovick // *Pragmatics II.* / L., N.Y. : Routledge, 2012. / Vol. V. / P. 334–350.
244. Arroyo J.L.B. Interpersonal issues in political discourse / J.L.B. Arroyo // *Interpersonal Pragmatics.* – Berlin, N.Y. : de Gruyter, 2010. – P. 405–434.
245. Bach K. The Myth of conventional implicature / K. Bach // *Linguistics and Philosophy.* – 1999. – No. 22. – P. 327–366.
246. Bach K. Conversational implicature / K. Bach // *Pragmatics II.* / L., N.Y. : Routledge, 2012. / Vol. III. / P. 235–276.
247. Bach K. Linguistic communication and speech acts / K. Bach, R.M. Harnisch. – Cambridge, Mass., London : MIT Press, 1979. – 327 p.
248. Bartelborth Th. Abduktion, Verstehen, Implikaturen / Th. Bartelborth // Siebel M. (Hg.) *Kommunikatives Verstehen.* – Leipzig : Leipziger Univer. Verl., 2002. – S. 183–197.
249. Bechmann S. Rhetorische Fragen / S. Bechmann. – München : Akademische Verlagsgemeinschaft, 2010. – 119 S.
250. Besch W. Hierarchie und Höflichkeit in der deutschen Sprache / W. Besch // *Brücken schlagen <Weit draußen auf eigenen Füßen>.* Festschrift für Fernand Hoffmann. [Hrsg. J. Kohnen, H.–J. Solms, K.–P. Wegera]. – Fr./M. : Lang, 1994. – S. 247–260.
251. Bezugla T. Pragmatische Eigenschaften des Werbetextes / Tetiana Bezugla // *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik.* – Fr./M. : Peter Lang, 2013. – S. 225–232.
252. Betten A. Einige grundsätzliche Überlegungen zur Beschreibung Alltagssprachlicher und literarischer Dialoge / A. Betten // *Dialoganalyse.* – Tübingen : Niemeyer, 1986. – S. 3–12.
253. Bilut-Homplewicz Z. Der literarische Dialog als Gegenstand linguistischer Forschung / Z. Bilut-Homplewicz // *Kognitive Aspekte der Sprache.* – Tübingen : Niemeyer, 1996. – S. 17–20.

254. Blanken G. Bestätigungsfragen mit *nicht* und *doch*. Fragefunktionstyp und Pertikelverwendung / G. Blanken // Deutsche Sprache. 1983. – Nr. 4. – S. 250–260.
255. Blum-Kulka S. Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies / S. Blum-Kulka, J. House, G. Kasper. – Norwood, N.J. : Ablex, 1989. – 300 p.
256. Blutner R. Embedded implicatures and optimality theoretic pragmatics / R. Blutner // Pragmatics II. / L., N.Y. : Routledge, 2012. / Vol. III. / P. 103–120.
257. Borg E. On three theories of implicature: default theory, relevance theory and minimalism / E. Borg // Pragmatics II. / L., N.Y. : Routledge, 2012. / Vol. III. / P. 212–232.
258. Bosco F.M. The fundamental context categories in understanding communicative intention / F.M. Bosco, M. Bucciarelli, B.G. Bara // Journal of Pragmatics. – 2004. – No. 36. – P. 467–488.
259. Bratman M.E. What is Intention? / M.E. Bratman // Intentions in Communication. – Cambridge, Mass., L. : MIT. – 1990. – P. 388–400
260. Brinker K. Linguistische Gesprächsanalyse / K. Brinker, S. Sager. – Berlin : Schmidt, 2001. – 215 S.
261. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – L., N.Y. [et al.] : Cambridge University Press, 1987. – XIV. – 345 p.
262. Burger H. Dramatischer Dialog und restringiertes Sprechen / H. Burger, P. von Matt // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 1974. – Nr. 2. – S. 269–298.
263. Burton D. Analysing Spoken Discourse / D. Burton // Studies in Discourse Analysis, ed. by M. Coulthard and M. Montgomery. – L., Boston : Routledge and Kegan Paul, 1981. – P. 61–81.
264. Cap P. Micropragmatics and macropragmatics / P. Cap // Foundations of Pragmatics. – B., Boston : de Gruyter, Mouton, 2011. – P. 51–76.

265. Chierchia G. Scalar implicatures, polarity phenomena, and the syntax / pragmatics interface / G. Chierchia // *Pragmatics II.* / L., N.Y. : Routledge, 2012. / Vol. IV. / P. 335–416.
266. Conrad R. Studien zur Syntax und Semantik von Frage und Antwort / R. Conrad. – B. : Akademie-Verl., 1978. – 144 S.
267. Cornelissen R. Drama und Sprechakttheorie: Die Aufforderungsintensität der Komödien Molières / R. Cornelissen. – Stuttgart : Steiner, 1985. – 216 S.
268. Coulmas F. Rezeptives Sprachverhalten. Eine theoretische Studie über Faktoren des sprachlichen Verstehensprozesses / F. Coulmas. – Hamburg : Buske, 1977. – 301 S.
269. Coulthard M. Forensic Discourse Analysis / M. Coulthard // *Advanced in Spoken Discourse Analysis.* – L. : Routledge, 1992. – P. 242–257.
270. Diße-Runte Th. Lexikalische und grammatische Mittel zur Markierung des rhetorischen Gebrauchs von W-Fragesätzen im Deutschen / Th. Diße-Runte // *Neue Fragen der Linguistik.* – Tübingen : Niemeyer, 1992 – Bd. 1. – S. 316–320.
271. Ebert K.H. Präsuppositionen im Sprechakt // Franck D., Petöfi J. (Hg.) *Präsuppositionen in Philosophie und Linguistik.* – Fr./M. : Athenäum, 1973. – S. 421–440.
272. Edmondson W. Let's Talk and Talk About It: A Pedagogic Interactional Grammar of English / W. Edmondson, J. House. – München : Urban und Schwarzenberg, 1981. – 269 p.
273. Freienstein J.C. [u.a.] (Hrsg.) Äußern und Bedeuten. Festschrift für Eckard Rolf / J.C. Freienstein, J. Hagemann, S. Staffeldt (Hrsg.). – Tübingen : Stauffenburg, 2011. – 323 S.
274. Graffe J. Sich festlegen und verpflichten. Die Untertypen kommissiver Sprechakte und ihre sprachliche Realisierungsformen / J. Graffe. – Münster : Waxmann, 1990. – 321 S.
275. Grice H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // *ders. Studies in the Way of Words.* – Cambridge (Mass.), L. : Harvard Univ. Press, 1991. – P. 22–40.

276. Hauenherm E. Dialoganalyse und Drameninterpretation / E. Hauenherm // Kognitive Aspekte der Sprache. – Tübingen : Niemeyer, 1996. – S. 97–102.
277. Helbig G. Deutsche Grammatik / Gerhard Helbig, Joachim Buscha. – Leipzig : Langenscheidt Enzyklopädie, 1994. – 736 S.
278. Helbig G. Kurze deutsche Grammatik für Ausländer / Gerhard Helbig, Joachim Buscha. – Leipzig : Enzyklopädie, 1980. – 294 S.
279. Helbig G. Die Partikeln / Gerhard Helbig, W. Kötz. – Leipzig : Enzyklopädie, 1981. – 75 S.
280. Henne H. Einführung in die Gesprächsanalyse / H. Henne, H. Rehbock. – B. : de Gruyter, 2004. – 336 S.
281. Hentschel E. Ist das nicht interessant? Zur Funktion verneinter Fragen / E. Hentschel // Literaturwissenschaft und Linguistik. – 1986. – Heft 16, Nr. 64. – S. 73–86.
282. Hindelang G. Zur Klassifikation der Fragehandlungen / Götz Hindelang // G. Hindelang, W. Zillig (Hrsg.) Sprache: Verstehen und Handeln. Akten des 15. Linguistischen Kolloquiums, Münster 1980. –Tübingen : Niemeyer, 1981. – Bd. 2. – S. 215–225.
283. Hindelang G. Sprechakttheoretische Dialoganalyse // Götz Hindelang, Young Sook Yang // Sven Staffeldt, Jörg Hagemann (Hrsg.) Pragmatiktheorien. Analysen im Vergleich. – Tübingen : Stauffenberg, 2014. – S. 149–182.
284. Hirschberg J. A Theory of Scalar Implicature / J. Hirschberg. – N.Y. : Garland, 1991. – 220 p.
285. Horn L. WJ-40: implicature, truth, and meaning / L. Horn // Pragmatics II. – L., N.Y. : Routledge, 2012. – Vol. III. – P. 180–211.
286. House J. Interaktionsnormen in deutschen und englischen Alltagsdialogen / Juliane House // Linguistische Berichte. – 1979. – Heft 59. – S. 76–90.
287. Huang Y. Types of inference: entailment, presupposition, and implicature / Y. Huang // Foundations of Pragmatics. – B., Boston : de Gruyter, Mouton, 2011. – P. 397–424.

288. Hübler A. Metapragmatics / A. Hübler // *Foundations of Pragmatics*. – B., Boston : de Gruyter, Mouton, 2011. – P. 107–138.
289. Hundsnurscher F. Dialoganalyse und Literaturbetrachtung / F. Hundsnurscher // *Concepts of Dialogue: Considered from the Perspective of Different Disciplines*. – Tübingen : Niemeyer, 1994. – P. 77–105.
290. Hundsnurscher F. Does a Dialogical View of Language amount to a paradigm change in Linguistics: Language as Dialogue / F. Hundsnurscher // *Methodologie der Dialoganalyse*. – Tübingen : Niemeyer, 1992. – S. 1–14.
291. Huth L. Behauptungen als Sprechhandlungen / L. Huth // *Beiträge zur semantik und Pragmatik*. – Kronberg/Ts. : Scriptor, 1975. – S. 201–217.
292. Karttunen L. Implicative verbs / L. Karttunen // *Language*. – Vol. 47, №2. – 1971. – P. 340–358.
293. Kiefer F. Questions and Attitudes / F. Kiefer // *Crossing the Boundaries in Linguistics*. – Dordrecht [et. al.] : Reidel, 1981. – P. 159–175
294. Kiparsky P. Fact / P. Kiparsky, C. Kiparsky // *Progress in linguistics*. – The Hague : Mouton, 1970. – P. 143–173.
295. Kislyakova L. Semantische Aspekte der impliziten Negation mit vergebens / L. Kislyakova // *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik*. – Fr./M. : Peter Lang, 2013. – S. 205–210.
296. Klinke W. „Wie heißt die Antwort auf diese Frage?“ Zum Status von Fragen und Antworten in einer Sprechakttheorie / Wolfgang Klinke // *Sprachtheorie und Pragmatik*. – Tübingen : Niemeyer, 1976. – Bd. I. – S. 123–132.
297. Kocsány P. Rhetorische Fragen und Rhetorizität / P. Kocsány // *Sprache und Kognition – Sprache als Interaktion*. – Fr./M. : Lang, 1995. – S. 236–264.
298. Kopytko R. From Cartesian Towards Non-Cartesian Pragmatics / R. Kopytko // *Journal of Pragmatics*. – 2001. – No. 33. – P. 783–804.
299. Kripke S. Presupposition and Anaphora: Remarks on the Formulation of the Projection Problem / Saul Kripke // *Pragmatics II: Critical Concepts in Linguistics* / ed. by Asa Kasher. – L., N.Y. : Routledge, 2012. – Vol. II. –

- P. 143–168.
300. Krivonosov A. Zum Problem der Klassifizierung der deutschen Partikeln / A. Krivonosov // Weydt H. (Hg.) Sprechen mit Partikeln. – B., N.Y. : de Greyter, 1989. – S. 30–38.
  301. Lakoff G. Linguistics and natural logic / G. Lakoff // Synthese. – No. 22. – 1970. – P. 151–271.
  302. Leech J. Principles of Pragmatics / J. Leech – N.Y. : Longman, 1983. – 250 p.
  303. Levinson S.C. Pragmatik / S.C. Levinson ; ins Dt. üb. von M. Wiese. – Tübingen : Niemeyer, 2001. – 476 S
  304. Luzón Marco, M.J. A semantic-syntactic study of implicative verbs based on corpus analysis / M.J. Luzón Marco // Estudios Ingleses de la Universidad Complutense. – No. 7. – 1999. – P. 68–87.
  305. Mao L.R. Beyond politeness theory: ‚Face‘ revisited and renewed / L. R. Mao // Journal of Pragmatics. – 1994. – No. 21.– P. 451–486.
  306. Marmaridou S. Pragmalinguistics and sociopragmatics / S. Marmaridou // Foundations of Pragmatics. – B., Boston : de Gruyter, Mouton, 2011. – P. 77–106.
  307. Meibauer J. Rhetorische Fragen / J. Meibauer. – Tübingen : Niemeyer, 1986. – 292 S.
  308. Meibauer J. Pragmatik: eine Einführung / J. Meibauer. – Tübingen : Stauffenburgverlag, 2001. – 208 S.
  309. Motsch W. Illokutionstypen, Implikaturen und sprachliche Äußerungen / W. Motsch // Implikaturen. Grammatische und pragmatische Analysen. – Tübingen : Niemeyer, 1995. – S. 1–4.
  310. Owen M. Apologies and Remedial Interchanges: A Study of Language Use in Social Interaction / M. Owen. – B. : Mouton, 1983. – 192 p.
  311. Palm Ch. Phraseologie / Ch. Palm. – Tübingen : Narr, 1995. – 130 S.
  312. Papafragou A. Scalar implicature: experiments at the semantics-pragmatics interface / A. Papafragou, J. Musolino // Pragmatics II. – L., N.Y. : Routledge, 2012. – Vol. V. – P. 56–88.

313. Pagin P. Is assertion social? / P. Pagin // *Journal of Pragmatics*. – 2004. – No. 36. – P. 833–859.
314. Potts Ch. Conventional implicatures: a distinguished class of meanings / Ch. Potts // *Pragmatics II*. – L., N.Y. : Routledge, 2012. – Vol. III. – P. 336–365.
315. Peretti P. Die Rückfrage: Formen und Funktionen eines Sprechhandlungstyps im Deutschen und Spanischen anhand eines Corpus der gesprochenen Gegenwartssprache / P. Peretti. – München : Judicium, 1993. – 358 S.
316. Roberts C. Only, Presupposition and Implicature / Craige Roberts // *Pragmatics II: Critical Concepts in Linguistics* / ed. by Asa Kasher. – L., N.Y. : Routledge, 2012. – No. II. – P. 169–221.
317. Rolf E. Sprachliche Informationshandlungen / E. Rolf. – Göppingen : Kümmerle, 1983. – III, 232 S.
318. Rolf E. Sagen und Meinen. Paul Grices Theorie der Konversationsimplikaturen / E. Rolf. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1994. – 269 S.
319. Rolf E. Illokutionäre Kräfte. Grundbegriffe der Illokutionslogik / E. Rolf. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – 257 S.
320. Rudolph E. Zur Klassifizierung von Partikeln / E. Rudolph // Weydt H. (Hg.) *Die Partikeln der deutschen Sprache*. – B. : de Gruyter, 1979. – S. 138–151.
321. Ruiz de Zarobe L. Speech acts and politeness across languages and cultures / L. Ruiz de Zarobe. – Bern [u.a.] : Lang, 2012. – 402 p.
322. Sacks H. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-taking for Conversation / H. Sacks, E. Schegloff, G. Jefferson // *Studies in the Organization of Conversational Interaction*. – N.Y., San Francisco, L. : Academic Press, 1974. – P. 696–753.
323. Sadock J.M. Speech Act Idioms / J.M. Sadock // P.M. Peranteau, G.C. Phares (Hg.) *Papers from the eighth regional meeting of the Chicago Linguistic Society*. – Chicago : Chicago Linguistic Society, 1972. – P. 329–339
324. Sage L.G. Introduction to interpersonal pragmatics / L.G. Sage // *Interpersonal Pragmatics*. – B., N.Y. : de Gruyter, 2010. – P. 1–16.

325. Schegloff E. Notes on a conversational practice: Formulating place / E. Schegloff // Sudnow (Ed.) Studies in social interaction New York. – N.Y. : Free Press, 1972.
326. Schegloff E. Opening up closings / E. Schegloff, H. Sacks // Semiotica. – No. 7 / 4. – 1973. – P. 289–327.
327. Schmachtenberg R. Sprechakttheorie und dramatischer Dialog. Ein Methodenansatz zur Drameninterpretation / R. Schmachtenberg. – Tübingen : Niemeyer, 1985. – 194 S.
328. Schmelz M.P. Auffordern als Phänomen dialogischer Interaktion / M.P. Schmelz // Dialoganalyse. – Tübingen : Niemeyer, 1993. – Bd. IV. – S. 339–344.
329. Schoch D. Computationale Abduktion / D. Schoch // Kommunikatives Verstehen. – Leipzig : Leipziger Univer. Verl., 2002. – S. 198–219.
330. Searle J.R. Speech Acts / J.R. Searle // Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1969. – 206 p.
331. Simons M. Presupposition and Relevance / Mandy Simons // Pragmatics II: Critical Concepts in Linguistics / ed. by Asa Kasher. – L., N.Y. : Routledge, 2012. – Vol. II. – P. 222–246.
332. Sinclair J.M. Towards an Analysis of Discourse / J.M. Sinclair, M. Coulthard. – L. : Oxford University Press, 1975. – 381 p.
333. Soames S. Drawing the line between meaning and implicature – and relating both to assertion / S. Soames // Pragmatics III. – L., N.Y. : Routledge, 2012. – Vol. III. – P. 152–179.
334. Sperber D. Relevance: Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford, Cambridge : Blackwell, 1996. – 326 p.
335. Spillner B. Pragmatische Analyse kommunikativ komplexer Gesprächssituationen in den Komödien Molières / B. Spillner // Literatur und Konversation: Sprachsoziologie und Pragmatik in der Literaturwissenschaft. – Wiesbaden : Athenäum, 1980. – S. 279–308.

336. Spitzmüller J. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse // J. Spitzmüller, I. Warnke. – B., Boston : de Gruyter, 2011. – 236 S.
337. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic analysis of natural language. – Chicago : University of Chicago Press, 1983. – 279 p.
338. Sydorova M.O. Logisch-pragmatische Aspekte der Analyse von dialogischen Reaktionen / M.O. Sydorova // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. – Donezk : Nationale Donezk Universität, 2012. – S. 185–186.
339. Sydorova M.O. Reaktionen im Dialog: Logisch-pragmatischer Ansatz / M.O. Sydorova // Типологія мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах : зб. наук. праць. – № 26. – Донецьк : ДонНУ, 2012. – С. 85–91.
340. Tschauder G. Dialog ohne Sprecherwechsel? Anmerkungen zur internen Dialogizität monologischer Texte / G. Tschauder // Dialoganalyse II. – Tübingen : Niemeyer, 1989. – S. 191–205.
341. Tsui A.B.M. English conversation / Amy B.M. Tsui. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 298 p.
342. Ulfig A. Präsuppositionen und Hintergrundwissen. Eine Kritik am formalpragmatischen Präsuppositionsbegriff / A. Ulfig // Intention – Bedeutung – Kommunikation. – Opladen : Westdeutscher Verl., 1997. – S. 321–342.
343. Ungeheuer G. Gesprächsanalyse an literarischen Texten (Lessing: Der Freigeist) / G. Ungeheuer // Literatur und Konversation – Wiesbaden : Athenäum, 1980. – S. 43–71.
344. Walther J. Zur Logik von Frage und Antwort / Jürgen Walther // Sprachtheorie und Pragmatik. – Tübingen : Niemeyer, 1976. – Bd. I. – S. 133–141.
345. Weigand E. Sprache als Dialog: Sprechakttaxonomie und kommunikative Grammatik / E. Weigand. – Tübingen : Niemeyer, 2003. – 335 S.
346. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction / A. Wierzbicka – B., N.Y. : de Gruyter, 1991. – 502 p.

347. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie / D. Wunderlich. – Fr./M. : Suhrkamp, 1976. – 416 S.
348. Wunderlich D. Was ist das für ein Sprechakt? / Dieter Wunderlich // Sprechakttheorie und Semantik. – Fr./M. : Suhrkamp, 1979. – S. 275–324.
349. Zimmermann K. Indirekte und implizite Sprechakte / K. Zimmermann, P. Müller // Deutsche Sprache. – 1977. – Heft 5. – S. 238–254.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

350. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/>
351. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Режим доступа : <http://www.efremova.info/>
352. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – Режим доступа : <http://www.tapemark.narod.ru/les/>
353. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – Режим доступа : <http://www.ozhegov.org/>
354. Словарь лингвистических терминов Т.В. Жеребило [Электронный ресурс] / Т.В. Жеребило. – Режим доступа : http://lingvistics_dictionary.academic.ru/
355. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.vedu.ru/expdic/>
356. Штерн І.Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. – К. : АртЕк, 1998. – 335 с.
357. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft / H. Bußmann. – Stuttgart : Kröner, 2002. – 783 S.
358. Duden. Die Grammatik / Hrsg. von Günter Drosdowski – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Dudenverlag, 1995. – 865 S.

359. Duden online [Электронный ресурс] – Режим доступа :
<http://www.duden.de/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Aichinger I. Knöpfe / Ilse Aichinger // ders. Auckland. Hörspiele. – Fr./M. : Fischer, 1992. – S. 12–73.
2. Bauer W. Change / Wolfgang Bauer // Spectaculum 14. – Fr./M. : Suhrkamp, 1971. – S. 7–58.
3. Bauer W. Magic Afternoon / Wolfgang Bauer // Wunschkonzert: Stücke aus der BRD, Österreich und der Schweiz. – Moskau : Raduga, 1983. – S. 147–180.
4. Bick M. Puppen lügen nicht / Martina Bick. – München : Droemersch Verlagsanstalt, 1998. – 198 S.
5. Bieler M. Drei Rosen aus Papier / Manfred Bieler // Hörspiele. – B. : Henschel, 1964. – S. 7–39.
6. Bloom L. Rosen in Sankt Johannis : Kriminalroman / Lena Bloom. – Fr./M. : Fouque Literaturverlag, 2002. – 287 S.
7. Brecht B. Die Gewehre der Frau Carrar / Bertolt Brecht. – Fr./M. : Suhrkamp, 1980. – 80 S.
8. Deichsel W. Bleiwe losse / Wolfgang Deichsel // Wunschkonzert: Stücke aus der BRD, Österreich und der Schweiz. – Moskau : Raduga, 1983. – S. 181–218.
9. Ecker Ch. Madonna / Christopher Ecker. – Halle : Mitteldeutscher Verlag, 2007. – 461 S.
10. Evertier P. Man stirbt nicht ungefragt / Paul. Evertier – B. : Volk und Welt, 1989. – 127 S.
11. Fallada H. Kleiner Mann – was nun? / Hans Fallada. – B., Weimar : Aufbau-Verlag, 1974. – 403 S.
12. Fallada H. Der eiserne Gustav / Hans Fallada. – Berlin : Aufbau-Taschenbuch-Verl., 1997. – 749 S.
13. Fester St. Technophobia / Stefan Fester. – Fr./M. : Fischer Taschenbuch Verl., 1998. – 304 S.
14. Feuchtwanger L. Die Witwe Capet / Lion Feuchtwanger. – B. : Volk und Welt, 1983. – 159 S.

15. Feuchtwanger L. Goya oder der arge Weg der Erkenntnis / Lion Feuchtwanger. – B., Weimar : Aufbau-Verl., 1981. – 627 S.
16. Finger R. Vorstellungen und Instinkte / Reto Finger // Theater, Theater: Aktuelle Stücke 19. – Fr./M. : Fischer, 2009. – S. 183–234.
17. Gerstenberg R. Ganzheitlich sterben / Ralph Gerstenberg – Dortmund : GRAFIT, 2000. – 219 S.
18. Grasmeyer Ch. Der unerwünschte Dritte / Christa Grasmeyer. – B. : Neues Leben, 1982. – 216 S.
19. Gieselmann D. Herr Kolpert / David Gieselmann // Playspotting 2 : Neue deutsche Stücke. – Hamburg : Rowohlt, 2002. – S. 169–243.
20. Graf R. Philip Maloney und der Mord im Theater / Roger Graf – Zürich : Kein & Aber, 2000. – 333 S.
21. Gute Zeiten, schlechte Zeiten [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://gzzsz.rtl.de/serie.php?media=galerie>
22. Handtke P. Die Unvernünftigen sterben aus / Peter Handtke. – Fr./M. : Suhrkamp, 1973. – 100 S.
23. Hamilton L. Das Vermächtnis der Wikinger / Lin Hamilton – Augsburg : Weltbild, 2007. – 287 S.
24. Harbeke S. schnee im april / Sabine Harbeke // Theater, Theater : Aktuelle Stücke 12. – Fr./M. : Fischer, 2002. – S. 171–228.
25. Harbeke S. der himmel ist weiss / Sabine Harbeke // Roter Reis: Vier Theatertexte aus der Schweiz. – B., 2003. – S. 44–103.
26. Hauptmann G. Wanda oder Der Dämon / Gerhart Hauptmann. – Gütersloh : Bertelsmann Lesering, 1952. – 285 S.
27. Heim P. Die Ärzte der Schwarzwaldklinik / Peter Heim. – Bayreuth : Hestia, 1987. – 486 S.
28. Horváth Ö. v. Die Unbekannte aus der Seine / Ödon von Horváth // ders. Gesammelte Werke. Bd. 3 : [Komödien]. – Fr./M. : Suhrkamp, 1978. – S. 139–200.

29. Horváth Ö. v. Hin und her / Ödon von Horváth // ders. Gesammelte Werke. Bd. 3 : [Komödien]. – Fr./M. : Suhrkamp, 1978. – S. 201–272.
30. Horváth Ö. v. Der jüngste Tag / Ödon von Horváth // ders. Gesammelte Werke. Bd. 2 : Schauspiele. – Fr./M. : Suhrkamp, 1978. – S. 529–588.
31. Irnberger H. Das Schweigen der Kurschatten / Harald Irnberger – Dortmund : GRAFIT, 1996. – 187 S.
32. Jarzyna G. Areteia / Grzegorz Jarzyna // Theater, Theater : Aktuelle Stücke 20/10. – Fr./M. : Fischer, 2010. – S. 19–39
33. Kehr J. Schuss und Gegenschuss / Jürgen Kehr – Dortmund : GRAFIT, 1995. – 167 S.
34. Klein E. Heimkehr der Indios / Eduard Klein. – B. : Volk und Welt, 1986. – 155 S.
35. Koerbl J.-M. Alte Männer am Meer / Jörg-Michael Koerbl – B. : Volk und Welt, 1990. – 130 S.
36. Kommissar Rex [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://vk.com/videos-27211409?section=album_44106427
37. Konsalik H.G. Liebe auf dem Pulverfaß / Heinz G. Konsalik. – B. : Goldmann, 1991. – 190 S.
38. Kroetz F. X. : Gesammelte Stücke / Franz X. Kroetz. – Fr./M. : Suhrkamp Taschenbuch, 1972. – 504 S.
39. Legère W. Der Ruf von Castiglione / Werner Legère. – B. : Volk und Welt, 1989. – 127 S.
40. Lenk F. Brand-Aktuell / Fabian Lenk – Dortmund : GRAFIT, 1996. – 150 S.
41. Liebmann I. Sie müssen jetzt gehen, Frau Mühsam! [Электронный ресурс] / Irina Liebmann. Режим доступа : http://www.irina-liebmann.de/frau_muehsam.html
42. Lind H. Die Champagner-Diät / Hera Lind. – München : Diana, 2007. – 367 S.
43. Lind H. Der Mann, der wirklich liebte / Hera Lind. – München : Diana, 2012. – 367 S.

44. Mayer G. Morgen wirst du sterben / Gina Mayer. – Düsseldorf : Ravensburger Verl., 2013. – 349 S.
45. Michelsen H.G. Feierabend 1 und 2 / Hans Günter Michelsen. – Lübeck : Suhrkamp, 1963. – 33 S.
46. Moll H. Inspektor Thomsen geht zur Schule / Herbert Moll. – Leipzig : Greifenverlag zu Rudolstadt, 1970. – 216 S.
47. Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt (1. Band) / Dieter Noll. – B., Weimar : Aufbau-Verlag, 1973. – 544 S.
48. Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt (2. Band) / Dieter Noll. – B., Weimar : Aufbau-Verlag, 1976. – 478 S.
49. Pinter, H. Asche zu Asche / Harald Pinter // Fünf moderne Theaterstücke. – Fr./M. : Suhrkamp, 1997. – S. 135–152.
50. Reich Th. K. Sinobara / Thomas K. Reich. – B. : Das neue Berlin, 1986. – 182 S.
51. Remarque E.M. Der schwarze Obelisk [Электронный ресурс] / Erich Maria Remarque. – Режим доступа : <http://artefact.lib.ru/library/remarque.htm>
52. Remarque E. M. Drei Kameraden / Erich Maria Remarque. – Спб. : Капо, 2007. – 350 S.
53. Schertenleib H. Radio Kaschmir / Hansjörg Schertenleib // Theater, Theater: Aktuelle Stücke 12. – Fr./M. : Fischer, 2002. – S. 311–364.
54. Schneider H. Hochzeit mit dem Tod / Helmut Schneider. – B. : Das Neue Berlin, 1974. – 293 S.
55. Sherlock [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://vk.com/video?section=album_46149175
56. Simmel J. M. Ich gestehe alles / Johannes Mario Simmel. – Ulm : Droemer Knaur, 1968. – 303 S.
57. Sonnenberg J. von. Paris ist eine Sünde wert. / Jutta von Sonnenberg. – Hamburg : Mohndruck Creativ Service, 1991. – 117 S.
58. Sperber M. Wie eine Träne im Ozean / Manès Sperber. – Köln : Deutscher Taschenbuch Verl., 2006. – 1034 S.

- 59.Sperr M. Landshuter Erzählungen / Martin Sperr // Wunschkonzert : Stücke aus der BRD, Österreich und der Schweiz. – Moskau : Raduga, 1983. – S. 265–330.
- 60.Steinberg W. Ein Mann namens Nottrodt / Werner Steinberg. – B. : Das Neue Berlin, 1972. – 280 S.
- 61.Stolper A. Konferenz mit Knarrpanti / Armin Stolper // ders. Die Karriere des Seiltänzers. Neun Erzählungen und ein Stück. – Rostock : Hinstorff, 1981. – S. 49–93
- 62.Strauß B. Besucher / Botho Strauß // ders. Besucher. Drei Stücke. – München, Wien : Hanser, 1988. – S. 7–90.
- 63.Strauß B. Die Fremdenführerin. Stück in Zwei Akten / Botho Strauß. – München : Taschenbuch Verl., 1991. – 77 S.
- 64.Strauß B. Trilogie des Wiedersehens / Botho Strauß // ders. Trilogie des Wiedersehens. Groß und klein. : [Zwei Theaterstücke]. – München : Taschenbuch Verl, 1982. – S. 5–124.
- 65.Strittmatter E. Tinko / Erwin Strittmatter. – B., Weimar : Aufbau-Verl., 1974. – 403 S.
- 66.Suter M. Der Teufel von Mailand / Martin Suter. – Zürich : Diogenes, 2007. – 298 S.
- 67.Süskind P. Das Parfum / Patrick Süskind. – B. : Volk und Welt, 1988. – 127 S.
- 68.Traven B. Die Baumwollpflücker / B. Traven. – B. : Volk und Welt, 1986. – 144 S.
- 69.Van Helsing [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://vk.com/deutschonline?z=video159470257_164435914%2F609d1b6f91632d4813
- 70.Vampire Diaries [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://vk.com/videos-27211409?section=album_44191624
- 71.Vertrauter Feind [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://kinox.to/Stream/Vertrauter_Feind.html
- 72.Weber H. Bin ich Moses? / Hans Weber. – B. : Neues Leben, 1976. – 264 S.

73. Weber K.H. Museumsräuber / Karl Heinz Weber. – B. : Das Neue Berlin, 1980. – 188 S.
74. Wendelschmidt F. Aus dem Leben einer vergewaltigten Seele / Fred Wendelschmidt. – Nürnberg : limited edition, 2002. – 165 S.
75. Wendelschmidt F. Auf der Suche nach Sinnlichkeit / Fred Wendelschmidt. – Nürnberg : limited edition, 2004. – 124 S.
76. Witchblade [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://vk.com/videos-27211409?section=album_44393663
77. Unter uns [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.unteruns.de : <http://german.imbd.com/title/tt0108977/episodes>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица А

Двухуровневая коммуникация в драматургическом тексте

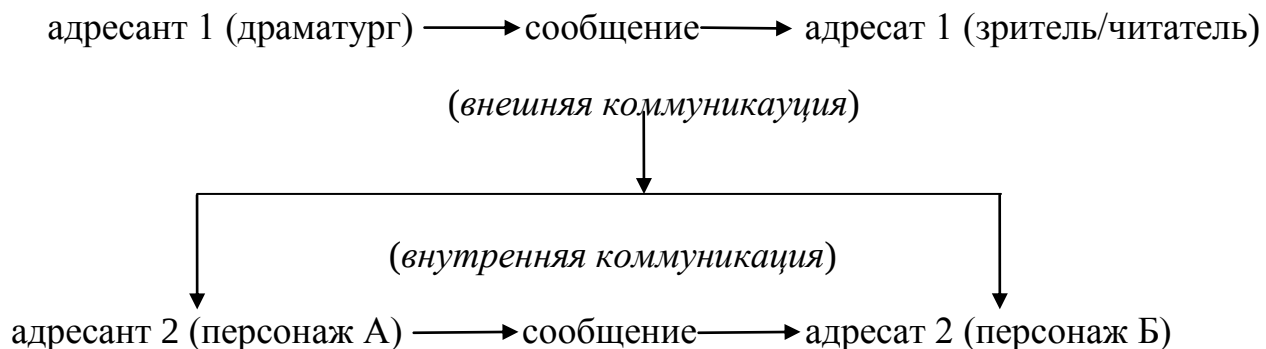

Таблица Б

Частотность типов импликатур реактивных высказываний

Типы имп- ликатур	Типы индикаторов	Индикаторы	Кол-во	%
конвенциональные	лексико-грамматические	глаголы	66	2
		частицы	72	2,2
		прилагательные	126	3,9
		наречия	30	0,9
		местоимения	120	3,7
		сослагательное наклонение	84	2,6
	синтаксические	риторические вопросы	540	16,5
		риторические побуждения	24	0,7
		риторические утверждения	24	0,7
		условные придаточные предложения	120	3,7
		структуры противопоставления	30	0,9
конверза- ционные		дедуктивные	456	14
		индуктивные	258	7,9
		абдуктивные	1314	40,3
		всего	3264	100

Таблица В

**Частотность лексико-грамматических индикаторов имплицатур
реактивных высказываний в немецкоязычном диалогическом дискурсе**

индикаторы	кол-во	%	
• глаголы:	66	13,2	
▪ имплицативные	12	18,1	} 100
▪ фактивные	18	27,3	
▪ пресуппозиционные	36	54,6	
• частицы:	72	14,5	
▪ <i>auch</i>	36	50	} 100
▪ <i>nur</i>	24	33,3	
▪ <i>sogar</i>	12	16,7	
• прилагательные:	126	25,3	
▪ в сравнительной степени	120	90,5	} 100
▪ в превосходной степени	6	9,5	
в том числе:			
• <i>gut</i>	30	23,8	} 100
• <i>gern</i>	24	19	
• другие	72	57,2	
• наречия:	30	6	
▪ <i>immer</i>	6	20	} 100
▪ <i>überall</i>	6	20	
▪ <i>zuerst</i>	12	40	
▪ <i>nie</i>	6	20	
• местоимения:	120	24,1	
▪ неопределенно-личные	42	35	} 100
▪ притяжательные	30	25	
▪ указательные	30	25	
▪ отрицательные	12	10	
▪ личные	6	5	
• сослагательное наклонение глагола:	84	16,9	
▪ <i>Konditionalis 1</i>	36	42,9	} 100
▪ <i>Präteritum Konjunktiv</i>	48	57,1	
Всего от общего количества высказываний	498	100	

Таблица Г

Частотность синтаксических индикаторов имплицатур реактивных высказываний в немецкоязычном диалогическом дискурсе

индикаторы	кол-во	%	
• риторические вопросы:	540	73,8	100
- общевопросительной структуры:	186	34,4	
- с модальными глаголами	48	25,8	
- с модальными частицами	18	9,7	
- специальновопросительной структуры:	354	65,6	
- с модальными глаголами	108	30,5	
- с модальными частицами	30	8,5	
• риторические утверждения:	24	3,3	100
- <i>Ich werde p +>> Ich werde ~p</i>	3	10	
- <i>Als ob p +>> ~p</i>	7	30	
- <i>Als ~p +>> p</i> или <i>Als p +>> ~p</i>	8	35	
- <i>p möchte ich sehen +>> ~p</i>	6	25	
• риторические побуждения:	24	3,3	100
- с частицами <i>nur, noch</i>	6	25	
- с глаголом <i>nennen</i>	6	25	
• условные придаточные предложения:	120	16,4	100
- <i>Wenn p, dann q +>> ~p</i>	36	30	
- <i>p? – Wenn ~p, dann q +>> p</i>	24	20	
- <i>p? – Wenn nur p, dann q +>> p&r</i>	12	10	
- <i>p? – Wenn q +>> Wenn q, dann p</i>	30	25	
- <i>p – Wenn q +>> ~q</i>	18	15	
• структуры противопоставления:	30	4,1	100
- <i>Ich und p? +>> Ich ~p</i>	18	60	
- <i>Ich und nicht p? +>> Ich p</i>	6	20	
- <i>Du und p? +>> Du kannst ~p</i>	6	20	
Всего от общего количества высказываний	738	100	

Таблица Д

Свойства глаголов и глагольных сочетаний-индикаторов имплицатур

тип глагола	пример употребления	наличие пресуппозиции	тест на отрицание	комплимент
фактивные: <i>akzeptieren, ärgern, amüsieren, gestehen, entdecken, begreifen, ignorieren, bedauern</i> и т.п.	– <i>Bist du ein Bester?</i> – <i>Ich will es versuchen, Mutter.</i> (+>> <i>Ich bin kein Bester</i>) (Strittmatter)	+	+	прида- точное дополни- тельное
пресуппозиционные: <i>suchen, öffnen, fragen, vorstellen, verloben, anziehen</i> , и т.п.	– <i>Und Monika wusste es?</i> – <i><...> sie hat nichts verraten.</i> (+>> <i>Monika wusste es</i>) („Kommissar Rex“)	+	+	–
имплицативные: <i>versuchen, gelingen, misslingen, aufhören, beginnen, scheitern, fortsetzen, sich beschäftigen</i> и т.п.	„ <i>Na, was ist mit den Mädchen?</i> “ <i>fragte er.</i> „ <i>Ich suche noch</i> “, <i>sagte ich.</i> (+>> <i>Ich habe kein Mädchen</i>) (Weber)	+	–	инфини- тивный оборот

Таблица Е

Соотношение иллокуций в имплицитных речевых актах

Имплицитная иллокуция / Эксплицитная иллокуция	ассертив	директив	квеситив	комиссив	экспрессив
ассертив	+	+	–	+	+
директив	+	+	–	+	+
квеситив	+	+	–	+	+
комиссив	+	+	–	–	–
экспрессив	+	+	–	+	+

Таблица Ж

**Частотность иллокутивных актов, реализованных высказываниями с
индикаторами конвенциональных имплицатур в немецкоязычном
диалогическом дискурсе**

Иллокутивные типы РА Индикатор	ассертив		директив		квеситив		комиссив		экспрессив	
	кол- во	%	кол- во	%	кол- во	%	кол- во	%	кол- во	%
глаголы	54	5,3	6	14,3	0	0	0	0	6	33,3
частицы	66	6,4	0	0	0	0	0	0	6	33,3
прилагательные	108	10,5	0	0	0	0	18	12	0	0
наречия	18	1,8	0	0	0	0	12	8	0	0
местоимения	102	10	0	0	0	0	18	12	0	0
сослагательное наклонение	60	5,8	6	14,3	0	0	18	12	0	0
риторические вопросы	486	47,4	6	14,3	0	0	48	32	0	0
риторические утверждения	12	1,2	6	14,3	0	0	6	4	0	0
риторические побуждения	18	1,8	0	0	0	0	0	0	6	33,3
условные придаточные	78	7,6	18	42,8	0	0	24	16	0	0
противопоставления	24	2,3	0	0	0	0	6	4	0	0
всего высказываний с конвенциональными имплицатурами: 1236 =	1026	100	42	100	0	0	150	100	18	100

Таблица 3

**Частотность иллокутивных актов,
реализованных высказываниями с конверсационными импликатурами
в немецкоязычном диалогическом дискурсе**

Иллокутивные типы РА Тип имплицатур	ассертив		директив		квеситив		комиссив		экспрессив	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
дедуктивные имплицатуры	354	23,4	42	15,2	0	0	60	25	0	0
индуктивные имплицатуры	258	17	0	0	0	0	0	0	0	0
абдуктивные имплицатуры	900	59,6	234	84,8	0	0	180	75	0	0
всего высказываний с конверсационными имплицатурами: 2028 =	1512	100	276	100	0	0	240	100	0	0

Таблица И

**Частотность типов реактивных речевых актов в немецкоязычном
диалогическом дискурсе**

Тип реакции	Кол-во	%
поддерживающая	1260	38,6
неподдерживающая	1626	49,8
отсроченная	378	11,6
всего реактивных высказываний	3264	100

Таблица К
Иллокутивные свойства реактивных высказываний с имплицатурами

характеристика реактивный РА		реакция на:	имплицит- ная иллокуция	семантический тип	эксплицит- ная иллокуция	возможная сопутству- ющая иллокуция	тип реакции
1		2	3	4	5	6	7
ответ	на специаль- ный вопрос	квеситив	ассертив	1) восполнение недостающего элемента запрашиваемой пропозиции, выраженного вопросительным словом	экспрессив, ассертив, квеситив	экспрессив	отсроченная
	2) отрицание пресуппозиции вопроса			неподдержи- вающая			
	на общий вопрос			1) обоснование положительного или отрицательного ответа,	экспрессив, ассертив, квеситив	экспрессив	отсроченная
				2) спецификация положительного или отрицательного ответа,			
				3) следствие из оценки вопроса как положительный или отрицательный ответ			
уход от ответа			директив	-	ассертив	-	неподдержи- вающая
отказ (деклинатив)		комиссив (оффератив – предложение услуги)	директив	1) причина отказа,	ассертив, квеситив	-	неподдержи- вающая
2) побуждение к действию							
согласие				обобщение	ассертив, квеситив	-	поддержи- вающая

Продолжение таблицы К

1	2	3	4	5	6	7
отказ	директив (совет, просьба, приказ)	комиссив, директив	1) причина отказа: <i>Es ist nicht möglich, weil p</i> (Нет надобности, потому что...) <i>Es ist nicht möglich, weil p</i> (Этоневозможно, потому что...) <i>Es hat keinen Zweck, weil...</i> (Это не имеет смысла, потому что...)	ассертив	экспрессив	неподдерживающая
			2) отрицание пресуппозиции			
			3) отсылка к общему знанию			
			4) несовместимость действий адресанта			
			5) отрицательная оценка инициального РА			
			6) информирование			
согласие	директив (совет, просьба, приказ)	комиссив	1) позитивное отношение к предизируемому действию	ассертив, экспрессив, директив	-	поддерживающая
			2) причина согласия			
			3) заверение в искренности			
			4) генерализация			
			5) условие согласия			отсроченная
возражение	ассертив (сообщение, мнение, констатация, предположение)	ассертив, экспрессив	1) эмоциональное (выражение неверия в положение дел, представленное пропозицией инициального РА)	ассертив, квеситив	экспрессив	неподдерживающая
			2) рациональное экспликацию логического аргумента, нивелирующего положение дел, представленное в инициальном РА		-	
подтверждение		ассертив, директив	-	ассертив, квеситив	-	поддерживающая
подтверждения обвинения	экспрессив (негативный эвалюатив)	ассертив, директив, экспрессив	-	ассертив, директив, квеситив	экспрессив	поддерживающая
оправдание			-			неподдерживающая
ответное обвинение			-			
опровержение			-			
ответный эмотив	экспрессив (эмотив)		-			поддерживающая
утешение			-			

Таблица Л
Частотность высказываний с импликатурами
как реакций на иллокутивные акты

реак- ция на	иллюкуц.	семантический тип		кол-во				%					
				об- щее	из них	из них	из них	от общ кол.	из них	из них	из них		
1	2	3		4				5					
квеситив	ответ	на сл. вопрос	1) восполнение недостающего эл-та проп-ции	1740	1716	244	120	53,3	98,6	14,2	49,2		
			2) отрицание пресуппозиции вопроса				124				50,8		
	на общий вопрос	1) обоснование ответа	1472			642	85,8			43,6			
		2) специфика-ция ответа				540				36,7			
		3) следствие из оценки вопроса				290				19,7			
	уход от ответа – директив					24					1,4		
	комиссив	отказ	1) причина отказа			528	348			156		16,2	65,9
2) побуждение к действию			192		55,2								
согласие		180			34,1								
ассертив	возражение	1) эмоциональное	360	180	48		11	50	26,7				
		2) рациональное			132				73,3				
	подтверждение			180				50					

Продолжение таблицы Л
Частотность высказываний с импликатурами
как реакций на иллокутивные акты

1	2	3	4				5			
директив	отказ	1) причина отказа	516	348	90		15,8	67,4	25,9	
		2) отрицание пресуппозиции			48				13,8	
		3) отсылка к общему знанию			60				17,2	
		4) несовместимость действий адресанта			48				13,8	
		5) отриц. оценка инициального РА			66				19	
		6) информирование			42				12,1	
	согласие	1) позит. отношение к предизируемому действию	168	15,8	32,6	54		32,1		
		2) причина согласия				18		10,7		
		3) заверение в искренности				30		17,9		
		4) генерализация				24		14,3		
		5) условие согласия				42		25		
экспрессив	подтверждения обвинения		120	12		3,7	10			
	оправдание			42			35			
	ответное обвинение			30			25			
	опровержение			24			20			
	ответный эмотив			6			5			
	утешение			6			5			
	всего	3264				100				

Таблица М

**Частотность иллокутивных актов, реализованных высказываниями
с имплицатурами в немецкоязычном диалогическом дискурсе**

имплицитная иллокуция	кол-во	%
ассертив	2136	65,4
квеситив	0	0
директив	294	9
комиссив	750	23
экспрессив	84	2,6
всего высказываний с имплицатурами	3264	100

Таблица Н

**Частотность стратегий и тактик, реализованных высказываниями
с имплицатурами в немецкоязычном диалогическом дискурсе**

стратегия	тактики	кол-во	%
аргументация	обоснование	543	16,7
	обобщение	567	17,4
вежливость	ликоповышение адресата	427	13,1
	собственное ликопонижение	435	13,4
	намекание	495	15,2
вуалирование	собственное ликоповышение	376	11,6
	эвфемизация	453	13,9
	уклонение	387	11,9
	ликопонижение адресата	271	8,4
	ликоповышение /ликопонижение третьего лица	271	8,4

Таблица О
Дискурсивно-стратегические свойства реактивных высказываний с импликатурами

характеристики стратегия	тактики	реакция на:					имплицитная иллокуция
		ассертив	квеситив	директив			
аргументация	обоснование	+	+	+	+	+	возражение, отказ, согласие, ответ, оправдание
	обобщение	-	+	+	+	+	ответ, согласие, оправдание
вежливость	ликоповышение адресата	-	+	+	+	-	ответ, отказ
	собственное ликопонижение	-	+	+	+	-	ответ, отказ
	намекание	+	+	+	+	+	подтверждение, возражение, ответ, согласие, обвинение
вуалирование	собственное ликоповышение	-	+	-	-	+	ответ, согласие, оправдание
	эвфемизация	+	+	-	-	+	подтверждение, ответ, обвинение
	уклонение	-	+	-	-	-	ответ
	ликопонижение адресата	+	+	+	-	+	возражение, ответ, отказ, эмотив
	ликоповышение /ликопонижение третьего лица	+	+	+	-	-	подтверждение, ответ, согласие, отказ

Таблица II

**Возможности совмещения тактик, реализуемых высказываниями с
импликатурами в немецкоязычном диалогическом дискурсе**

	обоснование	обобщение	ликоповышение адресата	собственное ликопонижение	намекание	собственное ликоповышение	эвфемизация	уклонение	ликопонижение адресата	ликоповышение /-понижение 3 л.
обоснование		+	+	+	—	+	—	+	—	+
обобщение	+		+	—	—	—	—	+	—	+
ликоповышение адресата	+	+		+	+	—	+	+	—	—
собственное ликопонижение	+	—	+		+	—	—	+	—	—
намекание	—	—	+	+		+	+	+	—	+
собственное ликоповышение	+	—	—	—	+		+	+	+	—
эвфемизация	—	—	+	—	+	+		+	—	+
уклонение	+	+	+	+	+	+	+		+	+
ликопонижение адресата	—	—	—	—	—	+	—	+		—
ликоповышение /-понижение 3 л.	+	+	—	—	+	—	+	+	—	